

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ L X V .

М О С К В А .

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ Типографіи,

1 8 1 2 .

Печаташь дозволяется съ пѣмь, чшобы по ошпечаташій, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комишешъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Департаменша Министерсшва просвѣщенія, два экземпляра для Императорскей публичной Библиошеки и одинъ для Императорскей Академіи наукъ. Декабря 20 дня, 1812 года. По назначенію Цензурнаго Комишеша, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Девгубскій.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 17. СЕНТЯБРЬ 1812.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Слово на день восшествія на Престолю ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА (*).

Поставляя да поставиши надъ собою Князя, еѳо же избереть Господь Богъ твой.

Второз. Гл. 17. ст. 15.

Всякое благо ниспосылается свыше отъ Отца свѣтовъ (**): Убо общее благо цѣлаго народа наибаче не можетъ быти случайнымъ происшествіемъ. Еслибъ человекъ; среди бѣдъ и злоключеній, коимъ, по свойству сей жизни, часто подвергаетъ

(*) Произнесенное въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ Синодальной Конторы Членомъ, Ректоромъ, Архимандритомъ и Кавалеромъ Сумерномъ 12 Марта 1812.

***) Іак: Гл. 1. ст. 17.

ся въ мѣрѣ, оставленъ былъ прозорливости только собственнаго разума; если бы не бодрствовало надъ его пушями прозорливѣйшее око Всевышняго: то былъ бы онъ поверженъ несчастнѣйшее прочихъ. Силы племени опъ безпокойствъ слабѣютъ; разсудокъ, при различныхъ и прудныхъ переворопахъ, переепся: подобно соснавь общесствъ не устоитъ противъ бури, сокрушающей иногда великіе колоссы Имперій, если не Господь сохранитъ цѣлоспъ и неколебимоспъ. Мудрый Повелитель народа еспъ залогъ Божіа попеченія о людяхъ. Богъ избираетъ Его, *по сердцу своему, да сотворилъ въ немъ вся хотѣнія своя* (*). *Поставляя да поставиши, глаголетъ Вседержитель Израилю, надъ собою Князя, его же избересть по всевѣденію и милосердію своему Господь Богъ лвой, къ славѣ своей и къ спвоему благоденствію. Воими гласу Его, гласу Опеческой къ шебѣ любви; повинуйся законамъ Его, законамъ охраняющимъ спвою безопасность; люби и чпи Его, яко избра Его Господь Богъ спвой!*

Сынове Россіи! ваши взоры, исполненные днесъ радости и благоговѣнія, паче всякаго слова выпійснвуютъ хвалы и благо-

---

(*) Дѣян. Гл. 13. ст. 22.

даренія къ Небесному Царю Царей, яко избра надѣ нами царшвовашаи возлюбленнаго Помазаника своего АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. Ваши шеплыя нынѣ молишвы суть мирныя жерпвы, приносимыя Богу правосудія; яко являешся Онѣ въ Монархѣ вашемѣ Богомѣ милосердія и щедрощѣ. Счаспливыя лѣша Его благодѣшпельнаго царствія сосшавляющѣ злашую цѣнь, кошорою въ кругѣ временѣ будещѣ украшашься Россія. Чегожѣ вы желаете и просите днешь опѣ Бога? — Того чшобы и въ грядущее время. шаковыя небесныя благодѣшнія изливались на васѣ? Чшобы ваше благоденшвіе было постоянно? — Исполнишѣ Господѣ вся прошенія ваша. Но къ сему пошребно и сѣ нашей спороны всевозможное содѣшпвіе, дабы доспигнушѣ единшвенной цѣли желаній нашихѣ и желаній Монарха нашего — видѣшѣ Россію блаженною, Монархѣ нашѣ; Россіяне, живещѣ для блага Россіи: убо и мы должны жить и всѣмѣ жершвовать для общаго блага нашего Отечества. Мысль сія да будещѣ предметомѣ моего слова,

Всѣ дѣшпшія челошческія имѣющѣ взаимныя между собою соотношенія, въ постепенности званій, должностей, дарованій и усилій въ дѣшпшваніи. Цѣлое шѣмѣ крѣпче и прочише, чѣмѣ шверже части,

составляющія оное. И нравственно-политическое цѣлое тѣмъ неколебимѣе и безопаснѣе отъ превращенности, чѣмъ дѣятельнѣе члены въ кругѣ своихъ должностей, чѣмъ стремительнѣе ко благу Отечества желанія, чѣмъ ревностнѣе исполненіе оныхъ. Здѣсь не лѣзя ни одного, живущаго въ обществѣ, исключивъ изъ шѣсной связи, соединяющей всѣхъ во едино. Не одинъ шопѣ, кто поставленъ Провидѣніемъ на высшей степени, обязанъ въ точности исполнять правила, предписываемыя отличнымъ достоинствомъ: и послѣдній прослоюдинъ уже вредитъ много Отечеству, ежели не такъ живетъ и дѣйствуетъ, какъ сынъ Отечества. Не одинъ шопѣ, коего санъ и званіе удаляютъ отъ излишествъ и злоупотребленія благъ земныхъ, долженъ сохранять умѣренность и воздержаніе; но и среди всѣхъ веселій живущій, ежели пресупаецъ предѣлы дозволеннаго, есть худой ревнитель общаго блага, естества. Не одинъ шопѣ, кто препоясавъ по бедрѣ своей мечъ, ограждающій щипомъ мужества, отражаетъ вражескія нашествія иноплеменныхъ, долженъ не только силы и здравіе, но и жизнь положить для защищенія родившей его страны: — и самый безоружный обипашель безмолвной веси, если не готовъ всѣмъ собою жертвовать пользамъ Отечества, есть

нарушилъ общественнаго порядка и стѣ-
войспвія. Не одинъ попъ, нпо свои даро-
ванія просвѣтивъ науками, носитъ имя
ученаго, обязанъ научать подобныхъ себѣ
быть полезными гражданами, добрыми оп-
цами, послушными чадми, вѣрными и
любезными во всѣхъ поступкахъ собрашя-
ми: — и непросвѣщенный невѣжда, но зна-
ющій различать доброе отъ лукаваго, по-
грѣшитъ непросшительно, если можетъ,
но не хочетъ удержатъ злое шворящаго.
Такъ! — и высшіе и низшіе, и силь-
ные и маломощные, и знатные и неслав-
ные, и паспырь и пасомый, и судія и
подчиненный, и господинъ и рабъ, и во-
инъ и селянинъ, да несуть каждый иго
свое ревностно, усердно, безпорочно. —
Погрѣшительно будетъ думать, что есть
въ обществѣ какой либо членъ, ничего не-
значущій. Каждой или вреденъ, или по-
лезенъ. Добродѣтельный сынъ Церкви и
Опечества во всѣхъ званіяхъ и должно-
стяхъ есть мужъ любезный Богу и чело-
вѣкамъ: чрезъ него благословенія небесныя
изливаются и на ближнихъ его. Разврат-
ный — презритель вѣры и благочестія,
ктобъ онъ ни былъ, — есть гнилой членъ,
заражающій все сопредѣльное ему.

Опдѣлите отъ себя, Слуш! сихъ двухъ
вашихъ согражданъ, поставьте ихъ на сре-

ду, и спросите о содѣйствіи къ общему благу? — Добродѣтельный — если не крѣпостію швлесныхъ силъ, то крѣпостію совѣща и разума; если не богатствомъ ума, то избытками хозяйственной бережливости; если не имуществомъ, то искренними желаніями, теплыми молитвами, ежечасно представивъ себя вѣрнымъ слугою своему Царю. Но развратный отречется отъ всего. Онъ скажетъ: къ воинскимъ подвигамъ я не приучалъ себя: не могу сносить ни трудовъ, ни беспокойствъ; о средствахъ къ обществу благополучію думать никогда до меня не принадлежало; имѣніе еще недостаточное для обширныхъ плановъ моего желанія; — ни желать, ни молиться неумѣю; чего желать, не знаю, кромѣ забавъ и увеселеній; молиться — дѣло не мое. Сей ли достойнъ нарежиса сынъ швой, любезное добрымъ Опечество? Сели вашъ сочленъ, чада, по опличнымъ качествамъ и дѣламъ, единого многочисленнаго семейства? Ахъ! сошворитъ ли онъ плодъ достоинъ вашей чести и достоинства? — Плодъ разврата подобенъ плоду, поднесенному искусителемъ древле въ рай первозданнымъ Праотцамъ. Приятенъ для очей; но вкуси отъ плода сего: — тотчасъ познаешь *нагату* (*);

(*) Быш., Гл. 3. 6.

лищеніе добродѣтелей; опверзущся очи твои на собственный срамъ твой, почувствуешь недоспашокъ въ душевномъ и тѣлесномъ здравіи; увидишь себя въ рай вожделѣннаго спокойствія; разорвешь миръ съ Богомъ, ближними и самимъ собою. Правосудіе небесное проспретъ пламенный мечъ на пораженіе преспуника, — яросль гнѣва Его возгорится, и безполезные племелы пожгутся огнемъ нелицепріятнаго суда, — И пороѣвъ весьма многоплоденъ, Сколько спраспей, сподико возмушипелей общаго благоденствія. *Откуда (*) бранн и свары въ васъ? Не отсюду ли олтъ сластей ващихъ, воюющихъ во удѣхъ ващихъ?* Спрасни, во всѣхъ звачіяхъ и должностяхъ, супъ тѣ домашніе враги, кои нечувствительнo подкапываютъ храмину общеспеннаго благополучія, виждуцагся на взаимномъ храненіи правды и дружественныхъ сообщеній. Жизнь своеволя и вѣроломства ещѣ медленная смерть, угрожающая разрушеніемъ семействамъ, градамъ и цѣлымъ обществамъ. Цѣнѣ! но пакъ надлежитъ жить, если хотимъ жить для прочной славы и долготшнаго блага общества. Путь истинной чести открьши шебъ, вѣрный сынъ Отчества, въ законахъ Царя небснаго, и Царя зем-

---

(*) Гак, 4.

наго. Напиши на скрижалѣхъ сердца швоего сѣи двоякія но сходныя между собою заповѣди. Поучайся въ нихъ во вся дни живота швоего: *воздавай Божія Богови и Кесарева Кесареви* (*). Се единствен-
ная жизнь, кановую каждый изъ насъ дол-
женъ посвятить благодѣшвію Ошече-
шва! —

Но не довольно такимъ образомъ жить для блага его! надобно и всѣмъ оному жертвовать. Сего пребуешь отъ насъ собственная наша польза, собственное спокой-
швіе. — Колико каждая часъ нужна для красоты и совершенства цѣлаго, столько для поддержанія оныхъ необходимо содѣй-
швіе отъ прочихъ частей. Когда неисповыя бури, приражаясь, колеблютъ храми-
ну; будешь ли обитающій въ ней наслаж-
даться безмятежнымъ спокойствіемъ? Ко-
гда соберутся надъ главою молніеносныя
лучи, ударить громъ и потрясетъ серд-
це хладныя земли; не воспрепятствуй ли и
каменное сердце человека, незнающаго ни
боясья Бога, ни любить ближняго? По-
колеблются предѣлы Ошечешва отъ не-
исповыхъ буръ вражескихъ ополченій? Уже
ли тогда будешь ты предаваться бездѣй-
швію и праздности? Вреветъ бранные

(*) Матт. 22. 22.

громы, попрясающіе пвердыни каменныхъ горъ? Уже ли твое сердце будетъ безчувственнѣе камней? Нѣтъ, Слуш! мы тогда полно можемъ спокойно наслаждаться дарами природы и Провидѣнія, когда ненарушается общее спокойствіе. Убо сколь вождѣнна каждому пищина, споль же напряженны должны бытъ силы каждаго къ защищенію общей безопасности. — Сладоспѣнъ для себя сонъ; но нужда общаго спокойствія пребуешъ, чшобъ ты бодреспивовалъ неупомимо: не предавайся споль опасному тебѣ и ближнимъ пвоимъ сну! — Чшо любезнѣе родителѣмъ чадѣ своихъ? Но если Провидѣніе, объявляющее свои премудрыя усшавы посредствомъ предержащія Власти, зоветъ ихъ на поле чесши и славы, или опредѣляетъ къ должностямъ общеспвеннымъ; да благословяетъ родители Небо, избирающее символъ ихъ орудіемъ своего промысла! Се сущъ тѣ счастливые дни ихъ жизни, *въ нѣже Господь призрѣ отъяли поношеніе ихъ въ чловѣцвхъ* (*). — Драгоценна для насъ наша собственность, богатство и сокровища? Но ахъ! Слушатели, чшо мы можемъ назвашъ своего собственностію? Нагъ возшелъ ты въ мѣръ еей, нагъ и изыдеши.

(*) Луки, Гл. 8.

Нагъ взошелъ: — но Опечество прїяло тебя въ свои объятїя. Оно чрезъ свои надолюбивыя поспановленїя и законы сохранило для тебя и родителей, и наследство. Оно не допустило своею бдительностїю хищную руку лишить тебя прежде, нежели раскрылись твои понятїя, всего твоего имущества. Оно дало тебѣ наставниковъ, кои образовали твои способности. Оно поставило надъ тобою начальниковъ, кои удерживали и удерживаютъ волю твою, по поврежденїю естества нашего всегда болѣе склонную ко злу, нежели къ добру. Оно даровало тебѣ права гражданина, по которому ты уже сдѣлался самъ господиномъ своего стяжанїя, и получивъ свободу по волѣ своей располагать нѣкопорою частїю опечественныхъ сокровищъ, не живешь, но, можно сказать, царствуешь среди прохладъ и досужества, имѣешь не только все нужное къ содержанїю не одного пребывающаго по естеству своему тѣла твоего, но и избыточествуешь до пресыщенїя и роскоши. Оно и нынѣ сохраняетъ какъ жизнь твою, такъ и стяжанїе твое. Какъ же можно послѣ сего почитать намъ своею собственностїю то, что есть единый даръ общаго нашего благодѣтеля, даръ любезнаго Опечества? Если и возвратимъ мы ему десять паланцовъ ;

то пмами еще будемъ должны. Всякой изъ насъ долженъ сказать ему: *вся моя твоя суль* (*)!

Здѣсь, можетъ быть, иные возражутъ естественнымъ правомъ, поставляющимъ въ неприкосновенности снисканное трудами, дарованіями, заслугами. — Ошибитесь вы на сіе вашимъ примѣромъ, вы благородныя души, вы великодушныя прои, нещадающіе живота вашего для ихъ, кои, радѣя болѣе приходямъ своимъ, жалуютъ для васъ малѣйшихъ пожертвованій! Если гласъ разсудна и совѣсти не заспашилъ ихъ здравѣ мысли и бытъ признапельнѣ къ безсмертнымъ вашимъ заслугамъ и къ безчисленнымъ благодареніямъ Ощеснпа; то откройте имъ раны наши, полученныя вами за спасеніе ихъ на полѣ брани. Пролиная вами кровь да заспашилъ ихъ успыдишься и, *не токмо за живы, но и за совѣсть* (**), поварішься Господу, владычешивующему въ Царѣ земномъ!

О человекъ! сколь ты благороденъ и сколь низокъ! благороденъ, когда шворинъ добро по любви къ Богу и ближнему; низокъ, когда уклоняешься отъ добра подъ благовидными предлогами, кои всегда изы-

(*) Іоан. Гл. 17. ст. 10.

(**) Рим. 13. 5.

вживаешь тщательнѣе; дабы оправдать себя во всѣхъ дѣлахъ твоихъ, противныхъ закону Божію. И подлинно, не будешь ли пошлѣ нарушителемъ закона Божія, основаннаго на единой любви; кто для блага общаго, для блага ближнихъ, для собственнаго своего блага опречется всѣмъ, чѣмъ можешь жертвовать. *Истинная любовь не ищетъ своихъ си, но еже ближняго своего (*)*. Сія есть заповѣдь моя; въщаетъ прѣвѣчная Любовь, принесшая себя на жертву за спасеніе міра, да любите другъ друга, яко же возлюбилъ въ (**). *Больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*. Въшъ высшая степень любви — *положить душу свою за други своя* — степень; къ которой; яко къ истинному совершенству; всякой спремисься долженъ! Здѣсь паки да поспыдаются презрѣнныи себялюбцы; паки да увѣнчающся благословеніями небесными усердные ревнители общественнаго благоденствія! Да будетъ всегда съ нами Богъ, Богъ мира и любви; а — *мыслящии зло да облекутся въ стыдъ и срамъ (***)*! —

Боже храняй завѣшъ Твоихъ любящимъ Тя и соблюдающимъ повелѣнія Твоя! да

(*) 1 Кор. 13 ст. 5, и Гл. 10. ст. 24.

(**) Иоан. Гл. 15. ст. 12. и 13.

(***) Пс. 34. ст. 26.

будушѣ очи Твои опверсны день и ноцѣ на покровишельспвуемую Тобою Россію! Соблюди подѣ небесымѣ кровомѣ Твоимѣ, яко зеницу ока, оправданнаго Тобою царспвоваши надѣ нами Благочеспивѣйшаго Государи нашего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА! Ты сошворилѣ еси ЕГО Опца, о чадѣхѣ веселящагося; сошвори, да и мы, чада Его, возвеселимся о Его долгоденспвіи и здравіи! Рука Твоя да заслулилъ Его, и мышца Твоя укрѣлилъ Его (*): ничтоже услѣтель врагѣ на него, и сынѣ беззаконія не приложилъ озлобилъ Его. Истина Твоя и милость Твоя съ нимѣ, и о имени Твоемѣ вознесетѣ рогѣ Его! Аминь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Военная пѣснь.

(При полученіи Высочайшаго Манифеста въ Нижегородской Губерніи объ ополченіи на защиту Отечества.

Іюля 25 дня 1812.)

Спремися грозно ополченье
 Подѣ сѣнью отческихѣ знаменѣ
 Туда — гдѣ лешь, коварство, мщенье,
 Готовяшѣ Россамѣ вѣчный плѣнѣ!

(*) Пс. 22. сп. 22. и 25.

Хоръ.

Внимая гласу воли Царской,
Спрашишься ль вражьихъ намъ угрозъ? —
Не всякъ ли потъ изъ насъ *Пожарской*,
Кто духомъ, сердцемъ, чувствомъ Россѣ! —

Нашъ ЦАРЬ — наслѣдникъ Ярослава;
А мы — потомки пѣхъ Славянъ,
Предъ коими лешала слава
И громъ бросала въ вражій станъ!

Хоръ.

Внимая гласу воли Царской. и проч.

Пойдемъ! — душами сѣдинимся,
Россіи храбрые сыны!
Усердемъ, вброй ополчимся
Къ защитѣ отческой сираны!

Хоръ.

Внимая гласу воли Царской. и проч.

Дружину новаго Мамаю
Съ лица земли родной сопремъ,
И местию праведной пылая,
Иль лавръ въ бою — иль смерть найдемъ! —

Хоръ.

Внимая гласу воли Царской. и проч.

Брагу шамъ можно ль покориться,
Гдѣ щимъ Отчества — въ сердцахъ!
Здѣсь все опчизнѣ посвятится!
Здѣсь *Минина* священный прахъ! —

Хоръ.

Внимая гласу Воли Царской,
Спрашишься ль вражьихъ намъ угрозъ?
Не всякъ ли потъ изъ насъ *Пожарской*,
Кто духомъ, сердцемъ, чувствомъ Россѣ! —

К. — въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Римскомъ правѣ.

Юстиніанъ, котораго исторія укоряетъ въ томъ, что онъ проложилъ себѣ путь ко прону убійствомъ, былъ недопонимъ, если въришь Прокопію, шѣхъ похвалъ, какія обыкновенно ему приписываютъ Юрисконсулышы; но надобно вспомнишь, что знаменитыхъ людей и хваляшъ и порицаютъ всегда до излишества. Его называютъ корыстлюбовымъ и жестокимъ; вмѣняютъ ему въ порокъ непостоянство вразсужденіи законовъ, которые онъ издавалъ слишкомъ часто; наконецъ порицаютъ его за привязанность къ Теодорѣ, которую онъ сдѣлалъ даже участницею въ законодательствѣ. Онъ самъ признается, что пользовался ея совѣтами при составленіи книгъ Римскаго права. *Haec omnia apud nos cogitantes et participem consilii fumentes eam quae a Deo nobis data est, reverendissimam conjugem. (Novell. VIII.)* Сія достопочиенная, какъ онъ ее называетъ,

женщина, была взята имъ съ шепра, гдѣ торговала своими прелестями. Она управляла Юстиніаномъ до самой его кончины, послѣдовавшей на 83 году его жизни и на 40 царствованія. Сіе происшествіе относится къ 565 году нашего лѣтосчисленія

Трудъ, предпринятый, по его приказанію, надъ Римскими законами, долженъ быть почитаемъ важнѣйшимъ и вмѣстѣ полезнѣйшимъ дѣломъ въ правленіе Императоровъ. Выборъ Юриконсультовъ, на коихъ возложено было сіе препорученіе, по справедливости не всѣми одобряется. Дорожей и Теофиль неимѣли къ тому потребныхъ качествъ, а Трибоніанъ извѣстенъ по своему корыслоубію, подлости и ласкательству. Спараніемъ послѣдняго подъ покровительствомъ Императора обнародовано въ 528 году *Юстиніаново Уложеніе*, *Codex Justinianus*.

Издатели не сохранили порядка въ расположеніи, какъ замѣчаютъ новѣйшіе ученые Юриконсулы, и шѣмъ самымъ сдѣлали ея во многихъ мѣстахъ не вразумительнымъ. За симъ Уложеніемъ слѣдовали *Пандеклы*, или *Дигесты*, — оба названія употребляются безъ разбора одно вмѣсто другаго. Первое составлено изъ словъ

Греческихъ *πᾶν*, все и *δέχομαι*, беру, содер-
 жу, и означаетъ собраніе рѣшеній на всѣ
 вопросы права, пошому что въ самомъ дѣ-
 лѣ *Пандекты* не что иное суть, какъ со-
 браніе сего рода; другое слово Латинское
 показываешь, что сѣи рѣшенія приведены
 въ надлежащій порядокъ. Семнадцать Юрис-
 консульшовъ занимались изданіемъ оныхъ
 въ продолженіе трехъ лѣтъ; однако ихъ
 также укоряють за несоблюденіе строгаго
 порядка, шочно какъ и въ Уложеніи, о ко-
 торомъ выше упомянуто. Послѣ того вы-
 шли въ свѣтъ еще такъ называемыя *Па-
 ставленія* *Institutiones*; онѣ написаны яс-
 но и основательно, и имбють преимуще-
 ство предъ другими сочиненіями Римскихъ
 Юрисконсульшовъ.

Какъ въ первомъ Уложеніи и Сводѣ
 законовъ (*Пандектахъ*) усмотрѣны многія
 разногласія, шо Юспиніанъ препоручилъ
 пяши Юрисконсульшамъ оное пересмотрѣть
 снова, и исправленное изданіе уже обнародо-
 вано 529 года, подъ названіемъ *Codex ge-
 retitae praelectionis*, которое и донинѣ су-
 ществуешъ. На послѣдокъ Императоръ, по
 екклонности ли своей къ перемѣнамъ, или
 по шому что соснотеніе юриспруденціи шого
 шребовало, уничтожилъ и перемѣнилъ мно-
 го аршикуловъ, помѣщенныхъ въ предъ-
 идущихъ книгахъ, и обнародовалъ новыя

постановленія, подѣ именемъ *Noçellae, Новозаконій*, которыя переведены съ Греческаго на Латинской языкѣ немного спустя послѣ смерти Юстиніана.

Сѣи различныя изданія составляютъ Юстиніановы законы, или Составъ Римскаго права *Cogrus Juris*, обнародованный упомянутымъ Государемъ. Онѣ не такъ были приняты на Западѣ, а особливо въ Италіи, какъ на Востокѣ. Визиготы держались своихъ обычаевъ, а вразсужденіи Римскаго права слѣдовали *Теодосіеву Уложенію*. Извѣстно, что сѣе послѣднее собраніе было обнародовано Теодосіемъ Младшимъ около 438 года; оно содержитъ въ себѣ постановленія Христіанскихъ Императоровъ, начиная съ Константина. Теодосіева Уложенія не должно смѣшивать съ Уложеніемъ Аларика, Царя Готфскаго, извѣстнымъ у писателей средняго вѣка такъ же подѣ именемъ *Теодосіева*. Въ тѣхъ мѣстахъ Италіи, куда оружіе Лонгобардовъ не проникло, Юстиніаново Уложеніе и Новеллы были въ нѣкоторой силѣ; другія же книги тамъ не всѣми приняты; на послѣдокъ Ломбардскіе законы вездѣ, гдѣ народъ сей утвердился, составляли Юриспуденцію.

Во Франціи, Карлъ Великій сохранилъ Римскіе законы въ тѣхъ только мѣстахъ,

гдѣ оныя прежде наблюдались. Нѣкоторые писатели думали, что Римское право было симъ Императоромъ уничтожено во Франціи; и мнѣніе свое основывали они на шестой книгѣ Капишуловъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ, по видимому, запрещается употребленіе Римскаго права. Но другіе съ большею вѣроятностію думаютъ, что сія VI книга не есть изданіе Карла Великаго, но взята изъ Визиготскихъ законовъ. Последнее мнѣніе еще подтверждается однимъ мѣстомъ въ Капишулахъ Лудвига Кропачаго, сына Карла Великаго, гдѣ сказано, что всѣ духовные ордемы должны поступать согласно съ Римскимъ правомъ; *ut omnis ordo ecclesiarum secundum legem Romanam vivat*; сіе служивъ совершеннымъ доказательствомъ, что были и такіе люди, которые слѣдовали другимъ законамъ, и что Римское право отнюдь не было уничтожено. Есть еще свидѣтельство въ другомъ Капишулѣ того же Государя, гдѣ сказано, что когда произойдетъ ссора между жителями страны, въ которой слѣдуютъ Римскому закону, и Ломбардомъ, то первой не обязанъ просить въ судъ по Ломбардскому закону. (*Sicut consuetudo nostra est Romanus aut Longobardus, si euenerit quod causam inter se habeant, obseruamus ut Romani successionem eorum iuxta illorum legem habeant, similiter ut omnes subscriptiones*

juxta legem suam faciant; et quando jurant, secundum legem suam jurent; et alii aliis similiter faciant.)

Впрочемъ изъ ешаго неслѣдуетъ, какъ замѣчаетъ Г. Террасонъ (Hist. de la jurispr. Rom.), будтобы Римское право совершенно было принято во Франціи; напропивъ того Франки держались собственныхъ первобытныхъ законовъ, которые были сообразны съ ихъ понятіями о правѣ и правосудіи; въ особенностяхъ же они лучше согласовались съ правилами свободы и гражданскаго благоустройства при составленіи обществъ или городовъ и военного управленія. Это можетъ быть одна изъ причинъ, которыя привели къ упадку и въ забвеніе Римскіе законы при концѣ вѣковаго поколѣнія Королей Французскихъ (986).

Обычаи, право ленное и нѣкоторыя градскіе законы составляли въ продолженіи трехъ вѣковъ почти единственную юриспруденцію, которой слѣдовали въ гражданскихъ тяжбахъ; изъ сего однакожь не явствуетъ, будто бы правосудіе худо соблюдалось. Въ погдашнихъ судилищахъ по же почти было, что дѣлали посредники, о которыхъ говоритъ *Сенена* (1. 3. de Benef. c. 7.); сихъ посредниковъ не заставляли произносить свое мнѣніе по спрогиму пра-

виламъ судебнаго порядка; они рѣшали дѣло по собственному чувству справедливости. Формула такого суда извѣстна была въ Римѣ: *Ex aequo et bono condempna illum, iudex.*

Однако множество обыкновеннѣй и разнообразіе обычаевъ и законовъ причинили великое замѣшательство въ правахъ собственности и въ дѣлахъ семейственныхъ: пѣмъ ощутительнѣе была нужда въ Римской юриспруденціи. Мы упомянемъ здѣсь, какимъ образомъ найдены и возстановлены Римскіе законы.

Въ 1130 году Императоръ Лотарій пришелъ въ помощь къ Папѣ противъ сильныхъ возмущенцевъ; тогда войска его овладѣли городомъ Амалфїею, что въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Между добычами побѣдителей находилась книга, которая можетъ быть попому только обратила на себя ихъ вниманіе, что переплещъ ея расписанъ былъ красками. Ее разсмотрѣли, и нашли, что это Юстиниановы Пандекты.

Различно думали, какимъ бы образомъ попалась къ Амалфїйцамъ сія рукопись; вѣроятно, что они, долгое время производя торговлю съ Левантомъ и Конспаншинополемъ, привезли ее съ собою. Юстиниановы

новы законы почти въ то же самое время переведены съ Греческаго языка на Латинскій, когда обнародованы были по повелѣнію Императора.

Какимъ бы способомъ ни доставлялся экземпляръ Пандектовъ Амалфійцамъ, довольно знать, что Лотарій цѣнилъ его весьма дорого и что отдалъ сію рукопись Пизанцамъ, въ награжденіе за услуги и за помощь ихъ, оказанную ему въ семъ походѣ.

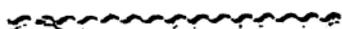
Спустя нѣсколько времени Лотарій повелѣлъ, чтобы въ его владѣніяхъ слѣдовали Римскому праву. По исторіи намъ извѣстно, что славный Бононскій Юристъ *Ирнерій*, который былъ Канцлеромъ при Императорѣ, первый спалъ давать лекціи о Юриспруденціи, основанной на Пандектахъ; онъ-то ввелъ въ училища степени правъ и докторство. Сіе обыкновеніе распространилось по Европѣ; училища богословіи приняли оное, и Парижскій Университетъ ввелъ его въ подвѣдомыя факультеты.

Мы не будемъ подробно говорить объ исторіи права Римскаго съ ешой эпохи; только замѣшимъ, что оно произвело полезную перемену, что списки Пандектовъ размножились и что вмѣсто *Теодоріева*

Уложенія вездѣ принята новая Юриспруденція.

Съ шѣхъ поръ завелись училища правъ и образовались люди съ великими свѣдѣніями въ законахъ: *Наславленія* Юстиніановы были главною учебною книгою, или, по крайней мѣрѣ для молодыхъ людей, начальнымъ руководствомъ къ познанію Юриспруденціи и права частнаго. Справедливыя и вѣрныя рѣшенія, почерпаемыя въ Пандексахъ, составили новую podporу для основаній правосудія, которыя должны были основаніемъ гражданскаго права. Хорошо было бы, еслибъ лабиринтъ судопроизводства и формъ не содѣлалъ почти бесполезнымъ сего памятника, воздвигнутаго для поддержанія истины!

Изъ иностран. Журн. II. С.

О Римскихъ катакомбахъ.

Какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мѣрѣ все мрачное и невѣдомое принадлежитъ къ области воображенія. Гдѣ чего не видимъ, тамъ стараемся постигать силою разума. Страхъ, который не что есть иное какъ воображеніе, въ тревожное мыслію обѣ опасности, населяетъ

привидѣніями мѣста совершенно необитаемыя: гдѣ царствуетъ тишина, молчаніе и вѣчный мракъ, тамъ оно шворитъ движеніе, шумъ, цвѣтъ и видъ; въ облороженныхъ глазахъ его всякой предметъ измѣняется и увеличивается; тогда самое чувство осязанія перелѣтъ свою вѣрность, приобретенную навыкомъ, и вмѣсто того чтобы исправить погрѣшности чувствозрѣнія, подтверждаетъ оныя. Сіе чудесное впечатлѣніе мрака на душу нашу и на чувство не останавливается на тѣхъ, которые непосредственно его получаютъ; оно заразительно, и сообщается другимъ силою слова. Безъ ужаса не можно слушать, когда говорятъ о мѣстахъ, куда не проникаетъ дневной свѣтъ, не лзи не содрогаться при повѣствованіи о происшествіяхъ, которые тамъ случились. Обыкновенно мы расположены вѣрить всему тому, что рассказываютъ объ оныхъ чрезвычайнаго, и намъ было бы досадно слышать, когда спали бы увѣряли, что во мракъ двла идутъ тѣмъ же чередомъ какъ и при солнечномъ сіяніи. Вотъ по чему господа сочинители романовъ избираютъ пещеры и подземелья для описываемыхъ ими происшествій. Искусство сіе, надобно сказать, не чуждо и самымъ даже нянюшкамъ: онѣ такъ же рассказываютъ малымъ дѣтямъ сказки о разбойникахъ и мерзвцахъ, ибо

какъ ночь дозволяетъ послѣднимъ выходитьъ изъ вѣчныхъ жилищъ своихъ, такъ первые подъ благодѣтельнымъ ея покровомъ удачнѣе отправляютъ свое ремесло; и няни предпочтительнѣе избирающъ ночныя происшествія, именно потому что онѣ производятъ болѣе дѣйствія надъ маленькими ихъ слушателями. Сии размышленія почти извѣстили мнѣ, для чего я надѣялся найти себѣ много удовольствія, когда прочиталъ заглавіе книги: *Путешествіе въ катакомбы*. Если мы шѣмъ болѣе стараемся узнать предметъ, чѣмъ онѣ скрытнѣе, чѣмъ таинственнѣе; по сколь живое любопытство должно возбуждать описаніе катакомбъ, сихъ подземныхъ мѣстъ, куда не проникаютъ лучи свѣта! Одни человѣческіе шрупы обитаятъ въ семъ жилищѣ мрака! Какое любопытство смѣшанное съ ужасомъ возбуждается въ ошважномъ странникѣ, дерзающемъ посѣщать сіи мѣста въ сопровожденіи неизвѣснаго вожакаго, которому ничто шамъ непрепятствуетъ покуситься на злодѣство! Онѣ идетъ съ факеломъ въ рукахъ, которой весьма легко можетъ погаснуть; подъ ногами его пропасши, а надъ головою сводъ, гошновыи своимъ паденіемъ или раздавить безразсуднаго, или навсегда заключить въ сихъ мѣстахъ ужасныхъ. А для чего идетъ онѣ по многочисленнымъ пущамъ, которые из-

рышы въ семъ лабиринтѣ? для того чтобы выкопать оспашки произведеній природы или искусства, чтобы разобрать варварскія надписи почти изглаженные временемъ, снять или описать изображенія почти стерпыя и копорыя не рѣдко споль же оскорбляющъ правила искусства сколько и здравыя понятія о вѣрѣ; и изъ споль многихъ опасностей, безпокойствъ и розысканій бѣдный странникъ не извлекаетъ другой выгоды, кромѣ той что иногда посчастливилось ему объяснить происшествія древнихъ временъ, споль же шайныя, какъ и сїи мѣста!

Капакомбы сначала были пещеры, вырыпыя Римлянами во времена республики подъ верхнимъ слоемъ земли, для извлеченія волканическаго песку, копорой они упопреляли на строеніе вмѣсто обмазки и цемента. Сїи пещеры сперва были дѣлаемы внѣ Рима, когда онъ заключался еще въ тѣсныхъ предѣлахъ: по распространеніи города, многія очутились уже внутри; вмѣсто ихъ вырыпы далѣе отъ города новыя; при умноженіи зданій, онъ подавался еще къ полю. Цуцоланъ по естественной слепчигости часней держишся самъ собою, и капакомбы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подкрѣплены искусствомъ — вѣроятно шамъ, гдѣ прорыто до

чернозему. Впрочемъ чтобы своды не обрушились, улицы сдѣланы тѣсныя и ширина ихъ вообще проспирается ошъ шрехъ до чешырехъ фушовъ, а вышина гораздо больше. Сїи улицы или галлерей сообщаются однѣ съ другими множествомъ перекрестковъ, а опдушины, сдѣланныя разспоянїемъ въ шрехъ спяхъ или болѣе шаговъ одна ошъ другой, доставляютъ внутрь свѣжій воздухъ. Кромѣ перекрестковъ, встрѣчаются большїя проспраншва, называемыя *cubicula* или комнаты, коихъ сѣсны, покрытыя слоями гипса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расписаны алфреско. Въ галлерейхъ по правую и по лѣвую сторону сдѣланы ямы одна подлѣ другой; глубина ихъ равна длинѣ человеческого шѣла; отверстїе узко и закрыто наглухо черепицею. Сїи ямы служили для погребенїя мертвыхъ; въ самомъ дѣлѣ находясь въ нихъ по пяти и по шести шруповъ, одинъ на другой наваленныхъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ кашаномбъ улицы въ два и даже въ три ешажа; изъ одного ешажа переходятъ въ другой чрезъ ошверспїя (*foamina*), копорыя ведутъ съ поверхности земли въ первой ешажъ. Кашаномбы раздѣлены на множество различныхъ и особенныхъ кладбищъ; каждое называется по имени шого святаго, копорой сперва освятилъ его своимъ погребенїемъ. Думашъ надобно, что нѣ-

вопорыя смежныя кладбища имѣютъ между собою сообщеніе: однако трудно подлинно въ етомъ удостовѣриться. Одна духовная особа увѣряла Сочинителя *Путешествія въ Капакомбы*, будто во многихъ мѣстахъ сѣи подземелья идутъ подъ рѣкою Тибромъ, и будто можно входить въ пещеры на одномъ берегѣ, а выходить на другомъ, слѣдуя по улицѣ, которая сначала опускается, наконецъ поднимается вверхъ. Нашъ путешественникъ желая въ томъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ, сходилъ въ кладбище, находящееся близъ Тибра, и надѣлся при помощи компаса достигнуть сихъ переходовъ подъ рѣкою; однакожъ онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего предпріятія.

Капакомбы уже были описаны въ 1632 году Антоніемъ Бозіо, уроженцемъ Медіоланскимъ, повѣреннымъ Малшійскаго ордена въ Римъ. Книга его издана была съ рисунками, подъ заглавіемъ: *Roma sotterranea* ш. е. *Римъ подземельный*. Епомъ Бозіо лѣтъ болѣе двадцати почти безвыходно жилъ въ капакомбахъ; онъ бралъ еду на недѣлю пищи, и выходилъ только за сѣбными припасами. Пользуясь благосклонностію Римскаго правительсва и довѣренностію частныхъ людей, во владѣніяхъ коихъ находились отверстія (*foramina*),

и при помощи вѣрныхъ учениковъ своихъ, которые ходили съ нимъ въ подземельяхъ и записывали его наблюденія, онъ проникъ; сколько позволяло мѣсто, во всѣ известныя кладбища, и сверхъ того открылъ еще новыя; тѣ и другія были имъ осмотрѣны и описаны съ такою ревностію, съ такимъ вниманіемъ и точностію, которые въ особенности принадлежатъ однимъ только антикваріямъ. Послѣ него катакомбы совершенно были оставлены; большая часть отверстій (foramina) завалились и сдѣлались непроходимы и даже непримѣнны. Любители древностей покушались, и донимъ покушающся посѣщать нѣкоторыя улицы верхняго кладбища Св. Севастіана; сѣи мѣста отъ частыхъ посѣщеній лишились уже приманчивости, свойственной убожищамъ панинспвеннымъ и уединеннымъ; многое изъ нихъ похищено, что только могло возбудишь любопытство въ охотникахъ до памятниконъ исторіи, вѣры и художествъ.

Наслѣдникъ ревности Бозіевой, сочинитель *Пулешествія въ катакомбы*, разсматривалъ кладбища. Изысканія сего ученаго хотя были недоспащочны; но ему посчастливилось найти новыя катакомбы, укрывшіяся отъ прозорливости Бозію. Разсѣлины, сдѣлавшіяся 1803 года въ садахъ Виллы Памфили, показали ей новыя под-

земелья и въ то же время обнаружили многія ведущія въ нимъ дороги. Нашъ Путешественникъ сходилъ туда спуская два года послѣ опьярпїя; гробницы стояли въ цѣлоспи; привѣски (ex voto), надписи, вазы для благовоній и луспальной воды были на своихъ мѣстахъ. Скелеты представляли различные феномены; многіе изъ нихъ покрыты были спалакшинами; другіе, по видимому, сохранили всю невредимость и совершенную твердость часшей. Проводникъ нашего Путешественника хотѣлъ приподнять одинъ скелетъ; но онъ какъ бы нѣкимъ очарованіемъ исчезъ въ облакъ бѣлесавой пыли, скоро разбѣтевшей въ воздухъ; сіе явленіе можно бы легко почесть сверхъестественнымъ, еслибъ въ рукахъ проводника не оспалось одиннадцать зубовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи скелета.

Въ Путешествіи самомъ должно читать подробное описаніе всего того, что сіи новыя капакомбы представили любопытнаго Сочинителю. Тамъ же видѣнь можис, вагїя заключенїя, болѣе или менѣе вѣрояшныя, оыъ вывелъ изъ своихъ наблюденій относительно къ исторїи сихъ подземныхъ улицъ. Чтожъ до меня касается, то я скажу, согласно со мнѣніемъ Бозїю, что сіи подземелья не были исключитель-

но мѣспомѣ погребенія первыхъ Хрїстіанѣ; что вѣроятно древніе Римляне тамѣ погребали мертвыхъ еще прежде обыкновенія сожигать тѣла умершихъ; что послѣ того они безъ сомнѣнія хоронили тамѣ невольниковѣ и самыхъ гражданѣ, коихъ имущество не позволяло соорудить кофры; и что около половины втораго вѣка вѣ семѣ мѣстѣхъ погребаемы были люди богатые и свободные, однакожѣ не Хрїстіане, какѣ свидѣтельствуютѣ и надписи и иконопорыя изображенія, соответствующія послѣкамѣ о многобожїи. Тотѣ же писатель думаетѣ, что мнѣніе, будто Хрїстіане имѣли нѣкогда свое пребываніе вѣ капищахъ, вовсе несправедливо; ибо сіи подзелья, будучи споль же извѣстны язычникамѣ какѣ и Хрїстіанамѣ, не могли укрывать отѣ преслѣдованія; припомѣ же Хрїстіане не сполько не избѣгали, мученій, но даже охотно подвергались онымѣ. Если они припались вѣ капищахъ, то конечно не во время гоненій на Хрїстіанство а для свободнаго отправленія обрядовѣхъ вѣры, которая еще не имѣла на земли храмовѣ. Я здѣсь не намѣренѣ входить вѣ изслѣдованіе о справедливости сихъ мнѣній, ни о занимательности какую онѣ заслуживаютѣ, ни о познаніяхъ какихъ онѣ пребуютѣ; также не возьму спороны Сочинителя Путешествія и многихъ дру-

гихъ писателей, коихъ воображеніе видѣло въ капшакбахъ мѣста, будто бы нѣкогда обитаемыя Хрїстіанами первенспвующей церкви, а въ скелѣсахъ, коими наполнены сїи подземелья, мощи святыхъ мучениковъ: Кажется, что почтенное приспращіе сихъ писателей заснавило даже нѣкопорыхъ изъ нихъ прибѣгнувъ къ маленькой клеветѣ на Императоровъ Римскихъ; которые неперпбли хрїстіанства. Сочинитель Пушешесствїя приводитъ въ доказательство двѣ надписи известныя и по другимъ книгамъ, и копорыя свидѣтельспвующѣ о двухъ мученикахъ, послерадавшихъ въ царспвованіе Антонина и Адриана: въ обѣихъ сихъ надписяхъ примѣсны очевидныя знаки подложности; такимъ образомъ неискусспвомъ клеветника освобождается память сихъ знаменитыхъ Государей отъ обвиненія, копорое въ другомъ случаѣ могло бы показаться достовернымъ, не смолря на прошивныя свидѣтельспва испорїи.

Надписи; найденныя Сочинителемъ Пушешесствїя въ капшакбахъ Памфильскихъ, обьясняютъ истины другаго рода; копорыя вѣроятно займутъ любителей филологическихъ изысканій. Известно, что между учеными древнее произношеніе Латинскаго языка было предметомъ безконечныхъ изслѣдованій. Сїя трудная матерія

нѣкоторымъ образомъ извѣсняется надписями, находящимися въ кашакомбахъ. Надписи; помѣщенные въ подземельяхъ; куда безъ сомнѣнїя не проникалъ ни взоръ ученыхъ криптиковъ Римскихъ; ни бдительность начальниковъ надъ спроенїями; немѣяущъ того изящества, пош исправности въ слогѣ и въ правописанїи, коими отличаются надписи публичныхъ памятникѣвъ. Онѣ вѣроятно сдѣланы неискусными работниками Римскими; или Греческими; коимъ чужды были правила Латинскаго языка. Какъ правописанїе и произношенїе языка не всегда между собою согласны; по сїи самыя орфографическїя погрѣшности могутъ быть приняты за средство извѣстнѣе подлинное произношенїе Римлянъ. Во многихъ надписяхъ вмѣсто V поставлено V; симъ; по видимому, доказать можно, что V произносилось почти какъ V. По сей причинѣ написано vixit, вмѣсто vixit; vibus; viba, или vivus; viva и даже vibus и viba, вмѣсто vivus и viva; Vincentius, вмѣсто Vincentius и пр. Нѣкоторыя надписи подтверждаютъ старыя догадки, или возрождаютъ новыя о произношенїи другихъ буквъ. Есть буквы Латинскїя, написанныя погречески, копорыя могутъ доказать, какимъ образомъ выговаривали Римляне U и C. Невѣжество работниковъ не только искажало правописанїе въ словахъ;

но даже уродовало самыя слова переменною склоненія и рода. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ поставлено *filibus*, вмѣсто *filiiis*, и *Gerulchum hinc*, вмѣсто *huc Gerulchum*. Вѣроятно, что тѣ, кои сдѣлали изъ *Gerulchum* существительное мужескаго рода, говорили и писали въ именительномъ падежѣ *Gerulcher*.

Люди, занимающіеся исторіею живописи, могутъ найти любопытныя свѣденія въ упоминаемой книгѣ. Въ первые вѣки Хрістіанства живопись, изгнанная изъ Греціи иконоборцами, укрылась въ капакомбахъ Италіи, какъ въ единственномъ убѣжищѣ, гдѣ могла спасись отъ свирѣпствъ, воспоминаіе коихъ ее ужасало. Авторъ нашъ утверждаетъ, что изображенія на извѣсти въ капакомбахъ должны быть по большей части работы Греческихъ монаховъ, которые въ концѣ IV столѣтія наиболѣе упражнялись въ живописи. На стѣнахъ изображены происшествія изъ Ветхаго и Новаго Завета. Удивительно, что Орфей написалъ подлѣ Адама, Моисея, Іоны, Даніила и проч. Однакожъ Св. Юстинъ въ своемъ *Узещаніи къ язычникамъ* оправдываетъ сіе странное соединеніе, увѣряя, что Орфей прочитавъ пять книгъ Моисеевыхъ, опрелся отъ полишензма, и что онъ послѣ

шого проповѣдывалъ единспвенно испииваго Бога.

Безъ сомнѣнїя искусство унизилоь подѣ кистїю Греческихъ монаховъ, копорые оставили прекрасный климатъ своего опечества для мрачныхъ кашакомбъ. Они едва сохранили только слабую искру генїя Апеллесовъ и Пропогеновъ; однакожъ разборчивой глазъ знашока въ сихъ изображенїяхъ, хотя не весьма удачно начерпанныхъ, находишь нѣкопорые признаки шого прекраснаго и благороднаго рисунка, копорой художниками древней Греціи доведенъ былъ до послѣдней степени изящества и совершенства. Сїи самыя формы, сїи самыя чѣрпы были предспавлены кистїю Рафаеля, копорой сходилъ въ кашакомбы снимать рисунки — Рафаель, dospойный самъ быль изобрѣшашелемъ, изобразилъ начерпанїя древнїя во всей чистотѣ ихъ и благородствѣ. Слѣдспвенно, не смопря на великїя перемѣны полишическїя, не смопря на распри за вѣру, на опдаленныя переселенїя, на опущошенїя, произведенныя временемъ и людьми, непрерывная цѣпь соединяетъ двѣ прекрасныя эпохи живописи — вѣкъ Перикла съ вѣкомъ Папы Льва X.

Изъ иностр. Журн. И. С.

III. КРИТИКА.

Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи.

Мирныя упражненія наши прерваны были наглымъ вторженіемъ злодѣйскихъ полчищъ. При грозномъ шумѣ оружія молчали науки. Счастливое изгнаніе врага изъ древней Сподицы и посыдное бѣгство его изъ Россіи нынѣ возвращающъ намъ оправданную пищу, возделѣнную изслѣдователямъ истины, учащимъ и учащимся, всѣмъ любителямъ наукъ и художествъ.

Возобновляя труды свои и начиная ихъ предложеніемъ изысканій, къ объясненію опечесивенной Исторіи служащихъ, мы просимъ читателей не отвращать вниманія ихъ отъ предмета, который не долженъ быть чуждымъ разуму и сердцу благомыслящаго Россіянина.

Можетъ быть скажутъ, что послѣ продолжительнаго, безуспѣшнаго прѣнія о точномъ смыслѣ неясныхъ словъ Лѣтописца лучше бы оставили въ покоѣ г-на Толкователя и шѣхъ коимъ угодно при-

дѣшь его мнѣніе. Конечно, всякой имѣетъ свободную волю твердо и несомнѣнно вѣрять вмѣстѣ съ господиномъ Исслѣдователемъ баннаго строенія, иже Епископъ Ефремъ построилъ въ Переяславѣ каменную *злѣвну* точно монастырскую, а не городскую, яко бы пошому чпо созданіе городскихъ стѣнъ никогда не относилось у насъ къ обязанности Архіереевъ, — хопя достоверно извѣстно, что Архіереи нащѣ строили и городскія стѣны: чпо Епископъ Ефремъ построилъ *кулолы на церквахъ, а не бани при монастырѣ* для недужныхъ, ибо (по словамъ господина Исслѣдователя) святишелю не прилично было хлопотать о баняхъ, — хопя достоверно извѣстно, что бани изстари почитались средствомъ врачеванія, и чпо онѣ, какъ монастырскія заведенія; принадлежали къ вѣдомству духовнаго начальства; чпо Преподобный Неспоръ *лодь баннымъ строеніемъ точно разумѣлъ куполь церковный*, — хопя ни онѣ, ни продажатели его и ни одинъ изъ писателей Русскихъ баню купола не называетъ; чпо *церквей съ куполами въ Россіи до 1089 года ни гдѣ не было*, — хопя еще современнъ Владиміра Великаго призываемы были въ Русь Греческіе мастера, которые, безъ всякаго сомнѣнія, умѣли строить церкви съ куполами; чпо *Талищевъ прежде всѣхъ*

въ Несторову сказанію прибавилъ поспрое-
ніе бани, — хопя въ Степенныхъ Книгахъ,
за долго до Тапищева сочиненныхъ, уже было
о помѣ упомянуто. Вольно, говорю, вся-
кому принявъ мнѣнія господина Исслѣдо-
вателя, равно какъ и мнѣ предложить те-
перь еще нѣкоторыя разсужденія и новыя
доказательства, къ нашей маперіи от-
носящіяся.

Противъ желанія своего нахожусь при-
нужденнымъ замѣтить, что г. Исслѣдова-
тель поступаетъ не безъ присрасія,
когда умышленно уклоняется отъ разумнаго
о баняхъ, о которыхъ рѣчь идетъ, враче-
бныхъ или успроенныхъ для оправды мона-
шесквующей братіи, и вездѣ отараешя
предспавишь ихъ въ отвратительномъ ви-
дѣ, упоминая о *ларильныхъ народныхъ
баняхъ, о безобразіи бань*. Никто и
и не споритъ, что Архіереи неимвли обя-
занности, какъ говоритъ г. Исслѣдователь,
*хлолотать по городамъ о народныхъ
баняхъ*. Особливо же страннымъ кажется
удивленіе г-на Исслѣдователя, для чего я
ссылаюсь на Младшаго Плинія, на Грече-
скіе списки, въ Собраніи Брункія помѣщен-
ные, и на врача Комнина, *вовлеченныхъ
въ настоящій споръ изъ таковой от-
даленности!* Еслибъ я писалъ для одного
только г-на Исслѣдователя, то конечно

прежде позаботился бы узнать, почтешъ ли онъ моихъ авшоровъ достоверными свидѣтелями; но относясь ко всѣмъ любителямъ опечесшвенной Исторіи, я неимѣлъ нужды въ сей невыгодной для него предосторожности. Многие безъ труда поняли, что Плиній и Греческіе списки привелъ я во свидѣтельство для показанія изспари дознанной полезности бань, употребляемыхъ для вѣчеванія недужныхъ, а не для плошоугожденія; а на врача Комнина, описателя горы Аѳонской, сослался я, попому что онъ упоминаетъ о бань для недужныхъ, находящейся въ монастырѣ Вапопедѣ, ибо мнѣ надобно было доказать, вопреки мнѣнію г-на Изслѣдователя, что при монастыряхъ бывающъ и пакія бани, о которыхъ *обязаны хлопотать* Архіереи. Несмотря на то, доказательство мое не понравились г-ну Изслѣдователю, потому что Плиній, Брункій и врачъ Комнинъ не были въ Переяславѣ и не знали ни Епископа Ефрема, ни Преподобнаго Неспора! Какимъ образомъ Дюжанъ не попалъ въ рядъ сихъ заморскихъ писателей? А онъ виноватъ не менѣ первыхъ; ибо я и на него сослался; онъ говоритъ, что при монастырскихъ баняхъ находились опредѣленные присланы, получавшіе отъ келаря хлѣбъ и похлебку въ шѣ дни, когда пригопояляли баню для брашніи. Оставляя нѣкоторыя

другія свидѣтельства, найденныя мною въ разныхъ книгахъ, я приведу здѣсь одно, которое не только послужитъ неоспоримымъ доказательствомъ на мое мнѣніе, но еще сверхъ того подтвердитъ значеніе слова *банный*. Членъ здѣшняго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ К. Θ. Калайдовичъ, занимавшійся разсматриваніемъ и изданіемъ старинныхъ рукописей, передъ симъ за четыре мѣсяца по дружбѣ своей прислалъ ко мнѣ записку такого содержанія :

„Слѣдующее весьма важное мѣсто, взятое изъ рукописнаго Студійскаго Успенскаго, хранящагося въ Синодальной Библиотецѣ подъ № 293 и писаннаго въ малую четвершку, среднимъ полууставомъ, на лощеной бумагѣ, по видимому въ концѣ XVI вѣка, совершенно разрѣшитъ споръ *о банномъ строеніи*, вопреки предположеніямъ неизвѣстнаго Сочинителя разысканія о семъ предметѣ, и подтвердитъ ваши положенія, утвержденныя историческими доводами, и поштому самому никакому сомнѣнію неподверженныя. На оборотѣ 265 листа написано слѣдующее: *Аще ли кто отъ Христолюбивыхъ приде въ монастырь, ночью, сти дѣля мнихомъ, съ тѣми или да взимають, да мьютъ же ея двоици*

„мѣсяцѣхъ безъ мѣзды баньныя емлю-
 „ще за мыло по единому събраннику,
 „да имѣють единого слугу, его же хо-
 „тятъ; такоже имъ взимали на лица
 „и на ризы и всѣмъ имѣмъ, имже ол-
 „чухомъ. Таковъ слуга на принесеніе
 „лица, и въ баню на устройство ло-
 „спелямъ и на прочая и ш. дал. Вошъ
 „начало обыкновенія спроишь въ монасты-
 „ряхъ нашихъ бани, которое, съ принятіемъ
 „Устава монастыря Феодора Спудійскаго
 „въ Печерскую обитель, могло перейти изъ
 „оной въ Переяславль и въ другіе города Рус-
 „скіе. Должно замѣтить, что вышеупомя-
 „нутое мѣсто въ Успенскѣ помѣщено въ
 „спашни о недужныхъ и о старыхъ.“

Сего довольно для главнаго предмета.
 Теперь рассмотримъ почность и въ которыхъ
 другихъ показаній; на коихъ г. Исслѣдова-
 тель основываетъ свои доводы. Слово *баня*
 въ значеніи купола и главы, по его мнѣ-
 нію, перешло не изъ Польскаго языка въ
 Малороссійское нарѣчіе, но изъ Русскаго въ
 языкъ Польскій, котораго будто бы со-
 всѣмъ не было до XIV столѣтія, которой
 будто бы только въ семъ вѣнѣ началъ об-
 разоваться, и въ составъ коего вошли буд-
 то бы всѣ слова Русскія. Польскіе лин-
 гвисты подивятся такой новосши. Они
 знаютъ конечно, что въ Польшѣ не было

писанныхъ памятниковъ старше четырнадцатаго вѣка; знаютъ однакожъ и то, что языкъ Польскій съ первыхъ временъ послѣ введенія Христіанства обогащался по ближайшей связи отъ Богемскаго, а не отъ Русскаго. Богемцы приняли крещеніе и письмо за сто лѣтъ прежде Поляковъ. Древнѣйшая пѣснь сихъ послѣднихъ (Woga godzisa u dziewsa) около 1000 года при Болеславѣ Храбромъ сочиненная Гнвзенскимъ Архіепископомъ Войцехомъ, болѣе принадлежитъ Богемско-Славянскому языку нежели Польскому. Въ сочиненіи Красицкаго о стихопворствѣ приведены немногіе отрывки старинныхъ пѣсень, въ которыхъ замѣчается весьма значительная разность между нашимъ языкомъ Славянскимъ и Польскимъ. Въ шестнадцатомъ столѣтїи языкъ сей находился уже въ самомъ извѣстнѣмъ состояніи. Въ слогъ знаменитыхъ писателей того времени, прозаиковъ и стихопворцовъ, совсѣмъ непримѣнно, чтобы они заимствовали слова изъ Русскаго; напротивъ того не лзя не видѣть, что великою разностью между обоими языками и тогда уже доказывать было бы можно весьма дажне ихъ отклоненіе одинъ отъ другаго, и то что они, какъ сказать, излившись изъ Славянскаго за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, поехали различными путями. Горницкій, Польскій писатель

Шестнадцатого вѣка, жившій во время Сигизмунда Августа, въ книгѣ своей Dwozanin даешъ разумѣнь весьма ясно, что многіе одноземцы его щеголяли Богемскими словами, упохребляя оныя въ разговоръ и въ сочиненіяхъ. Онъ выводилъ разговаривающія лица; изъ которыхъ одно (Папъ Любельскій) спрашиваешъ: изъ какого языка выгоднѣе въ случаѣ надобности заимствовать слова, изъ Богемскаго, Русскаго, Хорватскаго, Славянскаго? или не лзя ли воскрешать старинныя слова Польскія, давно уже вышедшія изъ употребленія? Другое лицо (Папъ Крыскій) отвѣчаетъ: „Нашъ языкъ не есть древній самъ по себѣ, хотя и давно уже Поляки говорятъ имъ. Онъ произошелъ отъ Славянскаго; ибо языки Польскій, Богемскій, Русскій, Хорватскій, Боснянскій, Сербскій, Рацскій, Булгарскій и другіе соспавляли вѣсегда одинъ, равно какъ и народъ былъ одинъ же Славянскій. А когда люди разошлись по разнымъ странамъ, тогда и языки произошли разные. . . . И такъ въ случаѣ нужды лучше занимать слова изъ Богемскаго нежели изъ прочихъ, пошому что онъ почиается у насъ спаршимъ; а если бы случилось, что слово Богемское покажется нѣсколько труднымъ, тогда можно взять изъ другихъ удобнѣйшее въ понятію; надобно только наблюдать разборчивость. . . . Оспавляя же Поль-

отія слова нынѣ упопрѣбительныя и заимъ-
 нящѣ ихъ старинными давно уже брошен-
 ными; было бы поже что пренебрегая
 хлѣбъ, пипашься желудями, которыми въ
 старину люди пипались. . .“ — И такъ
 языкъ Польскій не сославился изъ Рус-
 скихъ словъ, а произошелъ отъ Славянскаго;
 равно какъ и самъ Русскій, и можетъ быть
 еще въ одно съ нимъ время; но онъ обо-
 гатился и усовершенствовался гораздо
 прежде. Первой господствовалъ въ собствен-
 но такъ называемомъ королевствѣ Поль-
 скомъ, другой въ Русскихъ княжествахъ.
 Литовцы не имѣли своего письма и были
 идолопоклонники; возникшая между ними въ
 тринадцатомъ вѣкѣ Хрїстіанская вѣра
 скоро опять угасла; между тѣмъ Князь
 ихъ годъ отъ году становился могуще-
 ственнѣе, такъ что Владиславъ Ягеллонъ,
 въ концѣ четырнадцатаго столѣтія воспри-
 явшій крещеніе и избранный въ Короли
 Польскіе; обладалъ уже многими княже-
 ствами Русскими, въ которыхъ по давно-
 сти введенія Хрїстіанской вѣры и письмо
 давно уже было въ употребленіи; и въ ко-
 торыхъ безспорно языкъ Русскій былъ го-
 сподствующимъ предпочтительнѣе передъ
 языкомъ безграмотныхъ Литовцевъ. На-
 конецъ при Сигизмундѣ Августѣ, послѣд-
 немъ изъ Ягеллоновъ, Литва совершенно
 присоединена въ Польшу; отъ которой до

того времени была она опдѣленною, хотя подѣ однимъ правителемъ находилась. И такъ видно, когда языкъ Польскій сдѣлался господствующимъ въ Липвѣ и принадлежавшихъ къ ней княжествамъ, оппорженныхъ бытъ Россіи. Одно богослуженіе, на Славянскомъ языкѣ опправляемое, было въ сосполнѣи удержашъ Славянское письмо между исповѣдующими православную восполную вѣру жителями; но въ языкѣ ихъ произошла значительная перемена опъ влѣянїя Польскаго. Въ сіе-то время и слово *баня*, въ значенїи шарообразной вещи, вошло въ употребленїе въ Кїевѣ и въ Малороссїи. Испину сію можно доказать множествомъ примѣровъ. Малороссїяне говорятъ *шунать* вмѣсто искашь, *славокъ* вмѣсто прудикъ; *млынъ* вмѣсто мльница; *жартовать* вмѣсто шутить; *веселье* вмѣсто свадьба и проч. и проч. Всѣ сіи слова почно въ томъ же значенїи употребительны и между Поляками; не ужели послѣднїе заняли оныя у первыхъ? Ежели такъ, то и *крейда* (мѣлъ; die Kreide); *палиръ* (бумага, papirus, das Papier), *барыло* (боченокъ baril) и проч. перешли въ Польской языкѣ равномерно изъ Русскаго же?

Испина всѣмъ извѣстная, что Славянской языкѣ распроспранилъ весьма далеко свои опраслы въ Европѣ; но шѣмъ ли. не

добно доказывать сію истину, что будто бы Великій Князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ починалъ городъ Переяславецъ при Дунаѣ, гдѣ онъ оставался весьма недолго, средоточіемъ всѣхъ своихъ владѣній? Географическая карта и свидѣтельство исторіи ручающіяся, что сей знаменитый завоеватель не долженъ былъ произносить словъ (*), влагаемыхъ ему въ уста лѣтописателями, или по крайней мѣрѣ что поздніе переписчики испортили сіе мѣсто въ Несторѣ, какъ и многія другія. Впрочемъ надобно принять въ уваженіе, что Преподобный Несторъ говоритъ здѣсь о такомъ происшествіи, которое случилось лѣтъ за сто до того времени, когда онъ началъ составлять свою лѣтопись. . . .

Г. Исследователь замѣчаетъ, что въ Литвѣ Русскимъ языкомъ говорили передъ судомъ и властію, равно какъ и опублциковали на ономъ чиновники, судьи и Король, и въ томъ ссылаются на книгу Графа Чацкого о Литовскихъ и Польскихъ правахъ; далѣе говоритъ, что Сталупныя первый и претій точно писаны были на Русскомъ языкѣ, что самъ онъ г. Исследователь видѣлъ и разсматривалъ книгу

(*) Хочу жити въ Переяславцѣ на Дунаѣ, яко то єсть среда земли моеї. *Лѣтоп.*

сихъ законовъ *весьма древней* Русской печати, что законы сии въ первой только разъ напечатаны были съ Польскимъ переводомъ при Королѣ Сигизмундѣ III въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и что *Канцлеръ* Сапѣга издавая Польской переводъ оной книги въ 1581 году извѣстилъ: если переводъ сей комулибо не понравится, то оспашаешь ему имѣть прибѣжище къ старинной Русчизнѣ. Симъ доказываетъ Г. Исследовашель, что Русской языкъ былъ господствующимъ въ Польскихъ провинціяхъ. Я не имѣлъ удовольствія видѣть упомянутой книги почтеннѣйшаго Чацкого, извѣстнаго свѣту своею ученостію; но я имѣю передъ собою Липовской Спашутѣ на Польскомъ языкѣ Виленскаго изданія (1780 года), при которомъ помѣщены привилегіи прежнихъ Королей, начиная отъ Сигизмунда III, какъ на Лашинскомъ такъ и на Польскомъ языкахъ, письмо отъ издашеля *По-канцлера* Сапѣги къ сему Государю и предисловіе отъ него же. Изъ сихъ приложений видно: что Спашутѣ Липовскій напечатанъ въ первый разъ 1588 года въ Краковѣ; что Король Сигизмундъ повелѣлъ издасть оный на Польскомъ и на Русскомъ языкахъ для общаго уразумѣнія. Но не видно, чтобы Сапѣга ошсылалъ читателей своихъ къ старинной Русчизнѣ, не видно даже, съ Русскаго ли на Польской или съ Польскаго

на Русской переведены сїи законы. Не говорю уже, что въ 1581 году на Польскомъ престолѣ былъ не Сигизмундъ III, но Стефанъ Баторій. Чпожъ касается до Стануца на Русскомъ языкѣ, которой и мнѣ видѣшь случалось, то онѣ не могъ бытъ *весьма древней* печати въ отноше- нии къ изданному на Польскомъ въ шесть- надцатомъ вѣкѣ.

Дозволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о крестильницахъ, которыхъ бытіе по видимому г. Изслѣдователь совсѣмъ опро- вергаетъ. Онѣ говоритъ между прочимъ; *якобы по общему восточному чертежу церк- ви раздѣляющейя на три главныя части, знаменующія превыспренняя небесъ, видимое жебо и шаръ земной, нарочитое и непо- движное мѣсто для кульби или крестильницы не показано.* Какъ не по- показано? Гиббонъ при описаніи Константи- нопольской церкви Св. Софїи именно упоми- наетъ о крестильницѣ. Онѣ имѣлъ передъ собою болѣе десяти авторовъ, начиная отъ Прокопія до новѣйшихъ путешественни- ковъ, которыхъ видѣли и описали церковь Св. Софїи. Многие писатели духовные и свѣтскіе даютъ весьма подробное свѣдѣніе о построеніи Грековосточныхъ церквей; они говорятъ о крестильницахъ, и даже на прилагаемыхъ чертежахъ означаютъ

мѣсто для сихъ устройствъ. Умалчиваю о Гоарѣ, Кингѣ, Леонѣ Аллаціѣ, которыхъ здѣсь отыскашь теперь едва ли можно, и ссылаюсь на книгу *О служеніи и чиноположеніяхъ православныхъ Греческой церкви*, напечатанную въ С. Петербургѣ. Тутъ видѣть можно чертежъ расположенія древнихъ церквей; на которомъ означено мѣсто для крестильницы; а въ извѣщеніи сказано слѣдующее: „Въ томъ же приговорѣ устройлась купель для крещенія. С. Амвросій, въ Маркеллину пиштедь, что онъ Символъ извѣснялъ въ крестильницѣ.“ Въ житіи преподобнаго Антонія Великаго, празднуемаго въ 17 день Января, написано между прочимъ: „кровь православныхъ въ церкви разліяна престолахъ ороси; крестильницѣ похотѣніемъ языческимъ осквернилася.“ Слѣдственно и здѣсь господи́нъ Исслѣдователь произнесъ свое мнѣніе на удачу. Сего недовольно: Онъ доказываетъ еще, что *изобрѣтатъ* купели нужно было бы не позже какъ при введеніи Хрѣстіанства въ 988 году; для крещенія въ нихъ взрослыхъ людей; но что при Епископѣ Ефремѣ не было уже надобности въ оныхъ; ибо въ Переяславльско́й епархіи не было тогда язычниковъ — какъ будто крестильницы строились для однихъ только взрослыхъ! Да благожелитъ же вѣдатель г. Исслѣдователь, что

въ старину не только возрастныхъ но и младенцевъ надлежало крестить непременно въ церкви, и припомъ еще въ соборной, и что даже въ домовыхъ церквахъ запрещено было совершать сіе таинство. О семъ смотри шестаго Вселенскаго Собора правило 59е. Хрїстіяне одинадцатаго столѣтія соблюдали правило сіе спрже нынѣшнихъ. Я не утверждаю, что Подобный Неспоръ въ извѣстномъ спорномъ мѣстѣ подъ баннымъ спроеіемъ разумѣтъ крестильницы; но распространился здѣсь о семъ предметѣ единственно для убѣжденія г-на Исслѣдателя, что въ ученыхъ словпрвнїяхъ почтось есть самое главное дѣло, и что безъ нея никакое соспязаніе не принесетъ желаемой пользы.

Къ чему служатъ разные извороты, усиленныя старанія уклоняться отъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, и запутываніе смысла поспоронными умствованиями? Мы соспязаемся не наединѣ и на словахъ, которыя мгновенно исчезаютъ: свидѣтелями нашими суть всѣ читатели; изъ нихъ многіе справляются, сличаютъ и повѣряютъ наши доводы. Безприсраспное изслѣдованіе истины, для желаемой пользы, а не для угожденія охотѣ къ спорамъ производимое, требуетъ чистосердечія и готовности признаться въ своей ошибкѣ, если она ока-

зывается очевидною. Съ такимъ ли расположе-
 женіемъ г. Изслѣдователь продолжаетъ пре-
 пирались о банномъ строеніи? Когда ему
 говоряшъ о баняхъ врачебныхъ; онъ, ниче-
 му не внимая, продолжаетъ вести рѣчь о
народныхъ парильныхъ баняхъ и о томъ
 какъ не прилично хлопошась объ нихъ
 Архіереямъ. Когда ему возражаютъ, что
 къ монастырскимъ заведеніямъ бани поч-
 но принадлежали, и доказываютъ Успа-
 вомъ Владиміра Великаго, давая очень ясно
 разумѣшъ, почему оный Успавъ можетъ
 бышъ въ семъ случаѣ досташочнымъ сви-
 дѣтельствомъ о принадлежности банъ къ
 монастырскимъ заведеніямъ; но онъ про-
 пускаетъ мимо все сказанное, и удивляется,
 чего ради смѣшана Неспорова льпопись
 съ Успавомъ Владиміра, какъ можно Успа-
 вомъ Владиміра дополняшъ гораздо позже
 сочиненную Неспорову льпопись, и какъ
 могло спашься, чтобы по сему Успаву не
 были въ то же время, но есшъ при Вла-
 димірѣ Великомъ, построены *народныя*
 бани! — какъ будто въ Успавѣ предписы-
 вается непременно строитъ бани, и какъ
 будто г. Изслѣдователь не понимаетъ, что
 въ ономъ опредѣляется только принадлеж-
 ность монастырскихъ заведеній, и между
 прочимъ банъ и больницъ, къ вѣдомству
 духовнаго начальства. Ему говоряшъ и по-
 вворяютъ, что *не Талищевъ первой*

прибавилъ народныя бани и больницы, о которыхъ не упоминается въ лѣтописи, но что за долго еще до Тапищева написано было то же въ Спешенныхъ Книгахъ, сочиненныхъ около пѣтънадесятаго вѣка и дополненныхъ въ шестнадцатомъ; какъ въ семъ такъ и въ другихъ случаяхъ ему хотѣлось показать только сбивчивость и несоблюденіе точности въ его предложеніяхъ: а онъ весьма усердно толкуетъ, что Преосвященный Кипріянъ, сочинитель Спешенныхъ Книгъ, началъ прудиться надъ ними спустя около 250 лѣтъ послѣ Неспора, что Кипріанъ жилъ далеко отъ Переяслава, что неимѣлъ у себя хорошихъ списковъ и проч. Уклоняясь такимъ образомъ отъ матеріи и сооружая систему свою на фальшивыхъ положеніяхъ весьма не трудно; но такая система не можетъ быть прочною. Какъ въ силлогизмъ изъ ложной посылки необходимо выводится и слѣдствіе ложное же; или какъ въ математической задачѣ одна погрѣшность проспираетъ слѣдствія свои на все рѣшеніе: такъ и въ историческихъ изысканіяхъ одно фальшивое положеніе можетъ послужить поводомъ къ неправильному заключенію. Избѣгая темное мѣсто въ лѣтописи, чтобы себя и другихъ не ввести въ заблужденіе, надобно не только пользоваться благопріятными для своего мнѣнія обѣща-

дательствами, но и опровергнувши все претязательства, дабы читатель безъ ропота шелъ, куда мы доведши его желаемъ. Г. же Исследователь пропускаетъ безъ вниманія то, что не сообществуемъ его видамъ; а ловишь самыя маловажныя и весьма отдаленныя обстоятельства, если они по его расчету хоть мало ему благоприятствуютъ. Напримѣръ, онъ не побѣдился описать подробности свиданія своего съ пригошворяющею сахарныя варенья Кіевлянкою для того только, что служанка ея по просторѣчю назвала церковную главу банею; а не взялъ на себя труда изъяснить, прилично ли сказать о куполѣ *заложили* банное строеніе. Онъ читалъ у Болшина приводимое изъ лѣтописи весьма древняго почерка спорное мѣсто: „Сей Ефремъ много зданія церковнаго воздвиже: церковь С. Теодора на врачѣхъ, другую С. Андрея у врачѣ, *при ней же и строеніе банное каменное.*“ Лѣтопись сію, признаваемую отъ Болшина ближайшею въ первобышней Неспоровой, и самъ г. Исследователь одобряетъ. Желательно знать, почему не угодно ему было взять на замѣчаніе, что слова *при ней же и строеніе банное каменное воздвиже* ни въ какомъ случаѣ не могутъ значить: *при ней же, и. е. при церкви, построилъ и*

куполъ каменной. Надлежало бы сказать *и* ей же и проч.

Почтенный г. Исслѣдователь баннаго строенія, заслонившій себя *десятью* доказательствами; напоминаетъ мнѣ, для чего я не опровергъ оныхъ. Какъ опровергнуть ихъ? Ещо было бы выше силъ человеческихъ! Я даже боялся и присупить къ въспорымъ. Надобно признаться, что на флагахъ поставлены самыя страшныя. Вошъ онъ: Но 1 й. Наши писатели, древнѣе и новѣйше, не согласно повѣствуютъ не только съ Несторомъ, но и другъ съ другомъ; а сіе показываетъ, что они въ точной смыслъ преданія не вникнули. Но 2 ой. Сбравши девять доказательствъ, г. Исслѣдователь подвергнулъ мнѣніе свое критикѣ достопочтенныхъ особъ, кои совершенно одобрили оное. — Такимъ образомъ можнобы еще болѣе увеличить число доводовъ, принимая каждой особы одобреніе за особливое доказательство — на что однакожъ г. Исслѣдователь не рѣшился.

К.

IV. С М Ъ С Ъ.

Историческія лица нынѣшней Франціи.

Анекдоты о Бонапартѣ.

Здѣшній понѣ — пакѣ писано было о Парижѣ и Бонапартѣ, когда еще онѣ неприсвоилѣ себѣ Императорскаго титула — здѣшній понѣ не имѣетѣ ни малѣйшаго слѣда прежней Французской приятности, легкости и живости. Всѣ окружающіе и глядящіе съ раболѣпствомъ на перваго Консула, котораго со всякимъ обходился равно сухо, холодно и сурово; даже когда стараешься быть ласковымъ и шушливымъ, снисхожденіе его надушо и язвительно. Образъ его извѣщенія имѣетѣ всегда нѣчто грубое и низкое; не рѣдко употребляетѣ онѣ пакія выраженія, которыя перенялъ у солдатѣ, и которыя не употребляютѣсь въ хорошихъ обществахъ. Онѣ въ состояніи сказать людямъ прямо въ лицо весьма обидныя слова; всякая рѣчь его сопровождается глухимъ, осиплымъ хохотомъ, которой подавляетѣ всякое доброхотство. Важнѣйшіе государственныя чиновники при-

нуждены бывающѣ иногда слышатъ отъ него слова, копорыя никогда не выходящѣ изъ устѣ вѣжливаго начальника; шаръ на примѣрѣ онѣ часпо говоришѣ, когда думаешѣ, что уловилѣ вѣ пропиворѣчїи кого нибудѣ изъ своихѣ миниспровѣ, или совѣшниковѣ: *Vous êtes un homme de mauvaise foi*, или *vous me trompez* (вы человекѣ лукавой — вы меня обманываете).

Собственной своей супругѣ (Юзефинѣ), равно какѣ и прочимѣ дамамѣ, онѣ дѣлаешѣ нередко самые грубые выговоры, когда онѣ кажутся ему неприлично одѣшыми, или слишкомѣ вольными вѣ большихѣ собранїяхѣ. Прекрасной г-жѣ *Талленѣ*, которая принадлежала кѣ числу шѣсныхѣ приятельницѣ Юзефины, сказалѣ онѣ однажды громко и прямо вѣ глаза, когда она, во время продолжшельнаго опсушшвїя своего мужа; беременная вошла вѣ залу Госпожи Бонапарше, наполненную людьми: „Какѣ вы смѣете придши вѣ такомѣ состоянїи кѣ моей супругѣ?“ и велѣлѣ ей пошмашѣ удалишся. —

Когда оперные пѣвцы, копорыя пѣлм Гайденово сочиненїе вѣ пошѣ самой вечерѣ, какѣ случилось ужасное приключенїе сѣ адскою машиною, пришли на другой день поздравишѣ Наполеона сѣ благополучнымѣ

избавленіемъ; но онъ сказалъ имъ: Vous avez chanté hier comme des cochons (вчера пѣли какъ свиньи)!“

Когда намѣревались уничтожить Національной Инспишумъ и превратить его по прежнему въ Академіи, а ни одна изъ нихъ не хотѣла принять къ себѣ бывшихъ при Инспишумъ музыкантовъ и актеровъ; но Бонапартъ сказалъ одному изъ нихъ: Les Mathématiciens vous jeteront le pot de chambre sur la tête; ils ne veulent pas plus de vous (*).

Даже и чужестранные Посланики, въ которыхъ Правители всѣхъ просвѣщенныхъ государствъ члутъ особу ихъ Монарха, не избѣгаютъ суровыхъ и оскорбительныхъ выраженій. Особливо Шведской и Англійской посланики въ 1803мъ году чувствовали несносную грубость его и своеправіе. Когда онъ говорилъ что нибудь приятное одному послу, то еще по большей части клонился на счетъ другаго, шумъ же находящагося. Онъ всегда старается унижить того, съ кѣмъ говоритъ начинаеть.

(*) Пусть останутся безъ перевода слова премудраго Консула. *И. д.*

Министръ Талейранъ и Кардиналъ Капрара имѣли весьма сильное вліяніе на волю Наполеона. Сіе обстоятельство послужило поводомъ къ сочиненію каррикатуры, представляющей танцующаго Консула, кошораго Талейранъ водитъ за обѣ руки, между тѣмъ какъ Капрара улыбаясь играетъ на скрипкѣ. Мысль къ етому подалъ самъ Бонапартъ, вздумавши однажды ввечеру танцовать съ своею падчерицею, супругою Лудовика. Тутъ имѣлъ онъ случай показать въпервыхъ неискusstво свое, а во вторыхъ жестокость сердца и властлюбіе. Собравшись танцовать, онъ снялъ съ себя шпагу, и протянулъ руку къ близъ себя стоящему. Ето былъ, по несчастію, знашной фамиліи офицеръ, кошораго честь симъ оскорбилась; онъ отступилъ назадъ, и ожидалъ, чшобъ кто-нибудь изъ слугъ подосылъ принять шпагу. Бонапартъ быспро взглянулъ на него, и сказалъ спрашнымъ голосомъ: *Mais oui! je me suis bien trompé* (да, я ошибся)! подозвалъ къ себѣ Генерала, кошораго услужливость была ему извѣстна, и опдалъ ему шпагу. Офицеръ приѣзжаетъ ночью домой, и находилъ уже повелѣніе опправиться на другой день на островъ Сенш - Доминго.

Обремененный и пресыщенный ласкательствами Парижанъ первый Консулъ

вздумалъ побѣхашъ въ Руанѣ, Гаврѣ и къ западнымъ берегамъ, для приведенія ихъ въ лучшее оборонительное состоянiе, и для принятiя, сверхъ того, присяги отъ памоощныхъ жителей. Всѣ чины правленiя и муниципалитетовъ не опсавали одинъ отъ другаго въ засвидѣтельствванiи неописанной рабской покорности, которую первой Консулъ и его супруга принимали съ великимъ удовольствiемъ. Муниципалитеты, духовенство, граждане и ихъ дочери, вездѣ подносили ему и ей особливые дары. Одинъ священникъ въ привѣщпешней своей рѣчи именовалъ Бонапарта *L'homme de la droite du Très haut, qui commande le respect et l'étonnement à tout l'univers* (человѣкомъ десницы Всевышняго, внушающимъ къ себѣ почтенiе и удивленiе всей вселенной)! Невинныя дѣвицы въ Бове — копорыя, какъ и сочинитель ихъ рѣчи, по живоспи своего воображенiя вѣрояшно представляли въ мысляхъ своихъ героя — называли его *l'Hercule Français*, и говорили, что ему посвящающъ первыя свои *sacrifices et libations* — сiи дѣвицы очень изумились, увидя маленькую, сухощавую, желшую фигуру вмѣсто воображаемаго ими Геркулеса! Намные орапоры говорили Иозефинѣ: *o Graces toutes puissantes, o vertus et inepuisable bonté céleste, dont vous êtes la plus séduisante image* (о всемогущiа прелесци, о добродѣтели

И неистощимая благость небесная, коей вы наипрелестивѣйшій образъ)! Въ Гаврѣ передъ Наполеономъ и Іозефиною, какъ нѣкогда передъ добрымъ Лудовикомъ и прекрасною его Супругою, при публичномъ торжествѣ пѣли: *ou veut-on être ténieux, qu'au sein de la famille* (гдѣ сладостнѣе бытъ; какъ не въ нѣдрѣ своего семейства)! Въ доказательство, что Французы потеряли чувство приспосовности; Англійской Посланникъ почти въ то же время былъ вспрѣченъ въ Кале епожѣ пѣснѣю!

Умерщвленіе Дюка Англенскаго произвело такое омерзѣніе во Франціи, особливо въ добромъ (какъ называется Наполеонъ Бонапарть) городѣ Парижѣ, что императоръ долженъ былъ ввести двадцать тысячъ человекъ войска въ столицу и отдать приказъ, дабы всякаго, находящагося на улицѣ по пробитіи осьми часовъ, брали подъ спражу. Полицейскіе служители были весьма озабочены; ибо надлежало срывать прибитые листки не только на улицахъ и перекресткахъ; но даже въ самыхъ черпогахъ убійцы. На одномъ изъ сихъ листовъ изображены были невинная жертва и Наполеонъ; обрызганный ея кровію. Вблизи находилась надпись: *Вотъ Принцъ крови!*

Московскія записки.

Бѣгство неприятелей изъ Москвы было столь поспѣшное, что въ шоропливости своей они не успѣли захватить книжечекъ, которыя служили имъ вмѣсто провинтскихъ магазейновъ. Предводитель ихъ, вмѣсто того чтобы позаботиться о дозволяемыхъ народными правами способахъ прокормить и снабдить одеждою свои полчища, надѣлилъ ихъ маленькими книжечками, въ которыхъ собраны слова и разговоры на четырехъ языкахъ, Французскомъ, Русскомъ, Польскомъ и Нѣмецкомъ. По симъ разговорамъ судить можно, что великій Геній не все предвусмогрѣлъ и весьма ошибся въ тактическихъ своихъ выкладкахъ. Онъ думалъ, что ведетъ солдатъ своихъ въ землю обѣшанную, гдѣ могутъ они имѣть все, чего ни потребуютъ. Онъ думалъ, что солдатъ его будетъ сытъ и доволенъ, когда научится говорить: *дай меня кушанье — дай меня пить — я лублу говядицу — пиво, медъ, вино, вещьна, курца — я хочу спать — дай меня хорошую постель — мужикъ! покажи меня дорогу!* — Онъ непредвидѣлъ, что бѣднымъ его сподвижникамъ гораздо нужнѣе было бы начать учиться порусски съ такихъ и подобныхъ симъ выраженій: *я несчастная жертва ненасытнаго и безумнаго властолюбія! меня исторгли изъ родительскаго дома и повлекли къ неизбѣжной гибели! умолюсердитесь надо мною, получайте и голодные!* неоткажите мнѣ въ кускѣ хлѣба, которымъ милосердый Богъ щедро надѣляетъ Россію! не дайте мнѣ умереть отъ голода и стужи! Такія слова можешь

быть подвигли бы къ большому состраданію добрыхъ крестьянъ нашихъ, которые и безъ того неощажаютъ въ челолюбивыхъ пособіяхъ, сколь ни обременительно великое число пѣнныхъ тунеядцовъ.

— Безчеловѣчіе, звѣрскія жестокости, скопскіе поступки и срамныя дѣянія Французовъ превосходящъ въроятіе. Но чему дивитесь? Оказавшееся въ народѣ семъ расплѣтые нравовъ уже съ давнихъ временъ возбуждало омерзѣніе во всякомъ благомыслящемъ челолюбѣ. Революція ихъ приготовляема была общоштельствами еще съ начала осмнадцатаго вѣка. Большая половина Французскаго народа нынѣ состоитъ изъ людей или выросшихъ или родившихся въ сіе несчастное время, когда отечество ихъ было театромъ нечестива, распутства, звѣрства, и когда невозможно было заботиться ни объ ученіи, ни о воспитаніи. Будетъ ли имѣть должное почтеніе къ Божиимъ храмамъ въ чужой землѣ тотъ, кто вмѣнялъ себѣ въ честь и славу разрушаніе олшари въ своемъ собственномъ отечествѣ? Удержитъ ли руку свою отъ святошественныхъ хищеній тотъ, кто пренебрегши уваженіе къ граху законныхъ государей своихъ, разрушилъ ихъ гробницы и ругался надъ расплѣвшими ихъ остатками? Съ какими гнусными правилами возмужали нынѣшніе грабители народовъ, достойное орудіе кроваждаго и бѣшеннаго властолюбца! Грабительство есть снхія ихъ, безъ которой они не только воевать но ниже дышать не могутъ. „Что ежели высадка въ Англію будетъ удачна?“ спросили одного Французскаго офицера. Je pillerai, отвѣчалъ онъ съ перваго слова: *я стану грабить.* Въ Австріи, гдѣ

робкіе жишели надбляли ихъ всѣмъ нужнымъ, вмѣсто явныхъ насильствъ иногда прибѣгали они къ хитростямъ, воровству, обманамъ и угрозамъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ старались угощать ихъ и оказывать имъ всевозможное угожденіе, они (въ 1805 году) ломали мебели, разбивали стекляныя и фарфоровыя вещи, драли обой, вводили лошадей въ комнаты. Въ одномъ значномъ домѣ пропала серебряная посуда топчасъ послѣ отбѣда гостей — Французскаго полковника съ офицерами. Генералъ Вандамъ въ домѣ Графа С. . . вымучилъ у конюшаго за 200 гульденовъ лошадь, сплющую 2000 гульденовъ. Маршалъ Ней подблмалъ ключъ къ библиотекѣ и вытащилъ изъ нее самыя лучшія книги. Но оставимъ дальніе примѣры. Тысячи свидѣтелей подтвердятъ, что сіи воины, вступившіе въ Москву безъ сопротивленія, снимали обувь, одежду и даже рубашку съ идущихъ по улицѣ жипелей; обнажали грудныхъ младенцевъ, снимая холщевыя пеленки; у женщинъ вырывали изъ ушей прѣстия серги и снимали съ пальцевъ серебряныя самыя недорогія кольца, съ обнаженною саблею угрожая опрѣзать палецъ, если кольцо сходило съ него не скоро. Но сіи мерзости ничего не значатъ въ сравненіи съ другими, о которыхъ помыслить не можно безъ содроганія. Нечестивые грабишели и свияшпашцы достойно подражаютъ своимъ предкамъ; которые въ началѣ еще принадлежаго сполбтія навѣки посрамили имя свое передъ свѣтомъ и пошомствомъ. Тогда овладѣвши Констаншинополемъ, они грабили церквы и предавались всѣмъ неистовствамъ скотскаго плѣпоугожденія и корыстолюбія. Самъ Вольперъ, апостоль Французскій, замѣчаетъ свойство

народа, которое, какъ онъ свидѣтельствуетъ, *никогда неизмѣнялось*, и которое доказывалось тѣмъ, что Французы плясали съ женщинами въ церкви Св. Софіи, и въ то время какъ одна изъ непотребныхъ прелестницъ, слѣдовавшихъ за арміею Багдуина, сидя на Патриаршемъ престолѣ, пѣла пахабныя пѣсни . . . . , Французы“ повсюду Вольтеръ, пили, пѣли пѣсни, безчинствовали съ дѣвками въ соборной церкви, и въ то же время ея грабили: всякой народъ имѣетъ свой характеръ (*chaque nation a son caractere*)!“

— Однажды, въ замѣчаніи объ игранный на здѣшнемъ театрѣ Вольперовой *Меропъ* Французскими актерами (которымъ желаемъ счастливаго пути безъ возврата), слегка было упомянуто въ Вѣстникѣ Европы, что въ нынѣшнее время не жалуютъ сей трагедіи въ Парижѣ. Теперь можно объявить тому причину: въ *Меропѣ* есть лицо, которое могло бы встревожить давно уснувшую совѣсть въ мрачной душѣ Наполеона — а именно коварный и злобный Полифонтъ, похититель верховной власти. Французы помнятъ свою пословицу: *не говори о веревкѣ въ домѣ удавленника*. Сколько ни притворится Бонапартъ любителемъ краснорѣчивыхъ стиховъ Корнелевыхъ; однакожъ не лзя думать, чтобы могъ онъ слушать равнодушно исповѣдь Фоки передъ Криспомъ въ трагедіи *Ираклій*, гдѣ тиранъ Византійскій, исчисливши заботы и безпокойства верховнаго правителя, говоритъ слѣдующее:

Surtout qui, comme moi, d'une obscure naissance
Monte par la révolte à la toute-puissance
Qui de simple soldat à l'empire élevé
Ne l'a, que par le crime, acquis et conservé,

Autant que sa fureur s'est immolé de têtes,
 Autant ce-sus la sienne il croit voir de tempêtes;
 Et comme il n'a semé qu'épouvante et qu'horreur,
 Il n'en recueille enfin que trouble et que terreux.
 J'en ai semé beaucoup; et depuis quatre lustres
 Mon tône n'est tondé que sur des morts illustres;
 Et j'ai mis au tombeau, pour regner sans effroi,
 Tout ce que j'en ai vu de plus digne que moi.

Какое разительное сходство! И нынѣшній Французскій Фока точно также, возни-
 ши изъ ничтожества; крамолою достигъ все-
 могущества; приобрѣлъ престолъ и держит-
 ся на немъ злодѣйствомъ; многихъ людей
 принесъ на жертву своему неистовству; и без-
 пресытно долженъ страшиться грозящей по-
 гибели; посвятивши страхъ и ужасъ, собираетъ
 плоды достойные своего сѣянiя: престолъ его
 равномѣрно утвержденъ на смерти людей зна-
 менитыхъ; и онъ, чтобы царствовать без-
 опасно, низринулъ въ могилу всѣхъ тѣхъ,
 коихъ почтѣлъ себя достойнѣйшими! Оста-
 ется подождать, чѣмъ кончитъ сей Фран-
 цузскій Фока свою трагедiю.

У Кузнѣцкаго моста, при которомъ сто-
 лѣ долгое время гнѣздились Французскiя пiявѣицы
 обоюго пола, и которой обезлавленъ былъ ихъ
модными магазинками и кражами вѣса;
 нынѣ открыто уже нѣсколько лавокъ нашихъ
 одноземцовъ и согражданъ, Московскiхъ куп-
 цовъ, торгующихъ разными панскими това-
 рами. Сколько Русскихъ денегъ, пошовымъ тру-
 домъ приобретенныхъ, брошено въ сiю без-
 донную пропасть! За удовольствiе купить
 уборъ или нарядъ у Французской мадамы и на
 Французскомъ языкѣ спросить ее о цѣнѣ (ибо
 торговаться съ мадамами не прилично; еще

значило бы скупость, невѣжество) надлежало плашше въ пятеро дороже! надлежало разоряшсь для удовольстворенія жадности сихъ забѣжихъ шорговокъ, кошорыя по большей части покупали повары свои въ госпинномъ дворѣ, и безстыдно придавали имъ мнимое достоинство, называя ихъ *выписными изъ Парижа, модными, послѣдняго вкуса!*

Въ послѣдней 16й книжкѣ сего Журнала помѣщено патріотическое воззваніе къ жителямъ *Остзейскихъ Провинцій Россіи*, излившееся изъ сердца исполненнаго любви и преданности къ законному Государю, и дышущаго праведною ненавистію ко врагу чловѣческаго рода. Г. Докторъ Меркель объявилъ въ Рижскомъ *Зрителѣ*, что сіе воззваніе написано имъ самимъ по препорученію Лифляндскаго Гражданскаго Губернатора, а не г-мъ Коцебу, кошораго имя шамъ поставлено.

У. П О Л И Т И К А.

О политическихъ обманахъ Франціи.

Между тѣмъ какъ настоящія происшествія приводяшъ въ недоумвіе почти всѣхъ современныхъ свидѣтелей, наблюдательный умъ ищетъ причинъ онымъ въ

вѣкахъ отдаленныхъ. Исторія служитъ для него зеркаломъ, въ которомъ проникаешьное оно видишь неразрывную цѣпь событий. Франція только со времени поспѣдвой своей революціи содѣлалась позорищемъ ужасныхъ неисповсѣвъ и восплакала грабителей, нагло попирающихъ священныя права, коими обезпечивается благо народовъ; однакожъ начало шого ненасытнаго властолюбія, копорымъ живетъ и дышетъ нынѣшне правительсво Франціи, скрывается во мракѣ давно прошеншаго времени. Еще въ половинѣ минувшаго столѣтія однимъ безприсраснымъ наблюдашемъ сочинена книга на Нѣмецкомъ языкѣ (*), въ которой открыты и обнаружены многократныя вѣроломства и обманы, какія Франція въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ прошиву всѣхъ Европейскихъ державъ оказывала, и шѣмъ самымъ чрезмѣрно распроспранила свои границы. Уже тогда напоминаемо было, что еѣ обманы и вѣроломства дол-

---

(*) Недавно вышелъ Русской переводъ сей книги подъ названіемъ: *Исторія о политическихъ Франціи обманахъ, коварствахъ ея и вѣроломствахъ, несоблюденіи ею мирныхъ трактатовъ и нарушеніи священнѣйшихъ союзовъ*. С. Петербургъ, 1812. На 314 стр. въ 8 ю долю л. — Помѣщаемое здѣсь извлеченіе взято изъ Русскаго перевода. *Изд.*

жны пробудить Европейскія Государства для соединенія всѣхъ силъ, дабы заключить Францію въ пѣсифйшіе предѣлы и опцять пѣ области, кои она не праведными войнами, нарушеніемъ или несоблюденіемъ мирныхъ поспановленій прошивузаконно къ себѣ припоргла. И прежде за нѣсколько сотъ лѣтъ были многіе писатели, которые открывали свѣту Французскіе обманы по дѣламъ военнымъ и мирнымъ.

Такимъ образомъ уже въ 1644 году *Браулагг*, описывая вкрапщѣ всѣ замиренія Авспрійско-Испанскаго двора съ Французскимъ со всѣми оныхъ основаніями и побудишельными причинами, весьма ощушительно и очевидно доказалъ, что въ печеніе двухъ столѣтій Франція несоблюденіемъ девятинадцати мирныхъ пракпашовъ обманула девятинадцать разъ Домъ Бургундскій и Авспрійскій Нѣмецко-Испанской линіи. Своль многократно Англія и другія государства подобнымъ образомъ были обманушы со времени заключенія Пирнейскаго мира до возшествія на престолъ Англійскаго Короля Іакова II; когда именно Англія Французскими пронырствами и подущеніями приведена была въ самую опасную внутрєннїя безпокойства и сильное в змущеніе; о томъ въ Лондонѣ 1685 года вышло особое сочиненіе. Какія щиканства,

принципи и досады чинила Франція Нѣмецкимъ Имперскимъ чинамъ въ то же самое время, и сколько имъ грозила чрезъ пронырливыхъ своихъ шпионовъ, о томъ можно читать у *Пухфендорфа* и *Фабера*. Какъ обмануцы были Генеральные шпашы соединенныхъ Нидерландовъ Французскимъ кабинетомъ, сіе, неупомяная о другихъ прежнихъ мирныхъ пракшапахъ, довольно ясно показывающъ уже одни Акты и Записки касательно Упрехпскаго мира. Какіе обманы со стороны Франціи чинимы были противъ Италіанскихъ государствъ, сіе обстоятельно описалъ *Гвичардини*. Что Французскій дворъ слѣдуетъ неизмѣнно своей обманчивой, вѣроломной полишикъ, а наипаче въ несоблюденіи пракшаповъ, о семъ уже и *Коммень*, Французскій бытописатель, далъ знать скрытымъ образомъ, а *Амелотъ де ла-Гуссе* явно подтвердилъ свое. Первый пишетъ, что „Франція всегда умѣла пользоваться „мгнущими договорами гораздо лучше прочихъ „Европейскихъ державъ.“ Но могла ли Франція пользоваться пракшапами иначе, какъ не обманомъ? ибо обнаруживая всегда во время войны желаніе и наклонность къ миру и заключая мирные пракшапы, никогда въ мысляхъ неимѣла того, чтобы оныя хранить дѣйствительно, свято и ненаружимо? *Амелотъ де ла-Гуссе*, взирая на

паковыя пошупки Королей Французскихъ,
 едѣлабъ совершенно приличное и испинное
 примѣчаніе: „Нѣшб Государей, кои бы чаще
 „вѣ устахъ имѣли рѣчи и предложенія о ми-
 „рѣ. . . . Читай въступленія мирныхъ пракша-
 „шовъ: шамъ нѣшб ничего прекраснѣе, ниче-
 „го искреннѣе, ничего превосходнѣе извѣвле-
 „нія чувспвишельнѣйшаго сожалѣнія о бѣдѣ-
 „спвѣи народовъ; но когда спанешь, читашъ
 „далѣе спашъи, то на всякой спрокѣ най-
 „дешъ двусмысленныя слова, хипрососпав-
 „ленныя выраженія и условія лукавыя или
 „обманчивыя, кои служашъ удобнымъ пово-
 „домъ къ войнѣ и приугошповленіемъ къ на-
 „чашю оной.“ Все сіе дѣлала Франція во
 всѣхъ войнахъ и при всѣхъ о мирѣ перегово-
 рахъ и пракшашахъ. Наружно ничего
 она сполько не желала и ничего по видимому
 сполько не искала, какъ мира и пишины,
 а въ мирныхъ заключеніяхъ употребляла
 самыя нѣжнѣйшія выраженія ненаруцимой
 дружбы и непоколебимаго соблюденія мира;
 нолько никогда долго не сохраняла онаго, но
 всегда спаралась что нибудь чрезъ миръ
 выиграть, и какъ скоро представлялся слу-
 чай; опяшь его нарушала, дабы опяшь по-
 средствомъ новаго мирнаго пракшапа при-
 обрѣсть другія какія нибудь выгоды, и та-
 кимъ образомъ мало по малу великое дѣло
 всеобщаго единодержавія совершишь, и всѣ
 ерѣднія государства себѣ покориць. Чшо

предприятія Французовъ и всѣ ихъ войны не къ чему другому спремяся, какъ къ покоренію подъ свое иго сопредѣльныхъ государствъ, сіе уже весьма хорошо замѣтилъ и Турецкой шпионъ при дворахъ Христіанскихъ Государей (Том. II. письмо 81), говоря, что „они весьма поспѣшно шествуютъ къ цѣли, заславившей ихъ подяшь оружіе, по естѣ чѣгобъ покорить себѣ все предъ ними и окрестъ ихъ находящееся, и царства, обласпи и города повергнушь къ стопамъ своего властелина. Трудности и поперя ни мало не успрашаютъ ихъ. Пораженія, постигнувшія ихъ, и препоны, прошивуборспивующія имъ, лишь покломъ бодрѣ ихъ оживотворяютъ и покломъ придаютъ имъ новую силу и мужество.“ Побудительная причина всѣхъ сихъ Французскихъ крайнихъ напряженій и усилій естѣ такое намѣреніе, которое безъ прошивузаконнаго насильства и безъ обмана достигнуто бытъ не можетъ, а именно: ешо планъ всеобщаго единодержавія, котораго безъ покоренія независимыхъ, свободныхъ государствъ въ исполненіе привести не можно; покоренія же сего не можно учинить безъ крайней несправедливости; несправедливость не можетъ произведена бытъ въ дѣйство безъ варварскаго насильства и обмана; а изъ сего извлекаю, говоритъ сочинитель, послѣдствіе, что до-

колѣ Французскій дворъ находишься будешь въ состояніи продолжати сей свой планъ и шoliko чрезвычайное намѣреніе силою оружія, и не будешь усмирень или заключень въ шѣснѣйшіе предѣлы; до шѣль порѣ сосѣднѣя государства не должны себѣ ничего другаго ожидать, кромѣ Французскихъ наглыхъ домогательствъ. А дабы кто-либо не усумнился въ истинѣ того, что Франція во всѣхъ войнахъ и мирныхъ переговорахъ ничего другаго въ предметѣ неимѣешь; кромѣ желанія всегда болѣе и болѣе приближаться ко всеобщему единодержавію, состоящему въ покореніи или по крайней мѣрѣ въ удержаніи зависимыми Европейскихъ царствъ, по и намѣренъ я, продолжаешь сочинитель, въ подтвержденіе сей истины, привести здѣсь нѣсколько доказательствъ, почерпая ихъ изъ сочиненій не только другихъ народовъ, но и самихъ Французовъ.

Изъ Французскихъ бытописателей подтверждають: *Туанъ* въ Исторіи Французской и *Перефиксъ* въ Исторіи о Генрихѣ Великомъ; что сей Генрихъ IV начерпалъ первый планъ Французскому всеобщему единодержавію, которому всѣ бывшіе по немъ Французскіе Короли слѣдовали, а болѣе всѣхъ Лудвигъ XIV; что также подтвердишь можешь и Французскій бытописатель *Жанъ де Серръ*,

капторей точно пишеть сими словами:
 „Лудвигъ XIV желалъ успановить всеоб-
 щее Французское единодержавіе.“ Изъ Нѣ-
 мецкихъ дѣписателей, представляющихъ
 дѣла сего самаго Короля клонящимися ко
 всеобщему единодержавію, приведу я здѣсь
 только *Пуффендорфа*. Сей знаменитый ав-
 торъ сличаетъ правила, кои Лудвигъ XIV
 для достиженія великаго своего единодер-
 жавія въ Европѣ и при покореніи сосѣд-
 ственныхъ царствъ употреблялъ, съ пра-
 вилами Филиппа Царя Македонскаго, по ко-
 торымъ онъ покорилъ себѣ Греческія рес-
 публики: „Лудвигъ дѣлалъ въ Европѣ то
 самое, что Филиппъ Македонскій дѣлывалъ
 нѣкогда въ Греціи. Нѣтъ ничего сход-
 ственнаго сихъ двухъ Государей въ тѣхъ
 способахъ и средствахъ какія они упо-
 требляли для покоренія своихъ сосѣдей,
 въ тѣхъ успѣхахъ кои они имѣли, и въ
 препятствіяхъ какія имъ встрѣчались.“
 И что иное дѣлалъ Лудвигъ XIV? Онъ
 пользуясь несогласіемъ Европейскихъ Госуда-
 рей, вспомошествовалъ всегда слабой сторо-
 нѣ, полагая или свое собственное или поссторон-
 нее требованіе причиною войны, подъ копо-
 рою скрывалъ власполюбивыя виды свои и
 желаніе покорить мало по малу сосѣдствен-
 ныя государства подъ власпъ свою; въ чемъ
 ему даже и до сего дня непоколебимо слѣ-
 дуетъ дворъ Французскій. Кто хочетъ

знать намбренія Французовъ и оныя оп-
часпи поспигашь, а пакже вѣдашь и по,
что имъ не должно вѣришь, хошя бы они
самыя убѣдительнѣйшія и самыя прекра-
снѣйшія удостовѣренія предсавляли враз-
сужденіи своея наклонности къ согласію и
къ соблюденію мира, показывая себя при-
томъ смиренными, покорными и ениско-
дипельными, когда они прямо не могутъ
въ дѣйство произвести своихъ намбреній
и замысловъ; шотъ пусть только прочи-
таешъ мѣсто въ сочиненіи *Лизолэ*, гдѣ
онъ ложные и припворные посупки Фран-
цузовъ въ погдашнія военныя времена из-
ображаешъ пакъ точно, какъ и шеперь
еще Французскіе Посланники, о продолже-
ніи мира переговоры производившіе, посту-
пали, а именно: „Если имъ повѣ-
ришь, то они неимѣютъ никакой другой
цѣли, кромѣ совмѣстнаго съ честію при-
миренія; сами они приглашають ино-
спранныхъ Государей къ успѣшному окон-
чанію сего спасительнаго дѣла; вопіють,
что согласны на умбренныя условія, что
ведутъ войну совсѣмъ прошиву своего желат-
нія, что съ удовольствіемъ оставяють ору-
жіе, и безъ малѣйшаго запрудненія под-
вергнутся суду шѣхъ, кои пожелають
воиши въ разсмотрѣніе ихъ дѣла.“

Можешъ ли поступокъ Лудвига XIV,
когда онъ предпринялъ войну въ Нидер-

ландцахъ подѣ предложомъ наследственнаго права на оныя, сходствовашь болѣе съ поступками Французскаго Минисперсхва при начашїи и продолженїи шеперешней (1745 года) войны? Франція предприняла оную войну подѣ предложомъ Баварскаго приязанїя на Австрїйское наследство; и какъ дѣло сіе не пошло удачно, по объявила, что она ничего другаго не ищетъ, кромѣ примиренїя Королевы Венгерской и Богемской съ Домомъ Баварскимъ, и для вящаго подшверженїя сего искренняго намѣренїя пригласила Нѣмецкую Имперїю и Генеральныхъ Шляховъ ко приняшїю на себя посредничества, копорымъ даже изъявила желанїе положить оружіе и заключить перемиріе. „Госмопримъ,“ продолжаясь *Лизола*, „соопшвѣлспш.уюшвѣли ихъ „поступки съ ихъ словами: всѣ ихъ дѣла „и мѣры спремяшся къ обширному и великому предмету; сіе грозное ополченїе, „сіи чрезмѣрныя издержки, сія расшочш.шеш.ьноспъ несказанная при переговорахъ „съ чужеспранными дворами производимыхъ, сіе усиліе къ составленїю шайныхъ союзовъ, къ привлеченїю золотомъ „и серебромъ на свою сторону иноземныхъ „миниспровъ, къ заняшїю пошпоронними „дѣлами особъ могущихъ имѣ чинишъ нѣ „копорыя препяшспшвїя, часто повшоряемыя „неошспшупными просьбы и значшныя обща-

„Иїя Шведамъ чинимыя, дабы они преве-
 „жили Имперію, чрезвычайное стараніе о
 „побужденіи Поляно въ подкупами и угро-
 „зами къ избранію Короля вопреки корен-
 „ныхъ ихъ законовъ, суть явные при-
 „знаки, весьма удобные къ убѣжденію и
 „малопросвѣщеннаго человѣка. въ томъ, что
 „всѣ сіи приуготовленія и пронырства имѣ-
 „ютъ предметомъ нѣчто гораздо важнѣй-
 „шее нежели завоеваніе нѣкоторыхъ об-
 „ластей.“ — II потому, если бы Фран-
 ція, употребивъ сіюль многія старанія и
 средства къ достиженію силою до испо-
 линскаго своего намѣренія, начала напо-
 слѣдокъ дѣлать снисходительнѣйшій и умѣ-
 реннѣйшій предложенія нежели каковыя
 она доселѣ дѣлала; но пусть всегда дума-
 ютъ, что по въ шѣмъ кроется обманъ:
 ибо доколѣ еще Франція удержаетъ можетъ
 вредноносныя силы свои, до тѣхъ поръ не
 инаго чего будетъ она искасть посредствомъ
 мира, какъ покомъ времени очутившея
 ся, обратится съ духомъ и силами, дабы
 послѣ опять начать предложитъ Европу, и
 не исполняя прѣдпачовъ чинитъ обманы,
 пронырства и вѣроломство. Слѣдователь-
 но всякой благомыслящій патриотъ не мо-
 жетъ шеперь ничего инаго дѣлать, какъ
 покомъ возбуждать въ употребленію всѣхъ
 силъ на то, чтобы Франція расильно при-
 неволена была соблюдать миръ, и шину

и спокойствіе; но до сего не иначе достигнуть можно, какъ лишивъ ее силы и могущества. Такимъ образомъ со времени заключенія Нимвегскаго прапаша при всѣхъ мирныхъ предложеніяхъ и договорахъ, чинимыхъ Франціею, всегда были папріюпы, опвращавшіе отъ того Европейскія Государства по причинѣ обмана и невѣрности, кои обыкновенно оказывала Франція въ подобныхъ случаяхъ; они увѣщавали напрошивъ того не заключать мира съ Французскимъ дворомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ приведенъ въ такія границы, что не возможетъ уже болѣе съ чаемыми выгодами дѣлать безпокойствія, или начать войну.

Извѣстія и замѣчанія.

Бѣгущіе Французы, чтобы сколько-нибудь защитить себя отъ страшнаго холода, обертывались въ сырыя кожи, сдираемыя ими, какъ сказываютъ, съ дохлыхъ лошадей. Во Французскихъ газетахъ пишутъ объ этомъ по *своему манеру*, замѣчая что это дѣлается *не для щегольства, но для теплоты*. На немъ замерзла бы невыдѣланная кожа; Француза она *грѣетъ!*

— И въ Вѣнскихъ газетахъ объявляютъ, что Наполеонъ во время бѣгства своего неоднократно присылалъ съ предложеніемъ о перемиріи.

— Въ изданной отъ Варшавскаго правительства прокламаціи между прочимъ написа-

но: „Явно, что ваши силы уже истощены; однакожь вы имѣете еще въ рукахъ своихъ *последнія* средства — къ нимъ теперь прибѣгнуть должно.“ И такъ желаютъ испортить и *последнія* средства у несчастнаго народа! А на что и почему? — Потому что Варшавскіе жители облагодѣтельствованы Наполеонѣмъ, которой великодушно роздалъ помѣстья Французскимъ своимъ Генераламъ въ семь Герцогствъ, и которой погубилъ въ Испаніи тысячъ сорокъ Поляковъ, чтобы для брата своего завоевать Королевство!

— Въ началѣ нынѣшняго года пропущенъ службъ въ Италіи, будто придетътуда Бонапарте. Въ слѣдствіе сего извѣстія молодые люди знатнѣйшихъ фамилій, которые совѣмъ не имѣли желанія находиться въ дѣйствительной военной службѣ и которые исполнили всѣ прѣбыванія конскрипціи, составили изъ себя почетную гвардію, для торжественной встрѣчи Наполеона. Италіанскій Король сей не прибѣжалъ; но *почетную гвардію* погнали въ Россію, какъ будто бы она состояла въ дѣйствительной службѣ! Хорошая награда за усердіе!

— По Французскимъ извѣстіямъ, Витгенштейнъ и Шпейнгель на силу поелъ *двенадцатидневнаго* сраженія могли войти въ Полоцкъ. Французы и Баварцы всего на все прошеряли тутъ не болѣе 3 офицеровъ и 15 рядовыхъ убитыми — слѣдственно на каждой день приходится по полтора человекъ!!

28 Декабря 2812.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 18. СЕНТЯБРЬ 1812.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Фридрихъ II, Король Прусскій.

(Изъ сочиненій Лакрелля.)

Сей Государь предстанетъ на судъ исторіи и попомства не съ чистою славою.

Видя его владѣнія распросстраненныя, воинства движимыя ученою такшикою, полководцевъ достойныхъ величайшей славы, если бы она не запемнялась славою ихъ Государя; видя особливо его самого среди величаваго строя воиновъ; видя шопъ великій духъ, который неслѣвалъ случаями, величался безмерными подвидами и шворилъ дѣла неимовѣрныя; видя сіи знаки величія давно неизвѣснаго: мы удивляемся ему, какъ шбмъ древнимъ завоевашелямъ, коцорые перемѣняли лице земли.

Въ уединеніи онъ являешся другимъ Царемъ, другимъ человекомъ. Первый изъ вѣнценосцевъ умѣлъ онъ облегчить для своихъ народовъ бремя царскаго сана, столь тягоспнаго въ другихъ земляхъ, поддерживая его только силою великаго духа. Истинныя достоинства приобрѣшали его уваженіе; онъ искалъ дружбы великихъ умовъ, какъ великіе умы ищутъ взоровъ Государей, и въ сихъ связяхъ оказывалъ приязности и слабости. Пламенная любовь къ изящному, во всѣхъ родахъ, обращала его въ соперники безсмертныхъ дарованій, и сему благородному вкусу обязанъ Монархъ способностію бытъ, подобно *Кесарю*, достойнѣйшимъ Историкомъ собственныхъ своихъ подвиговъ!

Но при соединеніи многихъ блестящихъ свойствъ и рѣдкихъ даровъ природы, сей Монархъ неимѣлъ того, на чемъ основывающся великія добродѣтели; неимѣлъ любви къ человечеству, того священнаго уваженія къ подобнымъ себѣ, которое не позволяетъ Государю спавить политическія выгоды въ перевѣсъ съ бѣдствіями народными; и того великодушнаго чувства, которое воспламеняется спраснію блага народнаго. Его слава не есть истинная слава; ибо она извлекаетъ его изъ немногаго числа добродѣтелей рода человеческого.

го. Блаженъ, если бы чуждаясь обыкновеннаго честолюбія, сей Государь присшупилъ къ единому предприятію, достойному вознесши имя великаго человѣка выше древнихъ и новыхъ мужей исторіи — къ славѣ устроишь спокойствіе народовъ! . . .

Доброе сердце.

Доброе сердце у шѣхъ людей, въ которыхъ добродушіе есть нѣкоторымъ образомъ природное побужденіе — такъ оно явно во всѣхъ ихъ дѣлахъ, во всѣхъ ихъ движеніяхъ самыхъ внезапныхъ! Эти люди имѣють свои спраси; но въ душѣ ихъ каждая спрась безпорочна и неупорна. Имъ приапно любить и быть любимыми; быть полезными для другихъ, довольными собою. Видя спраждуцаго, они предспавляють себя на его мѣстѣ, и летяють къ нему на помощь, спараясь объ немъ какъ о самихъ себѣ. Они гоповы и рады съ другими дѣлиться, чѣмъ шолько богашы, всѣмъ что шолько имѣють. Кто ихъ обидѣлъ, шому скоро прощають вину его, и они какъ бы облегчаютъ сердце свое, примиряясь искренно. Если сами оскорбили человѣка, шо беспокояшся и мучашся сею мыслію; ни досада, ни стыдъ не могутъ

ихъ удержишь отъ того чптобы они не признали и не загладили вины своей. Они могутъ выпустить изъ границъ должности; но пошому какъ они приспупаютъ ко злу, видно уже чпто сердце ихъ болитъ, чпто разумъ оспориваетъ ихъ поступки; довольно упрека, просьбы, размышленія часоваго, чптобы удержишь ихъ отъ исполненія дурнаго намбренія; и они обращаются къ справедливости, къ добродѣтели, какъ къ своему всегдашнему нраву. Равномбрно, они могутъ имѣть порочные намы и прибрѣтенные съ воспитаніемъ или съ природнымъ ихъ сложеніемъ; но за шо стараются въ другихъ частяхъ бытъ гораздо совершеннѣе. Мыслятъ и говорятъ вообще хорошо о всѣхъ людяхъ. Другіе часпо и долго ихъ обманываютъ; и въ семъ случаѣ опытъ не опучаетъ ихъ совершенно отъ полной довѣренности къ людямъ. Слабость ихъ въ томъ состоитъ, чпто ихъ можно скоро укротить, и скоро раздражить; гнѣвъ ихъ есть не злоба, а скорое негодованіе на людей безчестныхъ.

Какъ утѣшительно, какъ приятно видѣть ихъ въ ндрахъ семейства! Преслабый отецъ приводитъ ихъ еще въ шренствъ, когда возыскавъ грозный свой голосъ; но какъ бы онъ не былъ шумливъ и взыскашеленъ, безъ него нѣтъ праздника

жа для нихъ веселаго; они оставляютъ забавы, чтобы дѣлать съ нимъ скуку, и если заспешитъ въ углу ихъ дряхлая бабка, то въ мигъ бѣгутъ къ ней съ участіемъ нѣжнаго состраданія; никогда не удалятся отъ постели, на которой она кончается. Подруги ихъ жизни имѣютъ все права на ихъ снисхожденіе: жены повѣвуютъ ими слишкомъ много; но они этого не замѣчаютъ, или по крайней мѣрѣ на то не жалуются. А вразсужденіи дѣтей они дышатъ только ихъ счастіемъ; все горести улаживаютъ картиною дѣтскаго спокойствія, и время долго не приносятъ имъ старости, а съ нею утѣшенія видѣть дѣтей приспособленныхъ къ мѣсту. Еслижъ дѣти предаются злу и пороку, то сердечная рана опцовская не заживетъ, пока не сведетъ во гробъ огорченныхъ. Ихъ родственники, товарищи ихъ дѣтства, старинные приятели ихъ семейства, добрые сосѣди — все дороги ихъ сердцу; для всехъ вызывающія на услуги, и отказъ есть для нихъ огорченіе.

Не для нихъ опечесиво существуетъ только въ одномъ имени и словѣ. Нѣтъ въ опечесивѣ ничего чуждаго ихъ сердцу. Они пылаютъ любовію и признательностію къ Государю человеколюбивому, къ Министру правосудному; и хорошее или

дурное извѣстіе для опечесства бываетъ на нѣсколько дней причиною ихъ радости или горести душевной.

Въ чужихъ земляхъ грудь ихъ прещещь при сладкомъ имени опечесства; и они обнимаются не шакъ съ одноземцомъ своимъ, какъ съ другимъ челоѡкомъ. Когда по долговременномъ отсутствіи возвращаются домой, едва замѣпяшъ издали давно оплакиваемое мѣсто, гдѣ родились и выросли, и пошчасъ ускоряющъ шаги свои; всѣ предметы приближающіеся къ нимъ съ оспалкомъ пужи ихъ: домашнее сшадю у мѣсу пасущееся, младенцы рѣзвящіеся на лугу, колокольня приходской церкви, первый крестъ и первая хижина — все восхищашъ ихъ; со всѣми предметами здороваются и плачущъ какъ съ друзьями.

Вотъ добродѣтели и удовольствія *добрыхъ сердець*. Замѣпше, что въ нихъ нѣтъ ничего опмѣннаго, ничего превосходнаго. Таово свойство добродушія; безъ распаленія ума и чувства приобрѣшаемъ и сохраняемъ его; оно роштся и пишашся само собою; скрывается и снова оазывается; дѣйствуешъ безъ истощенія; приносшъ новую душу, наполняешъ жизнь и украшашъ ее вѣчными плодами. Природа, заключивъ въ добросердечіи благополучіе

человѣческое , облегчило его для насъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Чистые нравы съ добродушіемъ неразлучные бывали не рѣдки тамъ, гдѣ общественные и домашніе примѣры, мудрые законы и здравое просвѣщеніе содѣйствовали къ ихъ пользѣ.

Нынѣ въ безпорядкѣ городского обществѣ и при развратности свѣтскихъ нравовъ множеству вещей клонится къ усыпленію добрыхъ склонностей въ сердцахъ, и немногія ведутъ къ пробужденію добродѣтелей.

Утверждаю не безъ основанія, что гораздо легче для правительсва дѣятельнаго обратишь народъ къ чистымъ нравамъ, основаннымъ на добродушіи, нежели для оцъ семейсва поселить ихъ въ своемъ домѣ. Впечатлѣнія повелѣвающъ людьми; и что сильно на нихъ дѣйствуетъ, по ими и руководствуетъ; наспройте вліяніе предметовъ къ предположенной вами цѣли, и если цѣль согласна съ нагнреніями природы, то всѣ преграды исчезнутъ. Напротивъ того, проспой или частной чловѣкъ идетъ мертво противъ теченія общихъ мнѣній, и напрасно сражается съ развратными пороками, чтобы преклонить дѣшей

къ добронравію, къ сему источнику счастья и добродѣтели.

Отъ чего хорошее сердце такъ рѣдко въ наше время? Отъ того что нѣтъ уже ничего проспаго и непринужденнаго въ нашихъ мнѣніяхъ, нашихъ вкусахъ, нашихъ обычаяхъ; отъ того добросердечіе есть рѣдкое явленіе въ вышнихъ классахъ общества, и нѣкоторымъ образомъ есть преимущественно не черни, удаленной отъ него другаго рода пороками, а средняго состоянія людей, у которыхъ добронравіе бережется не столько для славы, сколько для счастья жизни.

Чтобы не измѣнишь никогда доброму сердцу, надобно оцѣлишь отъ себя все что есть искусственнаго въ ходѣ общежитія. Добросердечіе не совмѣстно съ роскошію, съ забавыми щеславіями, съ пышностію суетныхъ почестей; добросердечіе процветаетъ изъ простыхъ и свободныхъ нравовъ, и пребудетъ семейственныхъ связей, древняго простодушія, не высокоумной и не пышной жизни, добродѣтельныхъ склонностей, нѣкоторой опкровенности и нѣкоторой вольности въ обхожденіи.

Есть безъ сомнѣнія души сотворенныя для добродѣтели, какъ для дарованія; но я не вѣрю врожденной порочности, жопя и

знаю природную склонность некоторых душ ко злу и пороку. Природа соединила со внутренним образованием нашим телесныя силы, съ телесными силами наши страсти, со страстями наши пороки или добродѣтели. Но если нельзя преобразовать внутренняго сложенія, то можно во многихъ случаяхъ переменить направленіе страстей и руководствовать ихъ къ цѣли добродѣтели.

Лакратель. В. И.

Портретъ Егоиста.

Егоистъ бываетъ честенъ для некоторыхъ выгодъ, и для того чинитъ имѣть только имя и славу честнаго человека.

Онъ почитаетъ свои правила и полагаетъ въ нихъ мудрость; но чувствуетъ что онъ достоинъ презрѣнія, и не спѣшитъ ни выставять ихъ передъ другими, ни переменить ихъ основаніе: чѣмъ и разнишишь онъ циника и лицебра.

Въ его поступкахъ нѣтъ жестокости, которой можно бы ожидать отъ занятаго собой однимъ человека; напропивъ того онъ скрываетъ черствую душу подъ наружною вкрадчивою; но его ласка, его при-

вѣпливоспѣ не еспѣ искреннее желаніе угодишь или услужишь, а шолько проспая, и суешная вѣжливоспѣ, кошорая ничего не споишь и ни чѣмѣ не обязываешся.

Онѣ любишь забава, но боишь ихѣ слѣдспвій, и убѣгаешъ распушсшва.

Любовь къ деньгамѣ еспѣ главная спраспѣ его; но Егоиствѣ собираешъ деньги для шого чшобѣ пользовашь ими, а не скопляшь и непогребаешь ихѣ, подобно скупцу.

Вѣ почеспяхѣ и мѣспяхѣ леспны для него испинныя ихѣ выгоды; и онѣ не добиваешся ихѣ сѣ пылкостью чесплюбій.

Его обыкновенное соспоаніе еспѣ совершенная холодность и чрезвычайное равнодушіе ко всему чшо до него не касаешся; онѣ ожеспочаешся, если польза его спребуешъ шого; но жеспокость его оказываешся сѣ искусшвомѣ; безѣ пощады нападая на другихѣ, бережешъ самаго себя вѣ слѣдспвїяхѣ сего нападенія.

Одна мысль занимаешъ его во всѣ часы и во всѣхѣ обспояшельспвахѣ, а именно та польза, кошорую могущѣ ему принести вещи, мѣспы и люди; она занимаешъ его вѣ домашнихѣ неприяшностяхѣ, занимаешъ вѣ народныхѣ бѣдспвїяхѣ, занимаешъ

предъ смертнымъ одромъ отца его: въ шопъ разв, когда спарецъ кончается, его отцеубійственное воображеніе вступашъ въ права наслѣдства.

Та же мысль ведешъ его къ любви. Если встрѣчается съ нимъ женщина молодая и любезная; то для чего ему не воспламенишь къ ней любовію? Она общашъ ему удовольствіе, и онъ готовъ спарашъ о приобрѣшеніи ея руки всѣми способами, кромѣ пѣхъ которые могли бы прошивурчить его личнымъ выгодамъ.

Егоистъ можешъ влюбиться, а не женишь; онъ видешъ въ женишьбѣ безпокойства, которыхъ не хочешъ, и удовольствія, которыхъ безъ того имѣшь можешъ. Онъ женишь однакожъ, если можешъ общашъ ему богатство и почести; тогда жена и дѣши должны занимашъ его счастьемъ, и за то онъ не согласить никогда съ ними распашъ. Я имѣлъ случай узнать отца, который не позволилъ оплучить сыну для самаго важнаго дѣла, отъ котораго зависѣло его счастье, и не позволилъ для того, что ешопъ сынъ былъ забавенъ и веселилъ его дома.

Такимъ бываетъ онъ опцемъ; посмотримъ какимъ бываетъ другомъ. Вы изли-

ваеше передъ нимъ сердце полное горести; если ваша горестъ извѣсна ему по собственному опыту, то онъ скажетъ самъ себѣ со внутреннимъ удовольствіемъ: *я былъ въ этомъ положеніи, и вышелъ изъ онаго.* Такъ извлечетъ онъ удовольствія для самаго себя изъ печали ему вѣренной, и вотъ все что горестъ ваша пробудила въ душѣ его.

Онъ видитъ во всѣхъ прекрасныхъ чертахъ великодушія однѣ черты обмануемыхъ глупцовъ, копорымъ благоразуміе не завидуетъ; во всѣхъ родственникахъ такихъ людей, отъ копорыхъ ожидаютъ наслѣдства; во всѣхъ людяхъ сущесствъ почти себѣ подобныхъ, на копорыхъ никогда не лъзя надѣяться и полагаться: шаговъ Егоистъ!

Изъ Франц. Журн. В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Московскимъ Стихотворцамъ.

На день 2 Сентября 1812 года.

Гдѣ вы, питомцы Россійскаго Феба,
Крошкія чада смиренныхъ богинь?
Гдѣ вы сокрыты, счастливый даръ неба?
Во мракѣ пустынь.

Тамъ вы склонили на шумныя лиры
Взоръ вашъ унылый въ молчаньи, въ тѣни;
Спрутъ ихъ безгласныхъ не движутъ зефиры
Въ печальные дни.

Бурные Галлы съ грозой налетѣли,
Какъ пышущій зѣвомъ разверснутый Еревъ,
Въ нашу отчизну, на прагъ колыбели,
На гробы отцевъ.

Движутся гробы; мянутся въ нихъ прахи;
Въ облакѣ черномъ дымится земля.
Тѣни кровавы и блѣдные страхи
Одѣли поля.

Хижинъ убогихъ и мраморныхъ храминъ
Сыплются стѣны, и тонутъ въ крови.
Царствуетъ злоба; на грудъ развалинъ
Нѣтъ мѣста любви.

Мѣста нѣтъ въ мірѣ любви и покою
Въ грозномъ паденьи перуновъ и жертвъ;
Смотримъ на небо съ надеждой святою:
Гласъ Промысла мерщвъ!

Тщешно сынъ мудрый безпрепешнымъ окомъ
Съ берега на волны сей жизни взиралъ;
Зрите! и мудрыхъ сражаемыхъ рокомъ
Несетъ потъ же валъ!

Съ пристани гонитъ драконъ кровожадный
Насъ пѣснопѣвцевъ, и съ мудрыми вдругъ
Все на полетъ разитъ безошадный —
До царства наукъ.

Долго ли Музамъ на Пиндѣ не являться?
Долголь въ дубравахъ молчать соловьямъ?
Росскимъ пѣшамъ безъ солнца скипашься
По дикимъ мѣстамъ?

Скоро, о други! сей гидры стоглавой
Зѣвъ сокрушатся предъ строемъ гражданъ!
Богъ увѣнчаетъ иль смертью, иль славой
Пошомковъ Славянъ!

Владиміръ Измайловъ.

Карточнѣй домикъ.

Б а с н ь (*).

Былъ мужъ съ женой у насъ, какіе въ свѣ-
тѣ рѣдки:
Подъ сельской кровлею, гдѣ испари ихъ предки
Смиренно проводили вѣкъ;
Два сына и они дни сладкіе вкушали.
Супруги то въ саду, то въ полѣ работали;
То въ домѣ странникамъ гошовили ночлегъ;

(*) Изъ Флоріана.

А лѣтомъ вечеряшь садясь подѣ кустами,
Зимой передѣ огнемъ,
Учили сыновей, какѣ и умѣли сами,
Довольствовашься вѣ жизни всѣмъ,
Чѣмъ Богѣ благословилѣ. Любите добродѣтели
И помните законѣ — они пвердили имѣ:
Есть нашихѣ тайныхѣ дѣлѣ невидимый Сви-
дѣтель;
Блаженѣ, кто вѣ сердцѣ чистѣ предѣ Нимѣ!
И рѣчь развеселялѣ отецѣ забавной сказкой,
А мать улыбкой, или лаской.
Сынѣ старшій былѣ угрюмѣ, имѣлѣ суровый
нравѣ,
Любилѣ задачи и науки;
А младшій, выдумщикѣ на рѣзвостии и шпуки,
Безѣ смѣху ни на часѣ, ни шагу безѣ забавѣ.
Однажды подѣ вечерѣ, какѣ всѣ сѣ домашнимѣ
дѣломѣ
Разсѣлися своей семьей вокругѣ стола,
Тотѣ Шлецера (*) читалѣ; а сей вѣ умѣ ве-
селомѣ
Не то задумавши и не входя вѣ дѣла
Аѣинѣ, илѣ мудрой Спарши,
Сѣ приятнымѣ для себя трудомѣ
На своды каршѣ вносилѣ другія сводомѣ каршы,
И выводилѣ воздушный домѣ.
Вдругѣ важный нашѣ читатель
Сѣ задачей: Батюшка! позволите васѣ спросить,
Кто странѣ, земель завоеватель?
Кто основатель царствѣ? и какѣ ихѣ разли-
чить?
Отецѣ по мѣрѣ лѣшѣ его отвѣщѣ готовилѣ;

(*) Извѣстный сочинитель, который вмѣстѣ
со Шрекомѣ написалѣ Всемирную Историю
для дѣшей на Нѣмецкомѣ языкѣ. В. И.

Но скоро сынъ другой,
Отъ радости большой,
Что наконецъ свой домъ достроилъ,
Вскричалъ: готовъ всебѣмъ! Съ досады братѣ
махнулъ

Рукою, и въ одно мгновенье
Все разорилъ спренье.
Тотъ въ слезы, а отецъ ученому шепнулъ:
„Смотри! твой братецъ основатель,
А ты завоеватель.“

Влад. Измайловъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О поляхъ растѣній.

Omnia vincit amor.

Одно слово *полю* означаетъ, что растѣнія имѣютъ для произражденія себѣ подобныхъ орудія, похожія на органы животныхъ.

Тотъ способъ, которымъ совершается плодотвореніе растѣній чрезъ орудія половъ, есть одно изъ прекраснѣйшихъ дѣйствій природы, которое не было намъ со-

вершено извѣстно до Линнея, сего великаго законодавца въ Натуральной Исторіи, сего чудеснаго ума, проникшаго въ тайны природы науки и природы. Не льзя сказать съ точностію, кто открылъ пользу растѣній: опытъ и наблюденія, сперва не важныя, довели до сего открытія, какъ многіе мѣлкіе ручейки образуютъ теченіе великихъ рѣкъ.

Хотя Теофрастъ въ Трактатѣ о растѣніяхъ называетъ онѣ деревья мужскими, а другія женскими; хотя онѣ говорилъ именно, что плодъ съ пальмы *осыпается*, если не опрыснешь на зародышъ его пыли съ цвѣтовъ другой пальмы; однакожь сей писатель мѣшается въ опанчій полъ, и часто называетъ мужскими и женскими шѣ деревья, копорыя имѣютъ на себѣ цвѣты обоихъ половъ. Такъ говоритъ о томъ и Плиній, и Діоскоридъ, и Галленъ, безъ всякаго понаго основанія.

Гревъ въ своей Анапомѣи растѣній пишетъ, что Миллингтонъ, Профессоръ ботаники въ Оксфордѣ, говорилъ, рассуждая о плодотвореніи растѣній, что по его мнѣнію сыплется пыль изъ шляпныхъ головокъ на зародыши и пестики, оживляющая плодъ чрезъ прикосновеніе тонкаго нару. Рай принялъ его мнѣніе. Камерарій

доказывалъ; что произрожденіе растѣній совершается почти такимъ же образомъ какъ произрожденіе животныхъ. Не смотря на то, самъ Турнефоршъ почиталъ глыздики и песники за органы испразднительныя, которыхъ дѣйствіе ограничивается ошдѣленіемъ соковъ и освобожденіемъ растѣнія отъ нечистоты, наподобіе того какъ почки животныхъ ошдѣляютъ урину отъ массы крови; но мнѣніе Французскаго ботаника не убѣдило ученаго свѣта. Жсфруа удостоверился, что есть помы въ растѣніяхъ; а Вальанъ подкрѣпилъ многими доказательствами истину сего мнѣнія, и съ тѣмъ жаромъ и восторгомъ, съ копорымъ можно только говорить о предметахъ любопытныхъ для ума человеческого. Есть письмо отъ Доктора Бурварда къ Лейбницу, гдѣ авторъ не только говоритъ о полахъ растѣній, но сообщаетъ и методу для опредѣленія растѣній по различнымъ характерамъ обоимъ орудій. Къ сожалѣнію смерть покинула Бурварда въ прекраснѣйшіе дни жизни, и предназначеніе его осталось безъ исполненія. Линней ожидала слава быть шворцемъ сего плана, доведеннаго имъ до возможнаго совершенства: Въ 1759мъ году не было еще общаго рѣшительнаго мнѣнія о семъ предметѣ, когда ученый Линней написалъ отъимъ на задачу нашей Петербургской Академіи обь

изслѣдованіи плодотворенія растѣній и объ аналогіи ихъ съ живошными. Онъ имѣлъ славу рѣшивъ великую задачу, а наша Академія имѣла достоинство податься случаю въ сему важному рѣшенію. Съ того времени удосповѣрились всѣ ботаники, что растѣнія имѣютъ помы. Только Спаланцани, Понпедера и Алспонъ оспоривали Линнея, но безъ успѣха: ибо возраженія ихъ, какъ замѣчаетъ Шмицъ, обратились въ пользу Линнеева мнѣнія. И такъ Шведскій Ботаникъ доказалъ первый неспоримымъ образомъ помы растѣній, ушвердивъ истину на опытахъ вѣрныхъ и ясныхъ. Мудрено ли послѣ того, что ему приписывается слава сего открытія, какъ Тервею открытіе кровообращенія, хотя оно было до него извѣстно, а только никѣмъ не доказано?

Всякой цвѣтокъ имѣетъ шляпки или успья. У иныхъ цвѣткѣ нѣтъ чашечки, какъ у тюльпана, у лилеи; у другихъ нѣтъ коронки, какъ у соломисныхъ травъ; нѣкоторые неимѣютъ гвоздочковъ, какъ нарказонъ; или мапочника, какъ нарнассія (перелойная трава): но всѣ цвѣты, безъ исключенія, имѣютъ или шляпки, или успья, или пѣ и другія въ одно время. А шляпки суть мужескія части растѣній, какъ успья находящіяся всегда на зародышахъ, суть части женскія.

Шляпки и пыль всегда показываются до начатія плода; и какъ плодъ совершенно зрѣлъ въ то время, когда онъ принесъ сѣмяна, такъ и шляпки вызрѣли и опслужили свою должность, когда пыль ихъ вся высыпалась, и тогда онъ засыхаетъ или опадаетъ, какъ совсѣмъ бесполезныя. Сверхъ того шляпки показываются въ одно время съ усъями и не только тогда какъ шѣ и другія находятся на однихъ цвѣтахъ, но когда находятся и въ цвѣтахъ разныхъ. Такъ длинныя шляпки березы не пускаютъ пыли, пока усъя не развернулись въ низу, и посконъ не приноситъ сей плодотворной пыли до того времени какъ совсѣмъ приготовятся пестики коноплей для принятія оной.

Шляпки имѣютъ всегда такое положеніе, что плодотворная пыль не можетъ до усъевъ; но есть, что или гвѣздки окружаютъ пестикъ, какъ въ большей части цвѣтовъ; или если пестикъ обращенъ къ верху, то гвѣздки за нимъ слѣдуютъ, какъ въ двудержавныхъ (*didynamia*); или, наконецъ, если пестики наклоняются къ низу, то гвѣздки стоятъ подъ ними.

Если вы срѣжете шляпки съ распнѣя, ~~когда~~ имѣетъ одинъ только цвѣтокъ и

не допустите къ нему пыли съ цвѣтловъ того же роду, по росшипельной каспрапѣ принесешъ пустоцвѣтѣ, или по крайней мѣрѣ сѣмяна безплодныя. Всякой можешъ увѣрится въ семѣ опытѣ.

Форма плодотворной пыли доказываетъ ея назначеніе. Малпиги, Гревѣ и всѣ пѣ, которые разсматривали ее въ микроскопѣ, видѣли, что она имѣетъ всегда одинакую форму въ одинакомѣ растѣніи, хотя и перемежняющуюся съ другими видами сего растѣнія.

Достошно удивленія Жюсьерова замѣчаніе о кленѣ. До него микрографы видѣли пыль сего дерева: она казалась имѣ крестообразною; но сей знаменитый испытатель природы нашелъ ее шариспою. Отъ чего же она представлялась другимѣ въ видѣ креста? Отъ того что она дробится на четыре пыльные частички, которыя разлешаюпся по разнымѣ пунктамѣ, чтобы лучше приспашъ къ влажности успѣя. Върояшно, что пыльные шарики имѣютъ впадины, и что вдругѣ лопаешъ отъ дѣйствія влажности въ нихъ проникающей, онѣ мечутъ другую тончайшую пыль, которая естъ истинное начало плодотворенія.

Въ песникѣ или въ женскомѣ орудіи растѣнія видны при часпи: зародышѣ,

мѣшочникѣ и усшье. Зародышѣ обращается въ яичникѣ. Многія распѣнія не имѣють мѣшочниковѣ; но плодѣ не можетѣ вырѣшѣ, если нѣшѣ при немѣ усшьа.

Усшье въ соспяніи зрѣлости намочено жидкостію влейкою, весьма чувствительною въ амариллисѣ (*amaryllis formosissima L.*), гдѣ она имѣетѣ видѣ шарика висячаго, или капельки, готовой, кажешся, скашишься въ низѣ отѣ шяжести; но сію капельку вбираетѣ въ себя мѣшочникѣ какѣ скоро плодотворная пыль къ ней прилипнетѣ. Капелька, показываясь въ 10 часовѣ утра, скрываетѣсь въ 3 часа вечера: тогда пестикѣ вшянулѣ ее въ себя; на другой день она снова показывается. Если посыплеше на нее плодотворную пыль, то свѣтлая капля приметѣ мутный видѣ, и по распѣненіи мѣшочника найдете въ немѣ мѣленькія и шеменькія крупинки. И пакѣ влажная поверхность усшьа удерживаетѣ шарикѣ лепящіе со шляпокѣ; сіи шарикѣ, раскрываясь, выпускають другую тончайшую пыль, которая чрезѣ сосуды пестика пробираетѣсь до яичника и въ немѣ оживошоряетѣ зародыши; ибо сіи тѣла суть мершвыя вещества, которыхъ ожидаютѣ жизни отѣ дѣйствія пыли плодотворной.

Но какого вещества ша жидкость, которая предѣ самымѣ началомѣ плодотво-

ренія влажитьъ успья мапочника? Мальпиги, не зная еще употребленія сей жидкости, почиталъ ее дуреншинною. Гершнеръ говоритъ, что она сосипива въ вещества маслянаго и горючаго, какъ у животныхъ; что она смѣшивается скоро съ плодотворной пылью, вылепающею изъ шляпныхъ шариковъ; что она совсмѣ пропадаетъ, какъ скоро совершится плодотвореніе; что тогда успья засыхаютъ и не видно уже раздражительности на поверхности пѣлъ, въ которыхъ прежде оказывалось движеніе съ великою силою. Изъ этого заключаетъ Гершнеръ, что жидкость успья способствуетъ только дѣйствию плодотворенія; что жирная слизь лучше опшалакиваетъ постороннія пѣла, которыя могли бы враспѣе чезъ сѣважины успья во внутренность мапочника; что засохшїя успья не могутъ уже содѣйствовать къ плодотворенію; что, наконецъ, вѣрнѣйшїй знакъ возмужалости цвѣтовъ есть испеченіе сей жидкости изъ пѣла.

Взаимное отношеніе успьевъ и шляпокъ достойно удивленія. Кромѣ соотвѣтственнаго ихъ положенія, о которомъ говорено выше, пѣ и другїя показывающя въ одно время, и въ одно время опадающя въ большей части цвѣтовъ.

Если вы срѣжете усъе до принятія пыли, то плодъ вѣрно погибнетъ.

Песпики и гвоздочки вѣ большей части распѣнній бываютъ одинаковаго роспу: отъ того пыль свободнѣе доходитъ до усъевъ. Но когда гвоздики выше песпика, какъ вѣ одномъ гераніумѣ и вѣ нѣкоторыхъ другихъ распѣннійхъ, которыя имѣютъ цвѣты висящіе; то сіи цвѣты, передъ тѣмъ временемъ какъ разцвѣтають имъ, выпрямиваются, такъ что усъея бываютъ наровнѣ со шляпками; и какъ скоро пыль изъ шляпокъ вылетитъ, цвѣты снова наклоняются до созрѣнія плода.

У гвоздики (*dianthus*) песпикъ длиннѣе гвоздочковъ; цвѣтокъ его имѣетъ всегда одинакое положеніе; но за то песпики нагибаются къ шляпкамъ.

Обыкновенно гвоздочки такъ расплавлены вокругъ песпика, что пыль, разносимая вѣтромъ, не можетъ миновать его.

Во всѣхъ распѣннійхъ, гдѣ полы разделены по разнымъ цвѣтамъ или по особеннымъ распѣннійамъ, и гдѣ, наконецъ, мужскіе цвѣты находятся несовсѣмъ надъ цвѣтами женскими, тамъ цвѣты должны раскидываться прежде лисневъ, чтобы послѣдніе не мѣшали плодопороженію: такъ

почно и бываетъ въ орѣшникѣ, вешлѣ, осозорѣ, ивѣ, ясени и проч.

Большая часть цвѣтшвъ развертывается, когда солнце восходитъ на горизонтъ, и закрывается въ вечеру передъ сырѣмъ воздухомъ: безъ сихъ предосторожностей, вялыхъ природою, плодотворная пыль могла бы опъ сырости прилипнуть къ шляпкамъ; но достойно замѣчанія, что, какъ скоро пыль осыпала ушья, цвѣтшы не закрываются уже ни въ часы вечера, ни во время дождя.

Когда рожь въ цвѣтшу раскидываетъ шляпки свои, и случится ненастье; по земледѣльцы не ожидающъ ничего хорошаго: они правы, ибо слипнувшяся пыль негодится уже для дѣла плодотворенія. Напрошивъ пого плевистое или кожистое зерно въ ячменѣ сберегается опъ сырости.

Когда вишня и груши зацвѣтающъ, дождь вреденъ для нихъ по той же самой причинѣ, а особливо для вишни; ибо шляпки сего дерева выбрасываютъ пыль св одного разу, тогда какъ груша разсыпаетъ свою не вдругъ, а мало по малу, и если одна часть ея пропадетъ, то другая можешъ удачи.

Въ большей части распѣннѣй пестрики бывающѣ догѣе, и пыль не могла бы доходить до нихъ безѣ запрудненія, если бы цѣбны сихъ распѣннѣй не были наклонены; а не льзя приписывать сего наклоненія силѣ шягопѣннѣй: ибо плоды, которые въ десять разѣ тяжеле цѣбощѣ, распутѣ вершинально въ сихъ самыхъ распѣннѣяхъ.

Другѣе чувствительныя опыты, которые всякой проспой наблюдаешь видѣшь можешь, подкрѣпляютъ ту истину, что распѣннѣя подобно живощнымѣ имѣющѣ оба пола.

Во время цѣбшту видно, какѣ пыль летаетѣ и прилипаетѣ къ устьямѣ. Паденіе пыли со шляповѣ на устья чувствительно особливо въ фѣалкѣ (*viola tricolor L.*) для проспаго глазу. Едва сей цѣбшокѣ развернешя, и потчасѣ показывается устье въ образѣ пустаго шара, бѣлаго и лоснистаго. Какѣ скоро пять гвоздиковѣ вокругѣ его рассыплютѣ бѣлую пыль свою, устье все запыленное темнѣемѣ, кромѣ насосца, кошорый оспааетѣ чистѣ и свѣтелѣ.

Многѣя распѣннѣя имѣющѣ спѣбли, погруженные на днѣ рѣкѣ или ручейковѣ; но цѣбшы, передѣ шѣмѣ временемѣ какѣ имѣ распускающѣся, всплываютѣ на поверхность

воды : неюферъ (*niuphaea L.*), оспросочникъ (*ganunculus agastilis L.*), жалча (*potamogeton L.*), краса (*hydrocharis L.*) и проч. служатъ тому примѣромъ. У сихъ цвѣтшвъ есшь скрученныя ножки, которыя рощя сгибающся или сжимающся, смотря по убыли и прибыли воды, и такимъ образомъ онѣ удерживающся на поверхности рѣкъ во время цвѣту.

Въ ботаническомъ саду въ Берлинѣ одинъ финикъ женскій (*phoenix L.*) не приносилъ плода 80 лѣтѣ. Привезли изъ Лейпцига нѣсколько сучковъ съ мужскаго финика въ цвѣтѣ; они были въ дорогѣ около 10 дней. Осырсли пыль съ гвѣздишкшвъ мужскихъ надъ цвѣтами женскими, и Берлинскіе финики, которые не приносили плода столько лѣтѣ, произвели плодѣ ошѣ Лейпцигскихъ. Послѣ того они оставались 18 лѣтѣ безъ содѣйствія плодотворной пыли. По испеченіи сего времени ихъ оплодотворили снова и съ такимъ же успѣхомъ. Въ запискахъ Анадеміи Наукъ можно читашъ сѣи любопытныя опыты.

Линней пишешъ, что въ Упсальскомъ саду благовонникъ (*rhodiolē L.*) не приносилъ плода ошѣ 1702 году; въ 1750мъ посадили въ саду распѣніе того же имени съ мужскими цвѣтами, и съ первого со-

брали сѣмяна. Клушїя (*clutia* L.) во многихъ садахъ Голландскихъ росла безъ сѣмянѣ: но увидя въ Лейденѣ плоды сего растѣнїя, Линней утвердилъ, что есть вѣрно растѣнїе съ цвѣтами мужескими, и наконецъ опыскалъ его.

Линней имѣлъ у себя съ мыса Доброй Надежды гладо-цвѣтъ (*antholiza sinopia* L.) Запворенная комната, въ которой спяло растѣнїе, не позволяла ему имѣть столько воздуха, чтобъ вѣтеръ могъ донести пылъ до устьевъ; тогда Линней положилъ одну шляпку на устье, и скоро увидѣлъ, что мѣсто, соотвѣтствующее пому устью, до котораго касалась шляпка, оплодотворилось въ яичникѣ.

Клушїя красивая (*clutia pulchella* L.) есть растѣнїе двудомное (*dioecia*), изъ породы вѣкомлечниковъ (*). Линней поставилъ его мужеское растѣнїе рядомъ съ растѣнїемъ женскимъ. Цвѣты сего послѣдняго распустившись въ одно время съ цвѣтами перваго начали оплодотворяться. Онъ опилъ растѣнїе мужеское, и распустившееся послѣ того цвѣты женскїя не имѣли плода. Линней не удовольствовался симъ опытомъ. У клушїи есть тройное устье,

---

(*) *Euphorbia*.

изъ которыхъ каждое отвѣчаетъ своему мѣсту въ яичникѣ примѣспномъ. Взявъ шляпку съ гвѣздинокъ, Линней оспорожно ссыпалъ пылъ только на одно усъе, отъ другихъ отдѣленное; и когда началъ разсматривать, что произошло отъ того, онъ увидѣлъ, что мѣсто, отвѣчающее тому усъю, надъ которымъ опрясъ шляпку, одно было съ н. одомъ. Онъ повторилъ нѣсколько разъ опытъ же опытъ и слѣдствія были всегда тѣ же.

Во время плодотворенія видны въ цвѣтахъ дѣйствія, достойныя любопытства и похожія на ласки самцевъ съ самками.

На примѣрѣ: въ парнассїи (*parnassia* L.) няшь коропкихъ гвѣздинокъ распягиваются, по очереди каждый прикасаешся къ усъю и уклоняешся въ сторону. Всякій можетъ видѣть ихъ движенія въ семъ любопытномъ и прекрасномъ цвѣткѣ. У насъ парнассїя (*) цвѣшетъ осенью въ великомъ множествѣ на мѣстахъ морскихъ. Нѣкоторые писатели увѣряютъ (чего не примѣчалъ я самъ), что усъя парнассїи въ по время какъ прогаютъ его гвѣздики, кор-

---

(*) Русское и простое ея имя: перелойная права.

чашся и стягиваются, какъ будто въ упоеніи любовнаго сладоспращія (*).

Знаменишый Жюссе (Bernard Jussieu) видѣлъ самъ, какъ пыль въ клемаѣ (acer L.) съ прескомъ мечется на усшье.

Желтый амариллисъ (amarullis L.) имѣетъ 6 глѣздинокъ, которые во время плодотворнаго дѣйствія безпрестанно движутся вокругъ песника; движенія ихъ очень примѣшны для глаза.

Въ поѣумѣ (teusium L.) корона слегка позволяетъ глѣздики въ усшью, какъ будто бы побуждая ихъ къ дѣйствію плодотворенія.

Глѣздики барбариса (barbaris L.) сжимаются; какъ пальцы на рукѣ, для дѣйствія плодотворенія. Если проведете ихъ булавкою, то раздраженіе произведетъ въ нихъ чувствительное движеніе. То же бываетъ въ колосницѣ (fischus L.) и въ цистѣ (cistus L.).

Въ мапѣ поутру шляпки лопаются съ прескомъ и пускаютъ пыль на усшье. Можете ускорить се дѣйствіе, если уно-

---

(**) См. Voyage dans l'Empire de Flore, ouvrage ou l'on trouve l'analyse des leçons du sçavant auteur de la Flore Atlantique

лѣше шляпки иголкою ; какъ замѣчаетъ Вальевъ.

Въ колокольчикахъ (*campanula* L.), гдѣ гдѣздики короче песника, усъя сами наклоняюща къ шляпкамъ и остаются въ семъ положеніи до того времени какъ совершился дѣйствіе плодотворенія. Также въ навалерской звѣздѣ (*passi flora* L.) и въ черноцвѣтѣ (*nigella* L.) усъя наклоняюща къ шляпкамъ и потомъ, по окончаніи дѣйствія, выпрямливаются.

Есть способъ чрезъ искусственное плодотвореніе имѣти новые сорты или опыльны цвѣтшвы и плоды ; но для надежнаго усѣха надобно дѣйствовать не на открытомъ воздухѣ, а въ теплицѣ. Такой приятный опытъ удается съ тюльпанами. Выберете; на примѣръ, тюльпанъ красный, срѣжьте шляпки до разсѣянія пыли, и опрысайте надъ нея усъями пыль съ бѣлыхъ тюльпановъ ; когда вызрѣютъ сѣмяна вашего смѣшаннаго тюльпана, посѣйте ихъ въ особенномъ ящикѣ ; у васъ взойдутъ тюльпаны трехъ сортовъ: красные, бѣлые и песпрые, но есть полукрасные и полубѣлые, какъ случается съ животными опытами разныхъ породъ.

Между животными и растѣніями, въ отношеніи въ поламъ, есть и другія важнѣйшія аналогіи.

Вопервыхъ: живошныя всего болѣе красуются передъ наступленіемъ шѣхъ дней, въ которые дѣйствуетъ влеченіе поларъ. Конь, олень и другіе чешвероногіе, подыавъ голову, величае бѣгають по нивамъ; пшицы и самыя рыбы одѣваются тогда блестящими перьями: но время пройдетъ и все перемѣняется — живошныя немвуютъ уже прежней красоты. Такъ и растѣнія: весною, которая зоветъ ихъ какъ и живошныхъ, къ любви и можетъ быть къ веселью, естъ по самое время, въ которое онѣ украшаютъ землю красивѣйшими цвѣтами.

Вовпорыхъ: созкупленіе расслабляетъ живошныхъ; сіе расслабленіе примѣшно особливо въ бабочкахъ и мопылькахъ: еда они совершатъ дѣйствіе природы, крылья ихъ опускаются, и скоро онѣ издыхаютъ. Но заприте мопылька въ комнату; онъ будетъ жить въ ней нѣсколько мѣсяцовъ. Растѣнія и въ томъ подобны живошнымъ, такъ на примѣръ растѣніе банаръ (*musa L.*) живеть цѣлое столѣтіе въ садахъ Голландіи; но если оно зацвѣтеть, то на другой годъ вѣрно засохнетъ, и ничто не можетъ сохранить его жизни.

И шаръ цвѣтъ для растѣнія естъ брачное ложе, гдѣ заключающія части по-

ловъ и совершающа дѣйствія плодотворенія. Гвоздочки, какъ сѣмянныя сосуды, доносящъ въ шляпкамъ произраждашелейный сокъ, извлеченный изъ расщѣнїя. Шляпки подобны рыбьимъ молокамъ; пыль можетъ бытъ сравнена съ червячками, или шѣлами, плавающими въ сѣмянной жидкости живоныхъ. Успѣе естъ опверспїе мапки, песпикъ ея рукавъ, зародышъ яичникъ, а сѣмя яйцо. Сѣмянникъ естъ шопъ же яичникъ, но оживленный плодотворною силою.

Владиміръ Измайловъ.

III. К Р И Т И К А.

---

*Похвальное Слово Императору
Петру Великому, Отцу Отечества,
мудрому Преобразителю Россіи (*).*

Хвала, приносимая добродѣтели и душевнымъ дарованїямъ, естъ справедливая дань удивленія и благодарности. Живо-

---

(*) Сочиненное Гатчинскимъ первой гильдіи купцомъ Григорьемъ Зубчаниновымъ 1811 года. С. Петербургъ. Въ шип. И. Байкова 1812 г.
№ 18. 3

пворное надѣянiе заслужишь память въ
вѣвахъ грядущихъ подкрѣпляетъ великихъ
мужей на многопрудномъ ихъ поприщѣ.
Законодатель, полководецъ, философъ, под-
вергая мысли и дѣла свои велицебренному
суду потомства, предвкушаютъ ту сладос-
тливую награду, которую слава готовитъ
за труды, подвѣяныя на пользу человѣче-
скаго рода. Они не спрашиваютъ зависти
современниковъ, мужественно преодолева-
ютъ всѣ препястсва, перпѣливо сносятъ
гоненiя, и презираютъ угрозы самой смер-
ти. Сiе непреборимое стремленiе ко сла-
вѣ, сiе благодѣтельное чаянiе безсмертiя
были во всѣ времена побудительными при-
чинами великихъ дѣянiй, за которыя бла-
годарное потомство воздвигаетъ памятни-
ки героямъ, освящаетъ имена ихъ въ над-
писяхъ, исчисляетъ подвиги ихъ въ сло-
вахъ похвальныхъ. Прискорбно видѣшь,
что иногда ложныя достоинства привле-
каютъ къ себѣ удивленiе легкомысленныхъ,
иногда лесъ ослабляетъ безумныхъ за-
воевательей мгновеннымъ блескомъ славы:
но рано или поздно истина побѣждаетъ
предразсудокъ, и похвальные слова силь-
нымъ злодѣямъ соплезаемыя по большей
части имѣютъ судьбу спашуй Римскихъ,

на 155 страницахъ, съ примѣчанiями, въ 8ю
долю листа.

копорья воздвигаемы были недоспойнымъ Императорамъ при ихъ жизни и разрушаемы послѣ ихъ смерти.

Начало похвальныхъ словъ сокрыто во мракъ глубокой древности. Первая хвалебная пѣснь излилась во славу Божества изъ благодарнаго сердца. Могъ ли человекъ, почувствовавъ бышіе свое и счастіе жизни, могъ ли не прославлять невидимаго Благодѣтеля, посылающаго ему щедрые дары свои? Небесныя свѣтила, необозримое море, дивная пестрота полей, священная пищина лѣсовъ, безчисленное множество разнообразныхъ жившнихъ, необходимо должны были удивленія и благодарности. Народы самые грубые и даже полудикіе въ нескладныхъ пѣсняхъ своихъ возсылающъ хвалы Богу: одни благодарятъ Его послѣ удачной ловипвы на берегахъ Ледовитаго Океана, другіе славословятъ имя Его по утоленіи жажды сономъ себжихъ плодовъ подъ палящимъ шропкомъ. Исторія сохранила намъ преданія о священныхъ гимнахъ народовъ древнихъ, ближайшихъ къ вѣкамъ первобытнымъ.

Послѣ того наступили времена похвалъ, воздаваемыхъ отъ людей людямъ. Изобрѣшатели полезныхъ орудій, виновни-

ки спасительныхъ учреждений, защитники слабыхъ отъ люпости звѣрей и отъ нападенія хищныхъ злодѣевъ прославляемы были по смерти ихъ соплеменниками. Сіе обыкновеніе господствовало у всѣхъ народовъ. Кипайцы, Финикіяне, Аравіяне прославляли подвиги великихъ мужей своихъ. Греки и Римляне въ первые вѣки бышя своего шоржеспвенными пѣснями преозносили имена благодѣтелей народныхъ. У племенъ Цѣльшическихъ Барды передавали попомснву дѣянія мужей, отличившихся храбростію. Войнспвенные обитатели Скандинавіи, грозные Варяги, распространившіе ужасъ до южнаго края Европы, одушевляемы были хвалебными пѣснями Скальдовъ.

Обратимъ ли вниманіе наше на прекраснѣйшій вѣвъ Греціи, когда процвѣтали въ ней изящныя искусства; увидимъ знаменитаго Перикла, прославляющаго подвиги храбрыхъ согражданъ, положившихъ жизньъ свой за отечество; краснорѣчиваго Димссеена, приносящаго досподолжную дань Аѳинянамъ, погибшимъ на сраженіи Херонейскомъ; божеспвеннаго Платона и медотпочиваго Ксенофонша, передающихъ попомснву память о добродѣтеляхъ мудраго своего наспагника. Въ златой вѣвъ словесности, олецъ Римскаго краснорѣчя, въ Сло-

въ за Маниліевъ законъ хвалишъ Помпея, въ другомъ Словъ же за Марцелла превозноситъ Цезаря, и въ одной изъ Филиппикъ прославляетъ воинствъ, умершихъ на брани противъ Антонія за свободу Рима. Первые Императоры вѣняли себѣ въ обязанность исчислять въ надгробномъ словѣ подвиги своего предшественника. Строгий и безпристрастный Тацитъ, бывши Консуломъ Римскимъ, почтилъ друга своего Виргинія надгробнымъ словомъ. Плиній младшій достойно почитается въ числѣ превосходнѣйшихъ панитирисовъ, хотя похвальное слово его мудрому и добродѣтельному Траяну произнесено было предъ лицомъ хваляемаго героя, и припомъ въ такое время когда подлое ласкашество сдѣлало и справедливыя похвалы весьма уже подозрительными. Чѣмъ ниже клонилась къ упадку здравая словесность, шѣмъ болѣе размножались сочиненія сего рода.

Послѣ мрачныхъ вѣковъ невѣжества воскресли науки въ Европѣ, явились ученые вишійи, образовавшіе себя по уцѣлѣвшимъ опъ разрушенія древнимъ свѣшкамъ, по наставленіямъ Цицерона и Квинтилиана. Даже обшашели странъ сѣверныхъ, куда прежде недостигало просвѣщеніе Греческое и Римское, возчувствовали сладость краснорѣчія, и доблестъ паки обрѣла мзду

свою въ словахъ надгробныхъ и похвальныхъ.

Петръ Великій, главный виновникъ и насадитель наукъ въ Россіи, прославленъ былъ краснорѣчивыми устами Теофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго, Ломоносова. Такихъ соперниковъ имѣешь г. Сочинитель разсмащиваемаго нами Похвального слова!

Правила о сочиненіи поржественныхъ рѣчей всякаго рода содержащія въ учебныхъ книгахъ, по которымъ преподающъ Риторикѣ въ школахъ. Не должно чуждаться оныхъ. Величайшіе умы и краснорѣчивѣйшіе вишніи, идучи симъ проложеннымъ путемъ, достигали возможнаго въ наше время совершенства въ искусствѣ убѣждать и восхищать читателей; они примѣромъ своимъ доказали, что нѣтъ и быть не можетъ другихъ правилъ краснорѣчія, кромѣ преданныхъ намъ древними и попомъ припорованныхъ къ нынѣшнему состоянію словесности. Что будетъ, когда мы по невѣднѣю, или по упрямству станемъ уклоняться отъ ихъ наставленій? Мы не достигнемъ желаемой цѣли; мы сами себя добровольно подвергнемъ трудностямъ, которыхъ преодолѣть не возможемъ; мы уподобимся такимъ людямъ, которые, имѣя передъ глазами дорогу ближайшую, прямую и глад-

кую, желаютъ идти по далекой, излучистой и непроходимой.

Есть два рода людей ненавидящихъ и презирающихъ школьныя наставленія — и говорю о тѣхъ, которые безъ классическаго ученія, безъ упражненія въ древнихъ языкахъ, безъ методическаго чтенія образцовыхъ писателей, продираются въ авторство. Одни не принимаютъ никакихъ правилъ; неимѣютъ довѣрія ни къ какимъ наставленіямъ; отвергаютъ всякія системы въ словесныхъ наукахъ; равно не перепястъ Аристотеля и Роллена, Цицерона и Блера, Горація и Боало, Діонисія и Аделунга, какъ зашѣйщиковъ иноплеменныхъ и чужезычныхъ: другіе, подъ руководствомъ какого нибудь бродяги начавшіе курсъ ученія своего съ Французскихъ вокабулъ и окончившіе Вольпервою Заирой, думаютъ, что въ Французскихъ стихотворцовъ и сказочниковъ нѣтъ ни ума ни краснорѣчія, точно какъ *въ церкви нѣтъ спасенія*. Послѣднихъ гораздо болѣе, и они гораздо вреднѣе для успѣховъ здоровой словесности; ибо на ихъ сторонѣ шушлывыя басеньки, любовныя пѣсенки, колкія эпиграммы, акросихи, экспромпы, надписи къ ошейникамъ собачекъ; на ихъ же сторонѣ и Французское болшанье, которое даетъ имъ право представлять изъ себя значущее

лицо въ такъ называемыхъ *societés choisies*, блисташь остроумїемъ въ пышныхъ черпгахъ какого-нибудь Мидаса, и бышь наглыми въ обращенїи съ женскимъ поломъ. Хопя не всѣ они пользующся симъ правомъ на самомъ дѣлѣ; довольно и того что многіе почипающъ его неопшемлемою принадлежностїю своей *учености*. И такъ они вреднѣ первыхъ, попому что болѣе на ихъ споронѣ блисташельныхъ соблазновъ. Но шѣ и другїе равно далеко опстояшъ отъ здоровой словесности. Съ перваго взгляда кажешся, что они антиподы во взаимномъ опношенїи между собою; напрошивъ того они близкіе сосѣди. Равно не любя классическаго ученїя и древнихъ законодательей вкуса, они имѣющъ несходныя мнѣнїя подобно раскольникамъ различныхъ шолковъ; но цѣль ихъ одна и та же — невѣжество. Ихъ можно уподобить двумъ человекамъ, копорые вмѣстѣ вышедши изъ дома, бредущъ разными дорогами къ одному болосу, и въ немъ понущъ.

Моженъ бышь я слишкомъ далеко уклонился отъ машерїи, начавши говорить о правилахъ риторическихъ. Возвратимся. Благодѣшельные мудрецы древности все нужное пригошвили для орапора; намъ опашешся шолько съ признашельностїю пользоваться непосшижимыми ихъ опкрышїями

въ наукѣ о вишійствѣ, оспашаеся въ знакѣ признапельности къ нимѣ (и уваженія къ самимѣ себѣ) писашь по ихѣ наспавленіямѣ, копорыя, благодаря Бога, можно шеперь найши и въ Русскихѣ учебныхѣ книгахѣ.

Вознамѣрившись написашь похвальное слово, сочинишель долженѣ *изобрѣти* мысли и доводы, *расположилъ* ихѣ и *выразить*. Я неспану упоминашь о *произношеніи*, о сей важнѣйшей части Греческаго и Римскаго вишійспва, попому чшо въ наше время сочиняюшѣ болѣе для чшпашелей и весьма рѣдко для слушащелей. Чшо естѣ изобрѣшеніе доводовѣ въ похвальномѣ словѣ? Не чшо иное какѣ выборѣ знаменишыхѣ дѣяній прославляемаго мужа. Вы хошите доказашъ мнѣ, чшо Великій Пешрѣ достоинѣ хвалѣ и удивленія; исчислите его подвиги. Но исчисляя подвиги его, неушомите моего вниманія, и дайте мнѣ способѣ удержашъ въ памяти ваше повѣспвованіе — вопѣ чего спребуешѣ *расположеніе*. Желая спромѣ зданіе, вы приготоновили камни и другіе маперіялы; но сего еще недовольно: надобно, говоритѣ Квинтиліанѣ, чшобы рука художника для каждой вещи назначила приличное мѣсто; шочно шакѣ и въ словѣ орашорскомѣ. Собранные маперіялы соспавляюшѣ наваленную груду, пока сочинишель не расположитѣ

оныхъ по порядку. Ежели въ рѣчи несохранено сего необходимаго порядка; то вниманіе читателя не можетъ слѣдовать отъ начала до конца за сочинителемъ, которой неизбежно подвергается весьма неприятнымъ погрѣшностямъ: онъ мѣшается въ мысляхъ, перескакиваетъ отъ предмета къ другому, и дѣлаетъ скучныя повторы. Читатель единственно требуетъ порядка, и онъ равно будетъ доволенъ, употреблено ли расположеніе *естественное*, или *искусственное*. Въ первомъ случаѣ предлагающія дѣянія героя въ порядкѣ историческомъ, то есть какъ онъ одно за другимъ слѣдовали: такимъ образомъ (*) расположили Плиній Похвальное слово Траяну и Тацитъ Жизнь Агриколы своего пестря, которую многіе крипики почищаютъ принадлежащею къ словамъ похвальнымъ; во второмъ случаѣ сочинитель раздѣляетъ на части свое главное предложеніе, и для каждой изъ нихъ выбираетъ приличные дѣянія изъ исторіи героя: такимъ образомъ (**) Теофанъ Прокоповичъ въ Словѣ на похвалу Петра Великаго исчисляетъ подвиги его сначала *просло какъ Царя*, потомъ *какъ Царя Христіанскаго*, и въ каждой изъ сихъ частей слѣдуютъ подраздѣленія, одно за

(*) Methodus analytica.

(**) Methodus synthetica.

другимъ по порядку; такимъ же образомъ Ломоносовъ, прославляя безсмертнаго Монарха, предлагаетъ сначала о важнѣйшихъ дѣлахъ его, потомъ о преодолѣнныхъ имъ прелятствахъ, наконецъ описываетъ его добродѣтели, а въ подраздѣленіяхъ изчисляетъ подробности, къ каждой части относящіяся. Замѣтить должно, что одно историческое повѣствованіе о дѣянїяхъ или о доблестяхъ героя было бы слишкомъ сухо; опытный вишїи разбрасываетъ; гдѣ можно, политическія и нравственныя сужденія, уподобленія, примѣры и свидѣтельства; иначе похвальное слово, неимѣющее орапорской пышности, не отличалось бы отъ испорціи. Касательно *выраженія*, остается замѣтить вообще, что похвальное слово требуетъ слога высокаго, пышнаго, иногда стремительнаго, быстраго, извѣляющаго сильное движеніе сердца вишїи. Нѣтъ сомнѣнїя, что здѣсь не все по сказано, что сказать надлежало бы о семъ родѣ сочиненій; по крайней мѣрѣ сіе вступленіе почтено было нужнымъ для слѣдующихъ замѣчаній.

Въ разсматриваемомъ здѣсь Похвальномъ словѣ, кажется, не со всюю строгостію наблюдаены правила о расположеніи. Г. Сочинитель старался изливать мысли свои на бумагу, очень мало заботясь объ

ихъ порядкѣ. Рѣчь его походитъ на большій анбаръ, въ которомъ разбросаны вещи гдѣ какъ случилось. Сначала, по видимому, хотѣлъ онъ предлагать дѣянїя въ порядкѣ историческомъ: но скоро оставляетъ свое намѣренїе, и принимаешь безъ разбору за то, за другое, и шагъ далѣе; послѣ опять возвращаешь къ тому, о чемъ уже говорено было. На примѣръ, непосредственно за похвалою мудрымъ узаконенїямъ Петра Великаго, слѣдуешь: „возвѣщая о немъ, не могу я изобразить удивленїя вселенной, узрѣвшей великаго Монарха въ странѣ, гдѣ не было просвѣщенїя, гдѣ народъ не чувствовалъ славы и чести, гдѣ народъ былъ поработенъ, гдѣ не было другаго имени кромѣ холопъ.“ (Въ немногихъ спрочкахъ сколько неприличностей и неправды! Занимаешь изображенїемъ удивленїя вселенной было бы не жсшати, когда дѣло идетъ объ исчисленїи подвиговъ героя. Ежели сочинитель подъ словомъ *просвѣщенїе* разуметь науки, то есть знанїя, приведенныя въ систему; то онъ правъ: если же думаетъ, будто въ Россїи не было гражданскаго общежитїя, не было людей мудрыхъ, опытныхъ, умѣвшихъ управлять и повиноваться; то онъ мало наблюдалъ ходъ усовершенствованїя обществъ человѣческихъ, ему плохо извѣстна Исторїя своего Отечества, и онъ въ

ешомъ ошибается, столько же какъ и въ томъ, будто народъ *не чувствовалъ славы и чести*. Это сущая неправда, хотя бы народъ принялъ здѣсь въ смыслъ даже черни, которая и теперь осмалась такою, какою была до Петра Великаго; вообще народъ весьма чувствуетъ славу свою и чести. Къ счастью знаменишаго Ошечества нашего, простой крестьянинъ имѣетъ въ себѣ столько народной гордости, что его весьма трудно было бы преобразить во Француза, или въ Нѣмца. *Народъ былъ поработенъ* — справедливо, но къ чему это? Спуская восемь страницъ, г. Сочинитель увѣряетъ, что Царь подарилъ народъ свой свободою. *Не было имени кромѣ холода* — сочинитель самъ знаетъ, что это гипербола; а у мѣста ли она посавлена, пусть разсудятъ другіе.) По правиламъ Риторики надлежало бы здѣсь помѣстить все то, что ни знаетъ Сочинитель о невѣжествѣ земляковъ нашихъ, современныхъ Петру Великому; однакожъ онъ заблаго разсудилъ въ другомъ мѣстѣ поговорить о семъ заманчивомъ предметѣ. „Предки наши (спр. 89) едва „знаемы были въ опдаленныхъ царствахъ;“ за то и жилиши опдаленныхъ царствъ не болѣе знали о нашихъ предкахъ; „они „не имѣли искусствъ и художествъ,“ слишкомъ рѣшительно! Ремесла и художества были, но только не въ цѣлущемъ состо-

яніи, „не имѣли пилы орудія въ домовод-
„спивѣ необходимаго.“ Мудрено, что не
имѣли вещи, безъ которой не лзя обой-
шись, а вмѣсто ее имѣли названіе, кото-
рое ни къ чему не служило. „Цѣль неизвѣ-
„сны были науки: кораблестроеніе, море-
„плаваніе,“ спранныя была бы причудли-
вости заводили мореходныя училища, по-
чти неимѣя морскихъ приспаней! „тор-
„говля, математика, механика, физика
„врачеваніе и зодчество.“ Какъ искусно раз-
спавлены науки! Предки наши не умѣли бы
епого сдѣлать. Предложимъ еще нѣсколько
примѣровъ любви къ полпореніямъ. При са-
момъ началѣ описывается состояніе Рос-
си до Петра Великаго — разумеется ша-
кимъ, какимъ представляеть себѣ оное г.
Соминшель: „Едва предки наши свергли иго
„Татарскаго порабоженія, едва только на-
„чали забывать тяжкую неволю, какъ
„паки напали времена смяшеній и безна-
„чалія; — времена ложныхъ Димитрѣевъ.
„Сосѣдніе народы плѣнили Москву — Пре-
„спольный градъ Отечества нашего, опу-
„спошали поля и веси, проливали кровь
„предковъ нашихъ, налагали на нихъ оковы,
„заклучали въ темницы Царей и Первосвя-
„щенниковъ, то правдѣ поборавшихъ“ и
проч. Пошомъ на спран. 127 опять: „Сы-
„ны Отечества! обратимся къ началу цар-
„ствованія его и обозримъ погдашнее со-

„стояніе Государства:“ почему бы не сказать просто и короче: дорогіе чипашели! прочтите опять начало сего мною сочиненнаго Похвальнаго слова! „внутреннія смятенія во время ложныхъ Димитріевъ, нашесловіе Сарматъ, Готфровъ и набѣги Ташаръ, „дикихъ горскихъ народовъ на южныя пре- „дѣлы“ и проч. Но развѣ надобно въ другой разъ одно и то же перечитывать, для того только что тамъ „гражданинъ въ „семъ бурномъ волненіи не имѣлъ ни сна „ни покоя . . . . земледѣлецъ не смѣлъ „сходить на пажиль. . . . Слезы были „его пищѣ, вздохи пища“ а здѣсь „ни „гражданинъ ни земледѣлецъ не смѣлъ без- „опасно проходить изъ веси въ весь изъ „града въ градъ?“

Достоинно примѣчанія, какъ г. Сочинитель умѣетъ расплодить мысль свою, или лучше сказать, одно и то же представитъ въ разныхъ видахъ, выразишь разными словами. Такое обиліе заслуживаетъ плески отъ всѣхъ учениковъ Риторики. Сморгните, какъ одна мысль о причинахъ заславившихъ Царя предпринять пушешествіе въ Архангельскъ вишій-спвенно распянуша и украшена. Спран. 15. „Такое неспроеніе показало ему, „что Государь, не знающій самъ своего „царства, градовъ и гражданъ, приспа- „ницъ и судоходства, пажисей и полей,

„и рукъ приготовляющихъ пропитаніе Го-
 „сударству, не содѣлаешь щасія народ-
 „наго.“ Готомъ на слѣдующей страницѣ
 то же самое сказано уже нѣсколько иначе :
 „Снѣ размышлялъ, что Государь, любящій
 „народъ свой, долженъ непремѣнно самъ
 „обозрѣвать страны скипшпру его подвла-
 „стные; пренебрегая же сію обязанность,
 „пренебрежешь онъ свою славу и величіе
 „Монархіи.“ Далѣе, черезъ пять или шесть
 страницъ, опять та же пѣсня : „Онъ раз-
 „мышлялъ, что въ путешесствіяхъ уви-
 „дишь народъ въ томъ самомъ видѣ, въ
 „какомъ онъ есть, не увеличеннымъ и не
 „уменьшеннымъ; тамъ увидишь житницы
 „наполненныя хлѣбомъ или опустѣлыя.
 „Онъ увидишь въ жилищахъ земледѣль-
 „цовъ“ и проч. Наконецъ, чтобы неподу-
 мали, будто уже весь запасъ изобрѣшенія
 истощился, прибавлено : „Онъ размыш-
 „лялъ, что въ путешесствіяхъ только удо-
 „бно познать можешь склонности народа
 „и присутствиемъ своимъ возбудишь спо-
 „собности и духъ ихъ, которыми только
 „и можно достигать великихъ дѣлъ.“ Увле-
 ченный краснорѣчіемъ чипашель неволь-
 но забываетъ, что Великій Петръ, не
 доолюсьвуясь плаваніемъ по Яузѣ и Мо-
 севѣ, по озерамъ Переяславскому и Кубин-
 скому, захотѣлъ видѣть необозримую по-
 верхность открытаго моря.

Вотъ еще примѣры повторенія: спраш.
 108. „Онъ нашелъ юношество, проводя-
 „щее время въ празности (ш. е. въ празд-
 „ности), посылаетъ для обученія въ оп-
 „даленныя страны, да познающъ тамъ все
 „опытомъ“ и проч. Спраш. 21. „Каждо
 „юношу отправляемаго для наукъ въ чуж-
 „дыя Государства, испытываетъ склон-
 „ность, спрашиваетъ чему онъ желаетъ
 „учиться“ и проч. Спраш. 129. „Юноше-
 „ство въ чуждыхъ странахъ обучаемое со-
 „держалъ государственнымъ изданиемъ.“
 О вкусахъ спорить не должно; однакожъ
 иной прихотливой чинашель проворчитъ
 себѣ пихонько: для чего бы не сказашъ
 ешаго въ одномъ мѣстѣ? Но г. Сочинитель
 можетъ оправдать себя другими примѣра-
 ми; ибо кто написалъ однажды: „Онъ со-
 „здавъ флоты (спраш. 129), *оружіе*, далъ
 „воинству содержаніе и одежду; устроилъ
 „судилища, приспанища, шлязы и каналы,
 „водоходы, фабрики; заводы, академіи;
 „училища, книгопечатаніе, больницы . . . .
 „учредилъ награды . . . рѣдкя и многія
 „книги внесъ и писанію предалъ . . . .
 „оружіе, машины, модѣли *искулилъ*“ по
 по какому праву запрешашъ ему, спустя
 десятокъ страницъ, снсва приняшъся за
 по же: „видашъ (Пешра) образующаго цар-
 „ство въ законахъ, судилищахъ, нравахъ,
 „обычаяхъ и одеждѣ . . . устроющаго до-

„мы призервнїя сирыхъ и престарѣлыхъ:
 „Липыиныхъ и оружейныхъ заводы; монет-
 „ные дворы, фабрики, Таможни“ и проч.
 или, еще спустя спраницъ десятокъ, за-
 таянушь на иной ладъ опять по же: ты
 „(попомснво) узришь (дѣянїя Петра)
 „въ: двонахъ, въ судилищахъ имъ основан-
 „ныхъ, въ войнахъ непобѣдимыхъ, во фло-
 „тахъ десницею его созданныхъ, въ красо-
 „тѣ градовъ“ и проч. и проч.? Г. Сочинителю
 нескучно говоришь о дѣлѣ; онъ госпожъ по-
 впорятъ правду; хоти бы шо былодесять
 разъ и болѣе: Спран. 5. „что можешъ бышь
 „прїяшнѣ, какъ знашь, что законы;
 „ограждающіе насъ, начертаны его ру-
 „кою?... что можешъ бышь прїяшнѣ, какъ
 „знашь, что десница его создала флоты;
 „и онъ управлялъ кормиломъ? что можешъ
 „бышь прїяшнѣ . . .?“ и проч. и проч.
 Спран. 7. „Грады ли (вопросимъ)? онъ соз-
 „далъ ихъ, обновилъ, украсилъ и укрѣ-
 „пилъ. . . . Вопросимъ ли сирыхъ и пре-
 „старѣлыхъ? Онъ призералъ ихъ . . . Во-
 „просимъ ли моря? Онъ преплывалъ ихъ.
 „Рѣки ли? Онъ соединилъ ихъ каналами:
 „Науки ли и художества? они имъ призваны
 „и водворены.“ Спран: 11. „Я зрю его возсѣ-
 „дающа въ Сенахъ . . . внемлюща сирымъ и
 „престарѣлымъ и помогающаго имъ. Я зрю
 „его работающа на крѣбляхъ. Я зрю его
 „созидающа грады,“ и проч. и проч. Все

еще, если только не ошибаемся, походивъ на маневры при полковомъ ученьи: солдапы маршируютъ рядами, взводами, дивизионами, полудивизионами, колоннами, смотря по командѣ начальника. Строи разные, а люди все одни и тѣ же.

Хотя связь въ мысляхъ и естественное послѣдованіе ихъ одна за другою уважаются нѣкоторыми писателями; однакожъ есть случаи, когда смѣлой выпяи можешь удивлять неожиданными переходами. Поспараемся объяснить ешо примѣромъ. Нашъ панигиристъ въ доказательство, что Герой его умѣлъ воздерживаться отъ гнѣва и чesпыдилса признаваться въ своихъ слабостяхъ, приводитъ стихи нѣкотораго Англичанина изъ надгробной надписи Петру Великому:

„Спыдись, искусство, зря Героя отъ тебя
ничего неизаимствовавшаго. —

„Ликуй, о природа! се твое есть чудо.“

Кспати о стихахъ. Г. Сочинитель, между прочимъ, взываетъ къ Россамъ, приглашаетъ ихъ съ собою идти къ гробницѣ Петра Великаго, преклонить колена и шѣла долу, прикоснуться гробницѣ, оросить ее слезами, и сказать дѣшамъ — надобно знать, что Россы приглашаются туда съ дѣшыми своими — сказать дѣшамъ:

„Сей камень, камень покрываетъ,
„И шовъ камень, кпо о немъ слезъ непро-
ливааетъ.“

Сорвемъ еще нѣсколько цѣвпковъ въ семъ верпоградѣ. Спран. 10. „Не видимъ ли, что *подлость* и *стихотворство* созидало и имъ (ш. е. мучищелямъ) храмы.“ Такъ; однакожъ мы угѣвшишья можемъ по крайней мѣрѣ шѣмъ, что *благородство души* и *проза* нерѣдко созидали храмы добрымъ государямъ.

Спран. 21. „Премудрый по предначершаннымъ великимъ намѣреніямъ *ламенгель* и предприемлешъ просѣвшишь народъ скипетру его подвластный.“ Выраженіе смѣлое, хотя нѣсколько и шрудно подвести его подъ правила грамматическаго словосочиненія. Тамже: „Онъ слагаетъ *порфиру* и *виссонъ*, возлагаетъ на подданнаго, оставляетъ шронъ шoliko само-властїемъ всѣмъ льспящїй“ и проч. Чишатели догадаются, что сей подданный былъ Бояринъ Князь Ромодановскїй, копорато Петръ Великїй шупя называлъ Княземъ Кесаремъ, отъ копорато принималъ чины и милости какъ будшо отъ настоящаго государя, и копорой, при шоржествѣ по случаю Ниспадшскаго мира, во время публичнаго маскарада шествовалъ въ порфирѣ, имѣя въ рукѣ скипетръ и на ге-

ловѣ корону: они удосповѣрены, что даже самыя шутки и забавы безсмертнаго Преобразителя имѣли благодѣтельныя слѣдствія для Россіи; но они усомнились, уменьшалась ли державная власць Петра, отъ того что подданный его при нѣкоторыхъ случаяхъ представлялъ собою лицо истиннаго Государя, или что надѣвалъ на себя порфиру. Чтобы сдѣлать бесѣду нашу нѣсколько живѣе, мы предложимъ г-ну Сочинителю небольшое возраженіе: за чѣмъ явился шутъ *виссонъ*, которой значить не болѣе какъ льняную шкандь самую тонкую, и какъ давно помѣщенъ онъ въ число регалій?

Спран. 39. „*Стамбуль*, которому „пы (Россія) *плашила дани*“ . . . Жаль что г. Сочинитель, впрочемъ не скупой на выписки и примѣчанія, не извѣстилъ намъ, когда Россія плашила дани Стамбулу. Тамъ же: „*Гунны владычествовавши надъ лобою нынѣ данники шрон.*“ Спр. 46. „Онъ (Петръ) *хощеть царствовать* такимъ *народомъ*, который „до нашествия *Гунновъ* дышалъ свободою „и вольноспію.“ Тутъ равнымъ образомъ надлежалобы намекнуть читателямъ, что хотя Гунны и Ташары были народы совершенно разноязычные и разноплеменные; однакожъ здѣсь, въ слогъ высокому, они безъ разбору полагаются одинъ вмѣсто другаго.

Стран. 57. „Философы *уметвуютъ*,
 „что наука царствсвать есть *наипруд-*
 „*нѣйшая наука*; но *имѣютъ* ли они *поня-*
 „*тїе о ней?*“ Разумѣется, что судя по *тону*
 г-на Сочинителя, должно отвѣчать въ
 одинъ голосъ: *нѣтъ*, не *имѣютъ*! Но не
 о томъ рѣчь. Стран. 58. „Монархъ Рос-
 „совѣ вамъ (т. е. владыкамъ) даетъ *такой*
 „урокъ, . . . котораго *никакой философъ*
 „не начерталъ, и не начертаетъ.“ Дѣло
 идетъ объ *удержанїи* себя *опѣ* гнѣва.
 „Въ наукахъ Пешрѣ *но Философъ* *но муд-*
 „*рый.*“ Изъ сихъ *трехъ* *примѣровъ* на-
 учаемся, что какъ философы, то есть
 любители мудрости, такъ и философы,
 сирѣчь любители совѣ, по большей части
колобродятъ, когда принимаются не за
 свое дѣло. Для предохраненїя могущихъ
 произойти *какихъ-либо* недоразумѣній со
 стороны читателя, долѣ имѣемъ замѣ-
 шить, что вразсужденїи *ореографической*
 почности употреблено возможное *шпанїе*.
 По неосторожности наборщика или по дру-
 гой какой-либо сокрытой *опѣ* насъ *причи-*
нѣ, въ книгѣ оказались *маловажныя* по-
 грѣшности, какъ-то: *преобрѣсти*, не *пре-*
обрѣшетъ, и въ *позднѣйшее*, *дражайшее*,
 въ *настоящее*; всѣ сїи ошибки *поправле-*
 ны при концѣ *Похвальныйнаго* слова, гдѣ *велѣ-*
 но *чинать*: *прїобрести*, *прїобрѣшетъ*, и въ
позднѣйшее, *дражайшее*, въ *настоящее*.

Для чего бы кажешься . . . Но зовущъ
объяснить. Т.

IV. С М Ъ С Ъ.

Замѣчанія Англичанина о Русскихъ.

Въ 1810 году издана въ Лондонѣ Англійскимъ офицеромъ Сербъ-Робертсомъ Вильсономъ книга подъ слѣдующимъ, по Русскому переводу, названіемъ: *Краткія замѣчанія о свойствахъ и составѣ Россійскаго войска, и описаніе войны, бывшей съ Польшою въ 1806-мъ и 1807-мъ годахъ*, на 276 страницъ, съ картами и планами. Благородномыслящій Англичанинъ, не смотря что дружественныя сношенія между Россійскимъ и Англійскимъ правительствами прекращены уже были, обнаруживаетъ ложь и клеветы нѣкопрыхъ злонамѣренныхъ писателей. Онъ смѣло говоритъ, что неблагоприятно отчуждаешь себя дружбу великаго народа, а особливо когда войска его приобрѣли столько правъ на благодарность къ нимъ и удивленіе, безкорыстно проливая кровь свою для защиты общаго дѣла и выгодъ. Впрочемъ

выхваляя добрыя качества Русскихъ, онѣ неоспаивилъ безъ замѣчанія и нѣкопорыхъ недоспашковъ. Изъ сей превосходной книги извлечена выписка (*) на Россійскомъ языкѣ и напечатана съ шѣмъ намѣреніемъ, чпобы возбудишь охоту въ людяхъ, имѣющихъ способность и досугъ переложить на Русской языкѣ все швореніе. Здѣсь помѣщающся нѣкопорыя замѣчанія изъ выписки.

„Самыя дѣла Правительштва ясно доказываютъ, какъ оно далеко отъ того, чпобѣ налагать новыя цѣпи рабства; но чпю, напротивъ, оно всѣми мѣрами спарается распространить благоразумную свободу. Съ чувствами и съ правилами, совсѣмъ прошивными *продавцу невольниковъ*, я утверждаю, чпю самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію, было бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права; никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ сѣдствій и столь великаго негодованія. Чпю бы сдѣлалось съ больными, хворыми и преснарьлыми, еслибѣ они вдругъ лишились прокормленія (которое имъ нынѣ обязаны давать помѣщики, прибавляешь переводившій)? Чпю бы сдѣлалось даже съ здоровымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла? *Защитники революцій* не ушрашающся всѣхъ

(*) *Выписка изъ книги: Краткія замѣчанія о свойствахъ и проч. С. Петербургъ. Въ шип. Императорскаго Театра, 1812. 27 страницъ въ 8 ю долю.*

сихъ затрудненій; но человекъ государствен-
ный, добрый гражданинъ, разсмащривая оныя,
уважилъ послѣдствія, прежде нежели при-
метъ всѣ сіи умщвованія. Отъ многихъ знаш-
ныхъ особъ въ Россіи можно удостовѣриться,
сколькo людей опущенныхъ на волю и при-
шедшихъ въ старость просятъ убѣжища у
своихъ прежнихъ помѣщиковъ. . . .“

„Храбрость Русскихъ въ полѣ безпримѣрна.
Но движенія ихъ войска, не соопвѣщсвую-
щія Русскимъ правиламъ войны и шактикъ
Суворова, даютъ предприимчивому и даже
слабѣйшему неприятелю всѣ выгоды, происхо-
дщящія отъ распройсва свойственнаго имъ
военнаго порядка; самое шрудное дѣло для
человѣческаго ума (въ 1807 году) сосшояло въ
томъ, чшобъ управлять Русскими во время
отщшупленія.

„Когда Генераль Беннигсенъ, стараясь
избѣгнуть нападенія неприятеля, решировался
отъ Янкова во время темныхъ ночей Поль-
ской зимы; то не смотря на превосходство
Французскихъ силъ, просширавшихся до 90
тысячъ человекъ, негодование Русскихъ солдатъ
было столь дерзко, требованіе сраженія столь
сильно и неотщупно и начавшійся отъ шого
безпорядокъ сдѣлался столь великъ, что Ге-
нераль Беннигсенъ принужденъ былъ обѣщать
исполнить ихъ требованіе. . .

„Русскій, приученный съ самыхъ моло-
дыхъ лѣтъ считатьъ Русскихъ за народъ пер-
вый въ свѣтѣ, почитаетъ самаго себя чле-
номъ необходимо нужнымъ въ составѣ непре-
оборимаго Государства. Суворовъ зналъ сей

образъ мыслей, и пользуясь оными, достигалъ съ самыми малыми способами блистательнѣйшихъ успѣховъ: и хотя онъ менѣ дорожилъ челоуѣческой кровью, чѣмъ его предшественники, но солдатами былъ любимъ какъ отецъ; и народная гордость, равно и личное къ нему удивленіе споль много его возвеличили, что Суворовъ понынѣ признается божествомъ, присуществующимъ при ихъ сраженіяхъ (*). Известный составъ его арміи, мало-значущее число солдатъ ея, внутреннія препяшства всегда ему вспрѣчавшіяся, въ самомъ дѣлѣ возвышая достиженію подвиговъ его, дающъ ему все право на имя первѣйшаго военачальника, какой когда либо существовалъ въ свѣтѣ. „,

„Высоко цѣнишь свою землю свойственно Русскому офицеру, какъ и солдату. Онъ досадуешь, если на счещъ оной дѣлается какое либо замѣчаніе, или рассказываетя происшествіе, которое по его мнѣнію уменьшаетъ достоинство его Отечества.

„Нѣкогда Англійскій офицеръ, удивляясь выраженію Русскаго Генерала, воскликнулъ въ восторгѣ, что чувство его есть Римское. А что такое Римское чувство, спросилъ Генералъ? Но велику онъ былъ человекъ весьма хорошо воспитанный, но Англичанинъ не

(*) „Пусть всякой помнишь Суворова: онъ „научалъ сносить голодъ и холодъ, когда „дѣло шло о побѣдѣ и о славѣ Русскаго на- „рода“ — такъ взывалъ къ побѣдоноснымъ арміямъ Свѣтлѣйшій Князь, истребитель Наполеоновыхъ полчищъ. Приказъ 29 Ок. 1814.

могъ предполагать, чтобъ онъ не понималъ силы сего выраженія; однакожъ съ замѣшательствомъ началъ было толковать оное. Нѣтъ; любезный другъ! прервалъ Генералъ его толкованіе: я знаю силу своего удовольствія; но для чего намъ въ примѣръ приводить Римъ и недовольствоваться Россією, сказавъ преспохвально это Русское чувство. Въ любви къ Отечеству мы не уступаемъ ни древнимъ, ни новѣйшимъ народамъ, и лучше пойдемъ себя, если ты скажешь, что сіе чувство достойно Русскаго народа, ибо такое чувствованіе намъ природно и съ нами неразлучно; оно не подражаніе. — Многимъ бы людямъ рѣчь сія была неприлична; но въ устахъ Графа Остермана она была истиннымъ изображеніемъ его характера и поведенія. . . .

„Высшіе воинскіе чиновники щедры, благосклонны, ласковы, честны въ ихъ поведеніи и весьма опирочены; хорошо и скоро говорятъ многими языками, а особливо пофранцузски; но они не довольны тѣмъ, что сей послѣдній языкъ часто употребляютъ въ походѣ и даже при Дворѣ. Когда одинъ Англичанинъ смѣялся надъ нѣкоторыми ошибками своего повара, говорившаго пофранцузски: то Графъ Остерманъ защищалъ его въ большомъ обществѣ, которое было одного съ нимъ мнѣнія, замѣчая, что для каждаго народа похвальнѣе знать иностранной языкъ только до того чтобы умѣть объясниться на немъ, или говорить имъ обыкновенныя учтивости; но гораздо предсудительнѣе говорить имъ чисто единственно для того, чтобы смѣяться надъ незнающими всѣхъ отличныхъ свойствъ чужаго языка; и что ему, какъ Россіянину,

спыдно и досадно видѣть, что теперь Французской языкъ столько уважается, что его скоро предпочтутъ будущъ даже и природному языку.“

„Воинскія достоинства козаковъ также отличительны какъ и всего Русскаго народа; но наследственный навыкъ къ войнѣ, а можетъ быть и врожденное дарованіе къ оной, умножаетъ и изощряетъ ихъ понятія и способности. По теченію звѣздъ, по направленію вѣтровъ, посредствомъ соображенія самыхъ остроумныхъ наблюденій, козакъ проходилъ чрезъ незнакомыя ему земли и чрезъ непроходимыя лѣса достигалъ своего назначенія, преслѣдуя неприятеля съ такою же точностію и упорствомъ, какъ гоучій песъ преслѣдуетъ зайца. Ничто не можетъ избѣжать его дѣятельности, сокрыться отъ его проницанія и обмануть его бдительность. Неумолимый гнѣвъ Начальства и вѣчное безчестіе навлекаетъ на себя козакъ, который небрежностію своею содѣйствовалъ успѣху неприятеля. — Вооруженный копьемъ, пистолетомъ и саблею, козакъ никогда не боится соперника въ единоборствѣ; а въ послѣднюю войну нападеніе козаковъ на всякую конницу даже въ числѣмъ полъ было непреодолимо. Страхъ предшествовалъ ихъ натиску. Напрасно военное искусство старается противупоставить направленнымъ ихъ копьямъ какую либо преграду.“

„Между простыми козаками часто встрѣчаются люди рыцарскаго духа и исполненные чувства чести: многіе изъ нихъ могли бы быть украшеніемъ даже рыцарскаго вѣка и

были бы достойны памяти въ потомствѣ по ихъ знаменитымъ подвигамъ въ ратности и мужества.

Когда одинъ Англійской офицеръ смотрѣлъ въ зрительную трубу на опускание Маршала Нея изъ Гушшана; но неприятель, завидя его киверъ и телескопъ, навелъ на него пушку; первое ядро попало въ грязь близъ ногъ лошади и только забрызгало ее и офицера; второй выстрѣлъ былъ столько же мѣткъ. Тутъ провожавшій сего офицера козакъ прискакалъ къ нему съ сердитымъ лицомъ, и указывая на его киверъ, просилъ его надѣсть вмѣсто кивера козачью шапку; но когда офицеръ на это не согласился, то козакъ хотѣлъ сорвать съ его головы киверъ и вмѣсто его насильно надѣсть свою шапку. Во время сего спора ружейные выстрѣлы неприятеля испугали лошадей, и они разбѣхались въ разныя стороны. Послѣ того, когда Ашаманъ съ притворнымъ гнѣвомъ выговаривалъ козаку за его неучивость; но козакъ на сей выговоръ отвѣчалъ: „Я видѣлъ, какъ „неприятель наводилъ пушку на Англійскаго „офицера, примѣшивъ его по киверу и перу; — „вы приказали мнѣ беречь его, — я зналъ, „что нашей браньи козаковъ у васъ много, „а чужихъ только одинъ человекъ; и такъ „я подумалъ отвести отъ него бѣду на свою „голову, дабы послѣ вамъ и всѣмъ козакамъ „нашимъ не шужить, что гость погибъ въ „нашей службѣ.“

V. ПОЛИТИКА.

Положеніе Европы.

Въ Декабрѣ 1812.

Свершилось! Наконецъ давно желанная развязка настала. Безпокойный смѣльчакъ; которой собравши въ рукѣ своей всю лихорадочную силу Французской революціи; употребилъ ее на опустошеніе нашей части свѣта; упоенный власполюбіемъ хвапился за предпріятія; даже и его испольскую мощь превыщающія; и — палъ подъ ихъ бременемъ. Въ то время какъ благородные Испанцы, подкрѣпленные благородными и велъкодушными усиліями Англии, по узелкамъ горъ гнали разбитыя войска его до предѣловъ Французскихъ; — бѣжали остатки ужасной арміи; съ которою Наполеонъ вступилъ въ Россію; раздробленные; разспрошенные; оставляя артиллерію; обозы; магазейны, — бѣжали черезъ мѣста, ими самими опустошенныя. Ежедневно насчитаемая праведнымъ опмщеніемъ народа храбраго, оскорбленнаго поруганіемъ священнѣйшихъ правъ его; на каждомъ переходѣ она теряла тысячи, пора-

жгѣмьи мечемъ побѣдителей; голодомъ; стужею; болѣзнями, и цѣлыя корпусы вдругъ бросали оружіе. Несчастные; жалоси достойные бѣглецы, опрометью стремились черезъ тѣ самые города, которые они прежде разорили какъ безчеловѣчные завоеватели; они уже оплакивали разрушительное свое бѣженство, неоставившее для нихъ же самихъ ни пищи, ни крова. Едва только двадцатая часъ страшной силы, грозившей поглотить неизбримую Россію, смятенная и слабая толпа, прусливо бѣжила за предѣлы Россіи, гонимая непреодолимымъ мечемъ и побѣдными пѣснями героевъ, вспрѣчаемая воплями Государствъ союзныхъ, которые бесполезно требуютъ своего юношества, сихъ послѣднихъ останковъ разрушеннаго ихъ благосостоянія, сей драгоценной надежды имѣть будущее попомощіе. Вопли горести и отчаянія двадцати народовъ несутся къ *одному только*, и вмѣстѣ съ проклятіями падаютъ *на одного только чловѣка*. — О какъ ненавистенъ, какъ малъ чловѣкъ сей, отдѣленный отъ всѣхъ прочихъ! Онъ торжественно общалъ содѣлать въявь свой счастливымъ; въ его власти было исполнить обѣщаніе свой: и чтожь? Онъ упопрѣбилъ всѣ свои усилія поразишь бѣдспвіями родъ чловѣчскій! Ничтожное, однодневное насѣкомое хотѣло у всей земли опныть

лѣшо, чшобы полько самому однимъ часомъ долѣе погрѣшься теплотою солнца. Оно падаетъ со сшебля — и Судьба величественно идетъ мимо пиранна, которой въ безуміи своемъ чайлѣ овладѣшь ею.

Новѣйшая исторія богата споль великими происшествіями, что одно подобное не рѣдко было доспапочно, дабы сдѣлать доспопамятнымъ цѣлый періодъ исторіи древней. Нынѣшнему происшествію нѣшь равнаго по важности. Трїумфы Россіи сокрушили силу революціи въ ужаснѣйшемъ ея порожденіи. Европа свободна, если полько правили ея будущіи имѣшь спольно благоразумія и рѣшишельности, чшобы понять мановеніе Судьбы и воспользовашься онымъ.

Дабы ясно уразумѣшь сію истину и справедливо судить о состояніи дѣлъ въ нашей части свѣла, надобно вспомнить какъ оно возникало. Не нужно проспираться даже до начала революціи. О причинахъ ея и о недостигнутой, какъ нынѣ кажется, цѣли, о ходѣ ея и неумышленныхъ слѣдствіяхъ было спель много разноспороннихъ изъясненій, что ни одинъ просвѣщенный и мыслящій человекъ не можешъ касашельно ея оставашься въ невѣдѣніи. Всѣ акшы готовы, по кошорымъ

попомство произнесетъ свое рѣшеніе. Мы обратимся только въ тоу времени, когда выскочилъ сей ядовитой грибокъ, копорой въ жару кровопролитія выросъ шакъ скоро. Взглядъ на его начало шѣмъ болѣе нуженъ, что сіе явленіе представляло много неожиданнаго, приводящаго въ изумленіе. Оно походило на шѣни или отражающіеся лучи свѣта, когда нельзя скоро замѣшить, отъ какого шѣла они происходятъ: легковѣрнымъ людямъ кажутся они чудесными. Надобно показать причину оныхъ.

Въ 1795 году народъ Парижской возсталъ противъ Национальнаго Конвента, разсердясь на слабость его и дурачѣства. Конвентъ велѣлъ придти своимъ войскамъ; но генералы, копорымъ онъ одному послѣ другаго поручалъ команду, были Французы: никто изъ нихъ не рѣшился заступить себя кровію своихъ согражданъ. На послѣдокъ вспомнилъ Баррасъ объ одномъ молодомъ Корсиканцѣ, отъ копораго не ожидалъ излишняго упрямства. Ему ввѣрилъ онъ начальство, — и чужестранецъ недумалъ ни минушы, какъ поступить должно въ семъ случаѣ. Первыя привѣщія, копорыми Бонапарть воспользовалъ Французовъ, были каршечные выспрѣблы. Улицы Парижскія покрылись шрупамы народа, и Конвентъ скоро одержалъ рѣшительную побѣду.

Конвентъ нашелъ удобной случай безъ наказанія сойти со сцены; новый Директоръ Баррасъ почелъ однакожъ за нужное такого полезнаго служителя поберечь для себя на будущее время. Онъ женилъ Бонапарша на богатой госпожѣ, коея стѣнчивость была ему извѣстна, и въ приданое за нею далъ начальство надъ арміею въ Италіи.

Такимъ образомъ началось блистательное печеніе Корсиканца, на дѣянїяхъ коего нѣкошорые безумные Французы основывающъ свою народную гордость, между шѣмъ какъ Бонапаршъ ниже на минушу не забывалъ, что онъ чужестранецъ, и пошому каждаго природнаго Француза, имѣющаго отличной умъ и дарованія, если только не находилъ въ немъ безопѣннаго исполнителя своихъ прихотей, утѣснялъ или лишалъ жизни, на примѣрѣ Ангїенскаго Принца, Моро, Пишегрю, Карнопа и Сїеса.

Войско находившееся въ Италіи было въ жалкомъ состоянїи. Ни одинъ полководецъ, кошорой свою славу или благоопечесства спрашишя подвергнушъ опасности, неосмѣлился бы рѣшишя на какоелибо предпрїяшїе съ сими полунагими бѣглецами. Напрошївъ того Бонапаршъ видѣлъ въ нихъ орудіе въ своему собственному счастью, вручаемое ему прихотливою судьбою. Какого бы оно свойства ни было, надлежало имъ

воспользоваться; ибо упустивши случай спрудно найши его снова.

И такъ бросилъ онъ въ предпріятія, копорыя, еслибъ неудались, по всей справедливости подвергли бы его гильошинѣ. Однакожъ онъ благоуспѣшно исполнялись, именно по причинѣ неожиданной ихъ дерзости, и привелъ въ воспоргъ легкомысленныя головы, копорыя судяшъ единственно по успѣхамъ.

Но посреди побѣдъ своихъ онъ примѣтилъ, что силы его ослабѣвають, и что покровители его, въ копорыхъ возбуждалъ онъ зависть, слабо ему помогали. Онъ рѣшился одурачить жителей той самой земли, копорую наводилъ кровію, и сдѣлать ихъ себѣ помощниками. Епо удалось: съ того часа цѣлая жизнь его была не что иное какъ смѣсь фиглярскихъ обмановъ и военныхъ походовъ, въ копорыхъ онъ почти всегда былъ счастливъ, потому что съ ужаснымъ жестокосердіемъ губилъ цѣлыя тысячи.

Первой обманушой имъ народъ были собственныя земляки его. Испаліянцы! что сдѣлалось со всѣми тѣми республиками, для соспавленія коихъ онъ дробилъ васъ на мѣлкія части? Куда дѣвались даже и тѣ республики, копорыми вы съ давнихъ вѣковъ гордились, и копорымъ удивлялось каждое новое поколѣніе? Пришедши въ со-

стояніе вымучивашь у васъ силою пѣ побѣ , копорыя прежде выманивалъ ласковыми словами , онъ землю вашу роздалъ своимъ ближнимъ , какъ голоса для споловаго ихъ содержанія , а себѣ предоставилъ право посылашь ихъ на военную свою барщину . Успыдитесь же беспыдной шушки , копорую онъ насмѣялся надъ вами ! Но неоспавайтесь довольными только однимъ спыдомъ симъ , ежели хошите , чтобы попощво не вѣчно взирало съ горькимъ смѣхомъ на топъ листовъ въ вашей исторіи , гдѣ упоминающа республики Чизальпинская , Чиспаданская , Паршенопейская и шаъ далѣ , между шѣмъ какъ на слѣдующемъ же листкѣ достопочтенное имя Рима , шройшвеннаго владыки свѣта , служилъ ребяческимъ украшеніемъ колыбели , — Рима , коего сокрушенъ скиперъ , и заграблено все великолѣпіе вѣковъ прошекшихъ , каксе только можно было похипишь .

Швейцары имѣли у себя консипиуцію , соспавленную на основаніи долголѣтнихъ опытовъ и омотря по нуждамъ мѣстнаго положенія земли ихъ ; они были однимъ изъ счастливѣйшихъ народовъ Европы . Нѣкошорымъ обипашелямъ сель показалось , будшо городскіе жители пользующа правами , имъ нешиналежащими . Шпіоны Бонапаршовы посшарались раздушъ сію искру досады и сдѣлашь изъ нее пылающій огонь

сильнаго раздора. Лишь только слажена была война междоусобная, вдругъ вошли Французскія войска, овладѣли городскими сокровищами, и прежнюю благодѣтельную конспиршущію замѣнили новою, сдѣланною въ подражаніе той, оубо которой спрлада тогда Франція. Наконецъ, посредствомъ многихъ жертвъ и усилій, Швейцарамъ удалось паки воздвигнуть нѣкоторыя оштатки прежней конспиршущіи; но сію въ году купили они пошегею своей независимости, главнѣйшей обороны ихъ опечесства, лишились нѣкоторыхъ частей земли своей и всего своего благосостоянія. Почти вовсе не принадлежа болѣе къ классу самобытныхъ народовъ, попомки Теля и Вилкельрида еще неносящъ на себѣ званія подданныхъ Наполеона, только потому что земля ихъ не въ состояніи была бы содержать управляющихъ чиновниковъ и охранителей, и попому что онъ и безъ того можешъ выгоняшъ изъ ихъ опечесства на военную свою барщину столько людей и столько часто, какъ ему вздумается.

Иждивеніемъ Бернскаго казначейства снаряженъ флотъ, на которомъ Бонапаршъ отправился въ Египешъ. Тогдашніе правители Франціи захошѣли его удалить опъ себя, а его самага поджигало неизвѣстное честолюбіе: сихъ ради причинъ, безъ всякаго усумнѣнія, рѣшились на опышъ — у

стариннаго и вѣрнѣйшаго союзника Франціи въ мирное время опираясь самую важнѣйшую изъ его провинцій. Но два обспоятельства помѣшали Бонапаршу въ успѣхѣ покущенія его на Египецъ: Англійскіе флоты дѣлали невозможнымъ всякое доспавленіе значущей помощи изъ Европы, и самъ Бонапаршъ не могъ придумать никакого средства управлѣнью спиранною смѣсью народовъ, обитающихъ въ оной области. Тщепно сыпалъ онъ прокламаціи: Египтяне ихъ не читали. Онъ даже выдавалъ себя за чинареля Магомешова, даже самъ хотѣлъ прослыть пророкомъ: Египтяне смѣялись надъ его затѣями. Англичане, сожегши флотъ Французской, и на пвердой землѣ побили Бонапарша. Онъ предуспрашивалъ погибель свою, бросилъ армію, какъ бросающъ негодное орудіе послѣ неудачной работы, и убѣжалъ обращено во Францію. Въ Египецъ съ самаго начала объявилъ онъ, что идетъ испреблѣть Мамелюковъ; а единспвенная выгода, какую только могъ онъ получить опѣ сего похода, состояла въ томъ что набралъ себѣ изъ Мамелюковъ гвардію.

Во Франціи, въ самой Франціи, онъ обнаружилъ пагубное масперснво свое во всемъ его проспранствѣ, и ни съ какимъ народомъ не свигралъ онъ шушки сноль маглою и оскорбительной, какъ съ Фран-

дузскимъ. Съ какою обдуманною хитростію употребилъ онъ къ исполненію своихъ замысловъ ту самую паршю, которая хотѣла его сдѣлать своимъ орудіемъ; какъ онъ выдрался въ Консулы и навязалъ себя на шею Французамъ; какъ онъ, желая ослабить всѣ паршїи, увеличилъ число ихъ вызовомъ изъ за границы дворянства и возстановленіемъ духовенства, по и другое обманувши пустыми надеждами; какъ онъ Французовъ, прошивъ собственной увѣренности всѣхъ и каждого, заставилъ думать, будто они признали его Консуломъ на всю жизнь и даже наконецъ Императоромъ; какъ онъ всю родню свою перекрестилъ въ Принцевъ и Принцессъ, — все сіе могло бы составить неизчерпаемой запасъ матерїи для самой язвительнѣйшей сатиры прошиву человѣческой слабости, еслибъ только онъ власти своей, такимъ коварнымъ образомъ себѣ присвоенной, не сдѣлалъ споль ужаснаго употребленія. Безпрестанно говоря Французамъ о благодарности, которое оказалъ имъ чрезъ (мнимое) прекращеніе революціи, для видовъ безпредѣльнаго своего самолюбія онъ вымучилъ у нихъ не менѣе жертвъ, и еще болѣе пятгоспныхъ для сердца, нежели сколько похищала у нихъ революція. Прежде народъ, движимый испугленіемъ, добровольно употреблялъ чрезвычайныя усилія для сво-

ей самобышности; шеперь онъ принужденъ дѣйствовать съ такими же усилями, чшобы доспавать для братьсяв его Королевскіе шишулы, а для него самага чужеспранныя войска, копорыя сперегли бы самыхъ же Французовъ. Прежде было мучишельнѣйшее для сердца зрѣлице, когда разбяренный народъ сотни невинныхъ увлекалъ подъ гильошину; шеперь не менѣ мучишельно видѣшь, какъ многія шысячи молодыхъ людей, въ самомъ цвѣшу юности, ежегодно опшоргаются опъ неушѣшныхъ родипелей и въ оковахъ влекутся черезъ провинціи, для того чшобы семейство чужеспранца сдѣлать одною владычествующею династїею въ цѣлой Европѣ, и чшобы опустошавать земли опдаленныхъ дружеспвенныхъ народовъ. Ежели революція распочила прежнія богатства Франціи: за то Наполеонова спрасъ преобладанія истощила важнѣйшія оной пособія, и до того довела, чшо для большей части издержекъ сдѣлались необходимы доходы, получаемые опъ расхищенія чужихъ обласпей. Ешо значитъ, чшо Франція стоимъ шеперь на ряду съ Африканскими разбойническими землями. Ибо чшо иное значитъ шрепя часть, получаемая Деями опъ добычи своихъ корсаровъ, какъ не *внѣшній доходъ* (*réception extérieure*), копорымъ Наполеоновъ министръ финансовъ шеголяешъ

въ годовомъ опчешѣ? — Несчастливая Франція! давно уже исчезли бы даже признаки тѣхъ ранъ, кои нанесла тебѣ революція, если бы ты, освободившись отъ оной, не досталась въ руки человеку, видѣвшему въ тебѣ не что иное какъ ступень къ престолу, съ вышины коего хотѣлъ онъ господствовать надъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ прикрылъ твои раны похищенною багряницею; но подъ нею еще болѣе расправилъ ихъ и даже сдѣлалъ неисцѣльными. Онъ довелъ до омерзения у всѣхъ народовъ твою націю, нѣкогда любимую и уважаемую, и зашѣлялъ прошиву всѣхъ вѣчную войну, которая должна окончиться своею гибелью, ежели ты не предострашишь ее остающимся у тебя единственнымъ ко спасенію средствомъ. Ты легко можешь обойтись безъ колоній, какъ скоро будешь имѣть свободныя руки для воздѣлыванія плуточныхъ полей своихъ; — но тебѣ нуженъ правитель, который способы свои употреблялъ бы для твоего блага, а не для выгодъ своего властолюбія! —

Но посмотримъ далѣе на путь Наполеона, усѣянный коварными дѣйствіями.

Одна изъ тѣхъ паршій, которая всегда бывающъ въ вольныхъ областяхъ и которая въ спокойное время обезпечивающъ ихъ свободу, въ 1794 году предала Соединенныя Нидерланды Франціи. Съ тѣхъ

торъ Голландія, какъ Иксіонъ къ пламенному колесу его, была привязана къ перемѣнчивой судьбѣ сего чрезмѣрно сильнаго государства, участвовала во всѣхъ войнахъ его вопреки собственнымъ выгодамъ, и чрезъ то лишилась значнѣйшей части своей торговли и рыбныхъ промысловъ. Но при ней оставалось еще внутреннее ея благосостояніе, плодъ двухъ-сотъ-лѣтняго прилѣжанія. Оно раздражило въ Наполеонѣ корыстолюбіе: но подъ какимъ бы видомъ присвоить себѣ Голландскія сокровища? Пока Батавская Республика существовала въ качествѣ области союзной съ Франціею, дошло не лзя было налагать на нее военныхъ контрибуцій; присоединивши же ее ко Франціи, опять не лзя было бы, безъ явнаго нареканія въ величайшей несправедливости, налагать на нее подати, несходныя съ платимыми въ другихъ частяхъ Монархіи. Наполеонъ умудрился пожаловаться браша своего въ достоинство Короля Голландскаго, на томъ, конецъ чѣобы новый Король высасывалъ для него богатства своего государства. Потомство изслѣдуетъ, въ самомъ ли дѣлѣ братъ сей былъ столько совершенъ, что не захопѣлъ исполнять по предположенному плану; или онъ возмечталъ о самодержавіи на семъ временномъ престолѣ; или же Наполеонъ смѣкнулъ, чѣо сія героиня основанная республика

уже завяла и годился для присоединенія къ его Калифской Имперіи: довольно, что сей Король Голландскій указомъ лишенъ престола, и первой онъ доказалъ своимъ опытомъ, что поставляемые Наполеономъ правители непочинающся въ числѣ Государей, равно какъ холщевыя спашуи, которыя нѣкогда во время революціи выставляемы были въ Парижѣ, опіюнь не принадлежали къ числу настоящихъ спашуй, воздвигаемыхъ для почести: онъ служилъ сапирою на шѣхѣ, кого представляли. По окончаніи парада выкрашенная холщевая богиня спановилась запачканною шраплицею, и ее бросали въ уголъ.

Въ Нѣмецкой землѣ обуянiе и порабощеніе имѣли другой ходъ. Нѣропорые изъ шѣхѣ владѣтелей, кои въ западной Германіи управляли сомодержавно горшью своихъ подданныхъ, хошя не въ силалъ были защищитъ ихъ даже онѣ гусарскаго папшуля, побоялись лишиться монаршихъ правъ своихъ онѣ разширенія революціи, или онѣ могущества своихъ сильныхъ соедей. Они выдумали для того предохранительное средство, сообразное важности дѣла. Сіи попомки мужей, *патріотическими заслугами* стяжавшихъ себѣ нияжескія шишла, неуспыдились обезпечитъ себя измѣною противъ своей націи. Они заключили между собою союзъ, и предались подѣ

покровъ Франціи. Правительство Санкюлотовъ кощунски приняло сіе подданство отъ жертвъ своихъ; а великія державы Нѣмецкія были сполько неоспорожны, что въ то же время не обратили вниманія своего на союзъ Рейнскій, и не объявили его государственнымъ, пресупленіемъ.

Наполеонъ, сдѣлавшись деспотомъ, нашелъ уже въ готовности сіе распоряженіе и умѣлъ имъ воспользоваться. Оно послужило ему первымъ поводомъ къ шѣмъ безпрерывно возобновляемымъ обмѣнамъ земель, посредствомъ коихъ умышлялъ онъ покинуть у Нѣмцовъ привязанность ихъ къ древнимъ своимъ Княжескимъ фамиліямъ и приготовить ихъ къ тому, чтобы они, буде когдалибо вздумается ему объявить ихъ своими подданными, паковое присоееніе сочли не инымъ чѣмъ какъ обыкновенною перемѣною. Помомъ онъ приманилъ, или принудилъ и среднихъ Князей Германіи наложивъ на себя шѣ же оковы. Они помогли ему ослабить обѣ великія державы своего опечесва, единственную защиту онаго, и по оплощности приняли отъ него маловажныя прибавки къ землямъ своимъ и ничего незначущія повышенія въ своихъ шиплахъ. Они неустойбли, что симъ поступкомъ подвергли себя его милосши и немилосши: ибо въ

комъ признаешь власть *жаловать*, шому въ самое поже время предоспавляется еще большая власть *отнимать* все по произволу. Спрашнымъ образомъ Наполеонъ показалъ на опытъ, что онъ имѣеть власть сію. Онъ сорвалъ корону Германіи со главы Нѣмецкаго Императора, и насильственно бралъ у Князей Рейнскаго Союза во споразъ болѣе того, чего они прежде только боялись лишиться для Австріи. Между шѣмъ онъ игралъ ихъ престолами. При неудачѣ въ Испаніи, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, онъ старался придашь себѣ важности шѣмъ, что указами своими вдругъ уничтожалъ нѣкоторыхъ членовъ Союза, и земли ихъ присоединялъ къ своей Имперіи. Прочіе между шѣмъ молча и съ презрѣніемъ смотрѣли на сіе позорище, шочно какъ спутники Улиссова въ пещерѣ Полифемовой; когда Циклопъ поглощалъ ихъ цесарницей, то другіе радовались, что по крайней мѣрѣ *не сего дня* поспигаешь ихъ равная участь, хошя и мучила ихъ ужасная досповѣрность, что завтра можешь и съ ними поже случиться. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что еслибъ Наполеонъ не былъ униженъ и ослабленъ Россією до шавой чрезвычайной степени, и еслибъ онъ могъ вывести назадъ въ Германію хошя половину своего войска; то дабы снова ушрашить Европу и обманушь Франц

цезаря, онъ на вѣрное одного или двухъ Королей своихъ низринулъ бы съ престола.

Съ достоинствомъ, внушающимъ къ себѣ уваженіе, съ твердостью выдержала Австрія борьбу многократную; но къ сожалѣнію, каждая борьба ея оканчивалась новыми пошерями, отъ того что она имѣла дѣло съ коварнѣйшимъ сопрошвинкомъ. Жадный къ приобрѣтенію земель Наполеонъ опинялъ у нее Белгію, Ломбардію, Тироль, Иннфиртель, Нѣмецкую корону, наконецъ даже Крайнъ, Каринтію, Кроацію и единственныя морской ея берега; и когда уже низвелъ ее на вѣрную степень державъ твердой земли, онъ вымучилъ — — Какую выгоду получила Австрія, давши свое согласіе на бракъ Ерцгерцогини съ Наполеономъ? Онъ старался распространить мнѣніе, будто Принцесса чрезвычайно осчастливлена симъ союзомъ; разславилъ, что великодушно просилъ Австріи невыплаченныя конприбуціи; и Ерцгерцогъ Карлъ принялъ шпагу его какъ даръ почести: словомъ сказать, Наполеонъ споль явныя употреблялъ усилія унизить Австрію, что она, невзирая на связь родственную, принуждена была открытымъ опроверженіемъ упомянутыхъ слуховъ защищать честь Габсбургскаго дома. Вотъ въ чемъ состояла вся прибыль Австріи отъ соизволенія, въ кошоромъ Наполеонъ умѣлъ найти спо-

собѣ новой своей династїи придашь какъ бы дѣйствительно царскія преимущества, и заблаговременно угрожать Россїи, что при первой съ нею брани готовъ у него будетъ еще одинъ ей непріятель.

(Продолженіе въ слѣд. Нум.)

Извѣстія и замѣчанія.

По счету оказалось, что съ 28 Марта по 7е Сентября 1812 года городъ Берлинъ довольствовалъ квартирами и кормомъ 240,000 человекъ военнослужащихъ и другихъ чиновъ при арміи находящихся, да сверхъ того лошадей 130,000.

— Въ Голландїи, съ тѣхъ поръ какъ она присоединена ко Франціи, господствуетъ повсемѣстное уныніе и такое равнодушіе къ общему благу, что никто даже незабываетъ о поправкѣ плотинъ и гашей. Жители неспрашиваются уже, чтобы непоглосило ихъ море, съ того времени какъ поглотило ихъ властолюбіе Бонапартова. Сокровища, которыя собираемы были вѣками, у нихъ вымучены; свобода ихъ и торговля уничтожены; сами они или дѣши ихъ увлекаются въ опдаленныя земли, гдѣ заставляющъ ихъ сражаться за чужое дѣло: и такъ, что прибыли имъ защищать ошѣ волнъ морскихъ бѣдное, истощенное свое опечество? Оно представляемъ нынѣ позорище ихъ несчастій.

— Когда за нѣсколько вѣковъ передъ симъ Англичане овладѣли Парижемъ и пошомъ при

Перемиръ военного счастья должны были оставить сію столицу; но они вышли изъ нее незажегши ни одной хижины. Русскіе въ семилѣтнюю войну овладѣвшіе Берлиномъ не захотѣли портишь даже деревъ и растѣній въ садахъ Королевскихъ. И такъ видно, что Англичане и Русскіе тогда уже мыслили гораздо благороднѣе и были гораздо просвѣщеннѣе Французовъ девятнадцатаго столѣтія, которые безъ всякой побудительной причины варварски подняли на воздухъ Кремлевскія зданія.

— Слышно было, что Наполеонъ, спрашась, дабы Нѣмцы не образумились и не перестали бы за него бесполезно проливать кровь свою, издалъ множество прокламацій, въ которыхъ онъ хвалилъ національныя доблести Германцовъ, вѣрность и преданность къ ихъ Государямъ. Послупокъ весьма неосторожной! Ибо кого должны почитать *законными* своими государями на примѣръ Ганноверцы, Гессенцы, Олденбургцы, Магдебургцы, и такъ далѣе? Могутъ ли сіи націи, и даже Саксонцы, Прусакіи, Виртембергцы, Баварцы, иначе доказать вѣрность къ своимъ Государямъ, какъ сражаясь до послѣдней капли крови противу ихъ ушеснишеля, противу Наполеона?

О Ш И Б Н И.

Въ № 16 Вѣстника Европы 1812 года

напечат.

читай:

Стран. Стр.

44	8	Bogarodzica u dzi-	Bogarodzica dziewi-
		ewca	ca
52	22	и на словахъ	- и не на словахъ
80	33	2812	- - 1812.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 19 и 20.

ОКТАБРЬ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Велледа, или Христiянинъ и язычница въ 3 столѣтiи.

(Повѣсть.)

.... По волю Кесаря, Констанція получилъ намѣстничество Арморикъ (*), прибылъ я въ замокъ, мнѣ назначенный не далеко отъ моря. Сей замокъ былъ древле Гальскою крѣпостию, распространенною Юліемъ-Кесаремъ. Онъ стоялъ на утесѣ въ лѣсу примыкающемъ и омываемымъ волнами озера.

Тамъ провелъ я нѣсколько мѣсяцевъ въ глубокомъ уединенiи; бесѣдовалъ съ Богомъ и совѣстию; выискалъ духомъ въ спа-

---

(*) Часть Галліи.

сипельныя истины Хрїстїанской вѣры, и со дня на день побѣждавъ силнѣе спасающихъ мїревыхъ склонностей: но спраспи мои, подобно женамъ ласковымъ, влекли меня къ себѣ тайною прелестію.

Случай прервалъ, мои изслѣдованія и побѣды надъ самимъ собою.

Воины увѣдомили меня, что съ нѣкотораго времени неизвѣстная жена выходитъ изъ лѣсу передъ наступленіемъ ночи, одна въ лодкѣ переплываетъ озеро, и на другомъ берегу скрывается.

Мнѣ было извѣстно, что Галлы побѣждаютъ женамъ самыя важныя тайнства, и отдають на судъ дочерей и супруговъ дѣла нерѣшенныя въ совѣтѣ мужей. Народъ мною управляемый сохранилъ нравы отцевъ своихъ, и съ негодованіемъ покорствовалъ Римлянамъ. Духъ его, какъ у всѣхъ народовъ Галліи, былъ дерзкій, буйственный и спроптивый. Мнѣ ничего упустить не хотѣлось, чтобы не лишиться милоспей Діоклитіана и покровительства Констанція; а донесеніе воиновъ требовало оспорожности: и такъ я рѣшился самъ примѣчать за Галльскою невидимною.

Передъ вечеромъ, въ доспѣхахъ воинскихъ, прикрытыхъ хитономъ, тайно про-

Крался я изъ замка на берегъ озера и спалъ на помъ мѣсцѣ, на которое указывали мнѣ воины, за скалами и утесами.

Долго ждалъ я; никто не показывался. Вдругъ въперъ съ озера доноситъ ко мнѣ звуки голоса человѣческаго; я напрягаю слухъ мой, и въ то же время усматриваю ладью, качаемую волной; она опускается, скрывается подъ бурнымъ плескомъ двухъ валовъ, и снова поднимается на верхъ волнистаго бугра; таинственная жена, управляя весломъ, приближается къ берегу; она поетъ, сражаясь съ бурей. По духу ея неуспрашимости кажется, будто она играетъ въпрямь, повѣлываетъ стихіями; рука ея приноситъ жершвы, свертая въ озеро куски полошья, овечье руно, сопы меда и другія мѣлочи серебряныя и золошья.

Скоро незнакомка приспаетъ къ берегу, спускаетъ на землю, привязываетъ ладью къ стволу осокори и павонецъ идетъ въ мѣсь, подираясь пѣмъ весломъ, копорымъ управляла: она прошла мимо, и меня не видала. Но я могъ разсмотрѣть ее. Она имѣла высокой станъ; черная короткая и безрукавная маншя едва одѣвала ея нагопу. На мѣдномъ поясѣ висѣлъ золотой серпъ, а голова была увѣнчана ду-

бовой въспвѣю. Близна рукѣ и лица ея, голубыя очи, алыя уста, длинные свѣшлорусые волосы по плечамъ разсыпанные являли образъ красоты и нѣжности; а величаявая осанка и поступь ея нѣчто гордое и дикое: по была дщерь Галліи. Она пѣла сладнымъ голосомъ слова грозныя, и обнаженная грудь ея опускалась и воздымалась, подобно какъ пѣна морская.

Я слѣдовалъ за нею въ нѣкоторомъ разспояніи. Она пропекла каштановый лѣсъ, копорато дерева, современные началу свѣта, изсохли всѣ на вершинахъ. Около часа перебирались мы черезъ пустыню, заросшую мхомъ и папоротникомъ. На концѣ ея былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу обширная площадь съ курганомъ, который почитается у Галловъ могилою воиновъ, и на копоромъ лежалъ камень.

Ночь наступила; юная дѣва оспановилася у камня, при раза всплеснула руками, и громко произнесла одно шаиншвенное слово.

Внезапно во глубинѣ лѣса засвѣпились безчисленные огни; при каждомъ дубѣ, такъ сказашь, родился Галль; со всѣхъ споронъ двинулись варвары въ великомъ множествѣ; одни въ нарядѣ воинскомъ,

другіе съ дубовою вѣтвю въ правой рукѣ и съ пламенникомъ въ лѣвой. Я смѣшался съ толпою: за первымъ шумомъ и безпорядкомъ собранія слѣдовала тишина и порядокъ, и тотчасъ началось торжественное шествіе.

По совершеніи сего обряда, возвращающся къ надгробному камню. Тамъ водружается обнаженный мечъ для означенія мѣста совѣта. По камнямъ, уложеннымъ ступенями у подошвы кургана, жрица (въ которой узналъ я двѣхъ незнакомку) ьсходитъ на площадь послѣдняго камня, и Галлы обшупающъ ее съ оружіемъ и пламенниками: память древней свободы приводитъ сердца въ умиленіе. Нѣкоторые воины, съ сѣдыми волосами, плачущъ; крупныя слезы капающя на щипы ихъ. Всѣ, преклонясь впередъ и опершись на копья, внимающъ заранѣе словамъ жрицы.

Нѣсколько минутъ она безмолвствуетъ передъ лицомъ воиновъ и всего народа, который дерзнулъ первый возгласить къ земнороднымъ: „Горе побѣжденнымъ!“ Дерзкое слово, нынѣ обращенное Богомъ на главу его! На ея лицѣ написано сожалѣніе и глубокое чувство сего народнаго бѣдствія. Скоро она собирается съ мыслями и произноситъ рѣчь:

„Вѣрные сыны Тевшашеса! вы, которые, среди опечесства, вверженнаго въ рабство, пребыли неизмѣнны въ законахъ и вѣрѣ опцевъ вашихъ! не могу взирать на васъ безъ слезъ и спенанія? Вы ли опшашокъ шого народа, который давалъ успавы вселенной? Гдѣ цвѣшущія спраны Галліи и шопѣ величавый совѣтѣ жеиѣ, передѣ которыми великій Аннибалѣ смирялся? Гдѣ шѣ Друиды, которые посвящали себя образованію юношесства? Едва нѣкоторые изъ нихъ живы, но въ изганіи, въ безвѣспности, въ пещерахъ дикихъ сокрышые. Одна слабая жрица, Велледа, совершаепѣ нынѣ ваши моленія и жершву. О Слинской оспровѣ (*)! о мѣсто почшенное и свяшое! одна я оспалась изъ девяти дѣвѣ, посвященныхъ на служеніе Тевшашесу. Скоро послѣдніе олшари его сокрушашся, послѣдніе служишели умолкнушѣ. Но ещѣ надежда! Объявляю вамъ о новомъ и сильномъ союзникѣ: кто изъ васъ не обратишся нѣ оружію, и въ комъ ишпребилась память народнаго бѣдспвія? Вы родишесь невольниками; едва выходишѣ изъ дѣшства, и Римляне васъ похищашѣ. На что? Не знаю. Въ дѣшпахъ мужесства васъ высылашѣ на границу положишѣ свой живопѣ за вашихъ мучишелей, или бороновашѣ

(*) Жерсей, какъ надобно полагашѣ.

землю для ихъ пропитанія. Въ пляжкѣ
 работахъ, на васъ возложенныхъ, вы сбъ-
 изаете мѣса ваши; вы пролагаете съ вели-
 чайшимъ трудомъ дороги, вводящія рабство
 внутрь отечества вашего; по нимъ пу-
 шамъ, какъ скоро они опечерзны, прише-
 даетъ неволя, гоненіе и смерть съ воп-
 лемъ злодѣйской радости. Навонецъ, если
 переживете всѣ оскорбленія, то васъ при-
 ведутъ въ стѣнамъ Рима, и тамъ, на
 амфитеатрѣ, спустятъ васъ другъ съ дру-
 гомъ для убійственной драки, для забавы
 свирѣпой черни. Галлы! посѣтите Римъ,
 но другимъ образомъ, достойнѣйшимъ ва-
 шей древней славы! Предстаньте внезапно
 въ Капитоліи, какъ первые и грозные его
 посѣщители, ваши предки и предшествен-
 ники. Васъ зовутъ на позорище? Лепите!
 исполните волю славныхъ зрителей васъ
 пребывающихъ; да научатся Римляне уми-
 рать, но другимъ образомъ, не упиваясь
 вашею кровію во дни ихъ празднества, не
 смотря на вашу смерть, а сами ее прини-
 мая. Дѣло возможное. Поселившіяся въ Ис-
 паніи племена Франковъ возвращаются въ
 свое отечество; ихъ флотъ спомъ у бе-
 реговъ вашихъ; они ожидаютъ только зна-
 ка вашего, чтобы подать вамъ руку помо-
 щи. Но если небо не увѣнчаетъ нашихъ по-
 подвиговъ, если счастье принесетъ въ другой
 разъ побѣду Кесарямъ; то укроемся съ

“ранками въ неизвѣстной уголѣ свѣта, гдѣ нѣтъ рабства, гдѣ нѣтъ прихвсненія!”

Сія рѣчь, произнесенная во мракѣ ночи, при освѣщеніи факеловъ, въ дремучемъ лѣсу, у могилы воиновъ, и подѣ свиспомъ бушующихъ вѣтровъ, имѣла необыкновенное дѣйствіе. Воспаленное воображеніе привело разсудокъ въ бездѣйствіе. Тотчасъ положили соединиться съ Франками. Три раза одинъ воинъ покушался говорить прошивъ общаго мнѣнія; при разѣ обращали его къ молчанію; и въ послѣдній разъ герольдъ обрѣзалъ полу его маншіи. Но сіе происшествіе было только преддверіемъ другаго грознаго явленія. Для испытанія воли небесъ, шолпа пребуепѣ громогласно жерпвы, и жерпвы человѣческой. У Друидовъ закланемы были въ сихъ случаяхъ преслупники, на смерть осужденные. А какъ не было на сей разъ такой жерпвы, то Велледа объявила, что божество обрекаетъ на смерть древнѣйшаго изъ спарцевъ.

Тотчасъ приносятъ чашу, надъ которою надлежало Велледѣ принести спарца на закланіе, и ставятъ передъ нею. Она не сходила съ того мѣста, съ котораго говорила къ народу; но возсѣла на бронзовый треугольникъ въ безпорядкѣ одѣянія, съ растрепанными власами,

сѣ въ рукахъ и сѣ факеломъ пылающимъ подъ ея ногами. Не знаю, какой конецъ имѣлобы сѣ приговореніе. Можетъ быть, еслибъ я осмѣлился перервать его, то самъ погибъ бы подъ мечемъ варваровъ; но Богъ положилъ иначе въ небесномъ советѣ своемъ. Звѣзды капились на западъ. Боясь, чтобы упреннѣй свѣтъ не застигъ ихъ за приношеніемъ жершвы, они рѣшились ожидать, для совершенія адскаго обѣща, того часа, въ который Дѣй, опецъ мрака, выведетъ другую ночь на землю. Толпа разсѣялась, и огни угасли. Только изрѣдка отъ факеловъ, развѣваемыхъ въпромъ, сыпались искры и сверкали во мракъ лѣса; а ехо разнесло унылыя пѣсни Бардовъ.

Я спѣшилъ возвратиться въ замокъ, и созвалъ на другой день жипелей Арморики. Когда они собрались передъ крѣпостію, я объявилъ, что мнѣ извѣстны ихъ тайныя собранія и мятежныя умыслы противъ Кесаря.

Варвары, пораженные страхомъ, ожидали неминуемой казни: вокругъ ихъ стояли въ шпую Римскіе воины. Вдругъ раздается жалобный вопль. Къ намъ стремишся толпа Галльскихъ женъ, хрѣстіанокъ, сѣ младенцами, вновь окрещенными въ мою вѣру. Онѣ падающъ къ ногамъ мо-

имѣ , молящѣ меня пощадишь ихъ супруговъ , сыновъ и брашій , подносящѣ ко мнѣ новокрещенныхъ младенцовъ , и заклинающѣ именемъ сего хрїсполубиваго грядущаго поколѣнїя помиловашь ошцевъ для дѣшей Божїихъ.

Сеспры мои! отвѣчалъ я: милую ближнихъ вашихъ для имени Хрїстова. Ошѣвспсвуйше мнѣ за супруговъ , сыновъ и брашій , и я буду покоенъ , когда вы мнѣ поручишесь за вѣрность ихъ Кесарю.

Галлы , въ радостныхъ вопляхъ , возносили до небесъ мое милосердіе и мою кротость , которыхъ не стоили мнѣ никакого усилїя. Но , ошпуская народъ , я обязалъ его словомъ не приносить впредь челошечскихъ жершвъ , давно запрещенныхъ самымъ Тиверїемъ и Нерономъ , и выдашь мнѣ въ шопъ же день жрицу Велледу и ошца ея Сегенакса , перваго ихъ чиновника. Передъ вечеромъ привели ко мнѣ обоихъ аманатовъ ; я ошвелъ имъ жилище въ замкѣ. Выспунившій по моему повелѣнїю флотъ принудилъ суда Франковъ удалиться ошъ береговъ Арморики , и все пришло въ спокойствїе. Но мнѣ надлежало испытать безпокойство другаго рода.

Горестъ и заключенїе ввергли Сегенакса въ тяжкіе недуги , и я облегчалъ ихъ всѣми

способами, какіе повелѣвала любовь къ чело-
вѣчеству. Ежедневно посѣщала я отца и
дочь въ ихъ уединеніи. Сїи попеченія, ко-
торыхъ не имѣли другіе обласные прави-
тели Римскіе, утѣшили спрадальцевъ.
Сегенаксъ ожилъ, и жрица, до того вре-
мени унылая, ободрилась. Не одинъ разъ
вспрѣчался я съ нею: она съ веселымъ
лицемъ прогуливалась по обширному двору
замка, по длиннымъ его галлереймъ, по
скрышымъ переходамъ, и по излучистымъ
лѣсницамъ, ведущимъ на высоту неизмѣ-
римую; она безпрестанно мелькала по стѣ-
дамъ моимъ, и когда я полагалъ ее у отца,
вдругъ сбѣгалась со мною на поворотѣ шем-
наго корридора, какъ привидѣніе ночное,

Сїя дивная жена, подобно всѣмъ своимъ
согражданкамъ, имѣла нѣчто своенравное и
заманчивое. Взоръ ея былъ скоръ, уста
показывали пренебреженіе, а улыбка кро-
посль и остроуміе. Въ ея обращеніи было
видно иногда высокоуміе, а иногда слабо-
страстіе; въ лицѣ ея соединялись сла-
бость и величавость, искусство и не-
винность. Глубокія познанія въ Греческой
словесности и въ исторіи опечества изу-
милилъ меня въ женщинѣ почти дикой,
еслибъ мнѣ не было извѣстно, что ее
воспитывали для ученаго сословія Галль-
скихъ первосвященниковъ. Сїя дикая ды-

шала гордостью, и распаленіе чувствъ ея простиралось до испущенія.

Одну ночь провелъ я задумчиво въ оружейной галлерей, откуда небо видно только было черезъ узкія и длинныя отверстія плоскихъ каменныхъ стѣнъ. Нѣкоторый звѣздный свѣтъ, изливаясь въ галлерею, освѣщалъ блестящіе мечи, копья и орлы, по стѣнамъ развѣшенные. Я нехотѣлъ имѣть свѣшльника, и прохаживался въ мракѣ.

Вдругъ, на другомъ концѣ галлерей, блѣдный лучъ сверкнулъ въ тѣни. Свѣтъ разлился, и скоро предстала передъ меня Велледа. Она держала въ рукѣ лампаду Римскую на золотой цѣпочкѣ. Ея свѣтло-русые волосы, связанные и закинутые на голову по обыкновенію Гречанокъ, украшались цѣпочнымъ вѣнкомъ, священнымъ у Друидовъ; одежда ея была вся бѣлая: царская дочь не можетъ быть прекраснѣе, благороднѣе, величавѣе.

Она привѣсила лампаду свою къ ремнямъ одного щипа, и подступя ко мнѣ, сказала:

Опецъ мой покоишься; сядь со мною; выслушай.

Я сжалъ со стѣны связку копьевъ и мечей, и положилъ ихъ на землю; мы свѣли на сей пукъ оружія передъ самою лампадою.

Знаешь ли ты, сказала мнѣ юная дѣва, что я чародѣйка?

Я пребовалъ объясненія сего слова. Галльскія чародѣйки, оповѣстповала она, имѣютъ силу воздвизать бури, укрощать ихъ, быть невидимками, и являться въ образѣ всѣхъ живошныхъ.

Не признаю сего чародѣйства, оповѣчалъ я съ важностію. Какъ можешь ты вѣрить сама такой силѣ, копорой никогда неимѣла? Наша вѣра не терпитъ сего суевѣрія. Только Богу одному повинуются бури.

Не говорю о своемъ Богѣ, возразила она съ неперпнѣемъ. Скажи: слышалъ ли ты вчерашнюю ночь шенаніе испочника въ лѣсу и ропощъ въперга въ правѣ, распуцей подъ швоими окнами? Знай, что я воздыхала въ вѣперкѣ и въ испочникѣ; мнѣ кажется, что ты любишь унылый шумъ водъ и вѣшровъ.

Я не могъ безъ сожалѣнія внимать словамъ безразсудной, и сіе чувство изобразилось на лицѣ моемъ.

Ты почишаешь меня безумною; сказала она; но вини въ томъ себя самаго: для чего ты облегчалъ судьбу моего родителя съ такою чувствительностію? для чего обращался со мною такъ крѣпко и ласково? Передъ тобою жрица и дѣва съ острова Слинскаго: сохраню ли; нарушу ли общій дѣвешвенный; все равно я погибну. Ты будешь виновникомъ смерти моей. О томъ хотѣла извѣстить тебя. Прости.

Она вспала; взяла свою лампаду и скрылася:

Никогда не спрадалъ я такъ въ душѣ моей. Возмутишь невинность есть ужасное злополучіе. Къ тому же небо не оставило мнѣ способа удалить опасность. Сегодня не лзя было выпустить изъ замка, по причинѣ его слабости; и не лзя мнѣ было безъ крайней жестокости рѣзучить отца съ дочерью. И такъ невольно имѣлъ я у себя врага и вблизи перѣлъ его удары. Напрасно переспалъ я посѣщать спарца; напрасно скрывался отъ Велледы: вездѣ съ нею встрѣчался; по цѣлымъ днямъ она ожидала меня въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ не лзя было не проходить; и говорила мнѣ о любви своей.

Правда, я чувствовалъ, что Велледа не можешь возродить во мнѣ той сердечной

склонности, которая опредѣляетъ судьбу жизни; но дщерь Сегенасова цвѣла младосиѣю, красною, самую спрасиѣю; и когда пламенные рѣчи любви изливались изъ устѣ ея, всѣ чувства во мнѣ кипѣли.

Въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ замка въ лѣсу, извѣстномъ у Друидовъ подъ именемъ двисщеннаго, стояло сухое обнаженное дерево подобно черному призраку, среди другихъ распуцихъ деревьевъ. Вокругъ сего мертвого исполина на высокихъ дубахъ, обилиемъ у корня кровїю человѣческою, висѣли копя, щипы и булапы Галльскихъ воиновъ: вѣтеръ шевелилъ сучьями; подъ ними оружіе сшибаясь съ оружіемъ стучало въ воздухѣ и пусвало стонѣ по лѣсу.

Не рѣдко посѣщаль я сіе мѣсто и сей памятникъ древняго поколѣнїя Цельпоѣвъ. Въ одинъ вечеръ я стоялъ тамъ въ задумчивости; вдали свирѣспивозали бурные вѣтры и срывали съ деревьевъ наросты моха. Велледа явилась вдругъ передо мною.

„Ты бѣгаешь отъ меня, говоритѣ она: ты ищешь уединенныхъ пущынь, чтобъ скрыться отъ моего присушствїя; но тщешно: буря приноситѣ въ тебѣ Велледу, какъ завялый мохъ къ ногамъ шевимѣ.“

Она спала передо мною, руки сложила крестомъ, успремила на меня взоры, и продолжала:

„Мнѣ есть о чемъ говорить съ побою, и желается говорить долго. Знаю, что мои сѣшванія наносятъ тебѣ скуку, и никогда не принесутъ любви; но, жестокой! я упиваюсь любовными словами, пишаюсь ихъ пламенемъ и упѣшаюсь признаніемъ безмѣрной къ тебѣ справки. Ахъ, еслибъ ты любилъ меня! какое блаженство вкусили бы мы на землѣ? Тогда опыскала бы я выраженія достойныя небесъ; шеперь ихъ нѣтъ въ языкъ человѣческомъ, отъ того что душа швоя не опѣвчаетъ душъ моей.“

Ударъ вѣтра пошрясъ дерева въ лѣсу, зашпучалъ мѣдными щипами, и спонъ раздался по лѣсу. Успрашенная дѣва подняла голсву, и возрѣвъ на профетя, съ горестію молвила: „спонетъ оружіе опца моего; оно предвѣщаетъ мнѣ злополучіе.“

Черезъ минушу молчанія она воскликнула: „нѣтъ! есть какая нибудь причина швоего равнодушія. Моя любовь къ тебѣ, любовь безмѣрная, должна бы, кажешся, воспалишь любовь въ тебѣ самомъ. Такая холодность необыкновенна. . .“ —

Она перервала рѣчь свою, снова задумалась, и вдругъ, какъ бы внезапно пробужденная, громко сказала: „Я нашла причину! Ты не можешь перпѣшь меня за то, что не могу принести дара тебѣ достойнаго!“

Попомѣ, какъ будто въ изступленіи, возложавъ руку на мое сердце, она продолжала: „Воинъ! сердце твое не шрепещетъ подѣ рукою любви, но можешь быть оно забьется передѣ шрономъ и короною? Говори, хочешь ли царства? Галльская жена обѣщала тебѣ Діоклипіану; Галльская жена тебѣ тебѣ предлагаетъ: она была только пророчица; а я пророчица и любовница, могу все для тебѣ; тебѣ извѣстно, что мы располагали порфиною. Въ тайнѣ вооружу нашихъ воиновъ. Тевпатесъ къ тебѣ обратишся, и силою чародѣйства преклоню небеса въ твою пользу. По моему гласу Друиды двинушся изъ лѣсовъ; сама выступлю на бой съ дубовой вѣшвою въ рукѣ; и если судьбы будущъ къ намъ строги, то ешь въ Галліи пещеры, гдѣ скрою моего супруга, какъ новая Епонина. О злополучная Велледа! имя супруга на устахъ твоихъ; а ты, никогда любима не будешь.“

Голосъ юной дѣвы замираетъ; рука ея, къ сердцу моему приложенная, опускаетъ опѣ слабости; она преклоняетъ голову, и

жаръ ея гаснетъ въ быструмъ пошкѣ слезъ.

Съ того часа началъ я ужасаться ея спрасли и опчаеваться въ моей побѣдѣ. Чувства мои волновались, когда Белледа говоришь переспала, и во весь пошъ день на сердцѣ моемъ еще лежала горячая рука ея. Но чтобы испыташь послѣдній способъ къ моему спасенію, я принялъ мѣры, копорымъ надлежало упредить бѣдспвіе, но копорыя прошивъ чаянія довершили его: пакъ Богъ наказываетъ слабымъ!

Совершенное выздоровленіе Сегенакса и непреодолимое искушеніе любви подали мнѣ мысль освободитъ моихъ заключенныхъ подъ видомъ именнаго повелѣнія отъ Кесаря. Белледа хотѣла видѣться со мною передъ отъѣздомъ; но я отказалъ ей, чтобы ея и себя избавить отъ лишняго мученія: дочерняя любовь не позволила ей разлучиться съ отцемъ, и она удалилась съ нимъ изъ замка; а на другой день явилась передъ крѣпостію. Ей объявили, что нѣтъ меня въ замкѣ; она опустила голову и безмолвно возвратилась подъ сѣнь дремучаго лѣса. Нѣскольго дней сряду она всхупала во врата крѣпости, и пошъ же ожившъ принуждалъ ея удаляться. Въ послѣдній разъ она долго спояла, прислонясь

нѣ дереву и смотря на стѣны крѣпости. Я видѣвъ ее въ очно и не могъ удержашься отъ слезъ. Наконецъ тихими шагами она удалилася, и съ тѣхъ поръ не возвращалася.

Я отдохнулъ немного, и надѣялся, что Велледа изцѣлилася наконецъ отъ любви своей. Наскуча заключеніемъ, изъ котораго долго не смѣлъ выйтишь, я накінулъ на плеча медвѣжью кожу, вооружился копьемъ, и вышуня въ открытое поле, взиралъ съ высокаго холма на море, шумящее у его подошвы.

Подобно Улиссу тоскующему обѣ Ипакѣ, или подобно Троянкамъ заточеннымъ на поляхъ Сицилійскихъ, слѣдовалъ и взоромъ за теченіемъ бурныхъ волнъ, и проливалъ слезы. Я родился и выросъ на берегу моря, говорилъ и самъ въ себѣ, и внималъ еще въ колыбели унылому шуму водъ. У сколькихъ береговъ стоялъ я передъ тѣною и плескомъ шѣхъ самыхъ валовъ, которые на семъ мѣстѣ приливаютъ къ берегу! Кто могъ предсказать мнѣ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, что со мною воспомнушъ на берегахъ Галліи шѣ волны, которые въ глазахъ моихъ кашилися по злашному песку Мессеніи? Гдѣ предѣлъ спиранической жизни моей? Блаженъ, если

бы смерть поспигла меня до вспуления на путь земнаго спранника, и до поднятїя бремени земнаго пруженика! —

Такъ размышлялъ я, когда въперъ принесъ ко мнѣ звуки гитары и голоса чело-вѣческаго. Сїи звуки, прерываемые молчанїемъ, спноомъ въпра и береговъ, и динимъ крикомъ морскихъ пшицъ, являли нѣчто прелестное и суровое. Я увидѣлъ топчасъ Велледу, сидящую въ дубравѣ. Безпорядокъ одѣянїя показывалъ состоянїе ума ея; на ней было ожерелье изъ ягодъ шиповника; у груди висѣла гитара на перевязи, свисной изъ поблекшихъ цвѣтковъ и увялаго моха; на голову накинутае бѣлое покрывало одѣвало ее до ногъ. И въ семъ чудномъ нарядѣ, съ блѣднымъ лицемъ, съ глазами красными отъ слезъ, она сіяла еще красотою бессмертною. Ее видно было за куштомъ засохшимъ: такъ пѣснопѣвецъ изображаетъ шѣнь Дидоны за мирповымъ лѣсомъ, подобно лунѣ, свѣпящейся за понкимъ облакомъ.

Невольное движенїе мое заставило дочь Сегенакову оглянувшись. При встрѣчѣ нашихъ взоровъ томная радость изобразилась на лицѣ ея. Съ шайнственнымъ знакомъ руки она воскликнула ко мнѣ: „я знала, что приманю шебя силою моего волшебнаго голоса“ — сказала и запѣла:

„Алкидъ посѣтилъ цвѣщую Аквишаню, и Пирена, Царевна сей спраны благо-
словенной, возлюбила Греческаго вишязя;
„ибо Греки прогали всегда женское сердце.“

Велледа вспала, приближилась ко мнѣ, и сказала: „Какое-то непобѣдимое очарованіе влечетъ меня по слѣдамъ швоимъ; скишаюся вокругъ швоего замка, и сердце мое рвется къ тебѣ черезъ каменные преграды. Но я заговорила чародѣйныя заклинанія. Ничто не успоишь противъ нихъ. Подкрадуся къ тебѣ на лучахъ мѣсяца, заворкую передъ тобой въ образѣ горлицы, и буду день и ночь лешашь надъ швою башнею, гдѣ ты обитаешь. Еслибъ знала, кто для тебя пришлѣ . . . то могла бы . . . но я не хочу. Нѣтъ! ты любилъ бы тогда не меня, а шощь видѣ, которыи бы я приняла на себя.“

При семъ словѣ шажкое спенаніе вырывается изъ груди ея. Скоро перемигнувъ мысли и какъ бы чипая въ глазахъ моихъ, воскликнула: „Знаю: Римлянки испощили швое сердце! ты любилъ ихъ безъ мѣры! Но развѣ Римскія красавицы прелестнѣе нашихъ? Не шакъ бѣлы и чиспы лебеди, какъ наши Галльскія дѣвы; въ нашихъ глазахъ лазурь небесная; наши власы шакъ прекрасны, что Римлянки осбня-

юшѣ груди свои сими заемными кудрями; но чистая лишвенная зелень есть только украшеніе для того дерева, на кошоромѣ она призрастѣаетъ. Видишь ли кудрявые власы мои, до земли вѣющіеся? Еслибѣ я хошѣла усшунить ихѣ, то они разсыпались бы нынѣ по плечамѣ царицы; я сама украшаюсь ими для себя, какѣ царскою короною. Развѣ ты не знаешь, что наши ошцы, наши брашья, наши сшпруги находятъ къ насѣ божештво? Конечно лживая молва воспрубила, что Галльскія жены вѣшпенны, легкомысленны, невѣрны? Ахѣ! не вѣрь ей рѣчи. Вѣ попомстивѣ Друидовѣ спрасши важны и слѣдешвія ихѣ грозны.“

Я схватилѣ руки несчастной, и прижавѣ ихѣ къ моему сердцу, сказалѣ нѣжнымѣ голосомѣ: „Велледа! если ты хочешь доказать мнѣ любовь свою, то возвратишя къ ошцу швоему; его спаросши шребуешѣ швоей опоры. Не предавайся горешши, кошорая помрачаешѣ швой разумѣ, и сведешѣ меня въ могилу.“

Я спустился съ холма Велледа слѣдовала за мною. Мы шешшвовали по дебрямѣ, усѣяннымѣ муравою и кустарниками.

„Еслибы ты любилѣ меня“ говорила Велледа „съ какимѣ сердечнымѣ наслажденіемѣ общеали бы мы сіи дебри и доли!“

Какое утѣшеніе бродить съ тобою по симъ уединеннымъ пропинамъ, подобно агницѣ, зацѣплявшейся за шерновые кусты и оставившей на нихъ клочки мягкаго пуха. . .“ —

Голосъ ея перервался; она взглянула на свои руки похудѣлыя, и съ улыбочкою примолвила :

„И меня уязвилъ колючій шерновникъ въ пуспынѣ; и я предаю ему ошпашки слабаго бышїя моего.“

Погружаясь снова въ задумчивость, она воскликнула черезъ минуту молчанїя: „На берегу ручья, у подошвы горы, подъ кровомъ шого лѣса, на шѣхъ браздахъ, гдѣ пробивается первая зелень, копорой не дождуся, мы любовались бы закатомъ вечерняго солнца. Иногда, въ часы бури, прихаясь подъ соломеннымъ вровомъ, или у развалинъ вепхаго зданїя, мы внимали бы вмѣстѣ спону вѣпра, свирѣпствующаго подъ грознымъ небомъ. Ты думалъ, можешъ бышь, что въ обманчивыхъ мечтахъ блаженства представлялась мнѣ доля царей, пышность чертоговъ, сокровища злата? Увы! я возсылала на небо другїя скромнѣйшїя моленїя, и небо ихъ не исполнило. Никогда не встрѣчала я въ лѣсу подвижнаго шалаша пастушескаго, безъ шого чшобы не представлялась мнѣ сладкая мысль, что съ тобою довольно.

бы мнѣ было и сего убогаго шалаша. Веселѣе и блаженнѣе кочующихъ Скивоувъ, мы переносили бы нашу хижину изъ пустыни въ пустыню, и жилище наше, подобно жизни, не заключалось бы въ пѣсныхъ предѣлахъ.“

Мы вступили во внутренность сосноваго лѣса. Велледа оспановила меня и сказала: „Здѣсь обитаешь мой родитель; не спускай на сѣю землю; онъ укоряетъ тебя въ любовномъ согласіи съ его дочерью. Ты можешь безъ спраданія видѣть скорбь и поску мою; ибо я имѣю силу и молодость; но слезы спарца переломятъ сердце. Я сама приду къ тебѣ въ замокъ.“ Произнеся послѣднее слово, она удалилась скорыми шагами.

Сѣя неожиданная встрѣча ввергла меня въ безпамятство. Такова сила спраспи, что не имѣя въ ней участія, человекъ дышетъ въ ея спихіи зловреднымъ огнемъ, который приводитъ его къ упоенію. Нѣсколько разъ, когда Велледа извѣсняла мнѣ нѣжную спраспь свою, нѣсколько разъ я гошовъ былъ упасъ къ ногамъ ея, изумишь ее преклонностію моего сердца, восхищитъ ее признаніемъ въ моей слабости. Меня спасло только сожалѣніе къ участи несчастной; а сѣе сожалѣніе наконецъ по-

губило меня, опняявъ послѣднїя силы. Я чувствовалъ себя беззащитнымъ противъ Велледы и любви ея; я обвинялъ себя въ ея спраспи и въ спрогоспи моихъ правилъ. Такой печальный опытъ мудроспи опврашилъ меня опъ самой мудроспи, и слабость со дня на день возрасшала.

Прошелъ нѣсколько дней; Велледа не являлася въ замокъ, не смотря на ея общанїе, и неизвѣстность меня успрашала. Съ волнующейся душою хотѣлъ я идти прямо къ опцу ея, какъ вдругъ вѣстникъ предспалъ предо мною съ увѣдомленїемъ, что многочисленныя суда Франковъ снова показались у береговъ Арморики. Мнѣ пошчасъ надлежало опсправиться къ тому мѣспу. День былъ пасмурный, и порывы сильнаго вѣспра казались преднечею скорой бури. А какъ варвары пользуются всегда для высадки войска такими бурными днями; по я удвоилъ мою бдительность, разспавилъ спражей по берегу, и укрѣпилъ мѣспаша опкрышыя. Цѣлый день прошелъ въ сихъ рабопахъ, и ночь, принеся къ намъ бурю, съ нею принесла новое сомнѣнїе.

У одного крушаго и песчанаго берега, на кошоромъ едва проросшашъ права сквозъ вязкой песокъ, надъ самымъ моремъ возносяшся сполпы Друидскихъ камней, на

подобіе надгробнаго памятника. Сїи камни, обуреваемыя вѣтрами, дождями и морскими волнами, споятъ уединенно между моремъ, землею и небомъ. Ихъ происхожденіе скрывается во мракѣ древности. Но Галлы не приближающія къ симъ камнямъ безъ великаго страха; шамъ видятъ имъ блудящїе огни и слышатся голоса мерщвецовъ.

По дикости сего мѣста, и по ужасу пѣвъ производимому въ Галльскомъ народѣ, я ожидалъ шамъ высадки варваровъ, для чего приспавилъ спражу къ берегу, и самъ рѣшился провести ночь въ семъ мѣстѣ.

Невольникъ, посланный мною съ письмомъ къ Велледѣ, возвратился безъ оповѣща. Ее не было у отца; жрица удалилась изъ дому въ прешнемъ часу дня, и никто не зналъ куда она скрылась. Сїе извѣстіе поразило меня. Съ растерзаннымъ сердцемъ уединился я опѣ спражи на другой конецъ ряда камней: вдругъ передъ моими глазами нѣчто движется въ шѣни, съ чувствительнымъ шорохомъ. Я обнажилъ мечъ, вскочилъ съ мѣста, и прямо успремился къ призраку бѣгущему. Какое удивленіе, когда я схватилъ Велледу!

Какъ! сказала она тихимъ голосомъ, ты здѣсь? Развѣ ты зналъ, что я скрыла-

ся въ семъ мѣстѣ? — Нѣтъ, отвѣчала я; но какъ ты сама здѣсь? Не уже ли ты задумала измѣнить Римлянамъ? — Измѣнить! повѣровала она съ негодованіемъ. Я являясь тебѣ неимѣшь никакого прошивъ тебѣ умысла: будь повоинъ; но иди за мною и ты узнаешь мое намѣреніе.

Мы приблизились къ одному изъ Друидскихъ камней, и она взвела меня за руку на высочайшій и осирѣй конецъ стоящей скалы. Море волновалось подъ нашими ногами съ дикимъ ревомъ. Водяные вихри его, движимые въпрямъ и бурей, плескали на насъ пѣну и огненные искры. По небесамъ неслися тучи передъ луною, которая сама быстро шекла черезъ ряды черныхъ пятенъ.

„Повѣрю тебѣ великія таинства! воскликнула Велледа: На семъ берегу обитающъ рыболовы тебѣ неизвѣстные. Съ первыми пѣснями вѣшника полуночи нѣкто спущивъ на порогъ ихъ хижины, и воззоветъ ихъ отъ сна голосомъ кропкимъ. Тайная сила увлечетъ ихъ къ берегу. Тамъ предспаваятся имъ ладьи, нагруженные тѣнями мершвыхъ, и едва не утопающія отъ тягости; но имъ покажутся ладьи пустыми. Въ часъ совершатъ рыболовы сущочное спранствіе, и съ тѣнями при-

спанушѣ къ оспрову Брипанскому. Послѣ высадки шайный голосъ перечешѣ новыхъ пришельцовѣ передѣ спражею душѣ: и если въ ладѣ приплывушѣ жены, шо провозгласишѣ имя ихѣ супруговѣ. Жесткой! не лзя будешѣ провозгласишѣ моего супруга!“ —

Я спарался вывести Велледу изѣ ея безпамятства и суевѣрїя; но жрица, какѣ будшо бы я оскорбилѣ божество, воскликнула грозно: „Умолкни! скоро огненный столпѣ явишѣ предпечео мершвыхѣ. Слышишѣ ли какѣ они спонушѣ?“

Велледа замолчала, и вслушивалась въ спенанїя. Черезѣ нѣсколькѣ минушѣ молчанїя она повпорила: „Когда меня не будешѣ на свѣшѣ, пиши ко мнѣ о моемѣ родителѣ, и письма пересылай съ шѣнїями мершвыхѣ. Въ селенїяхѣ любви и памяти я буду чишачѣ ихѣ съ воспоргомѣ, и мы будемѣ бесѣдовать съ двухѣ споронѣ гроба.“

При семѣ словѣ свирѣпный валѣ, ударившїйся о скалу, попрясѣ ея основанїе. Сильный порывѣ вѣпра развоилѣ черную шучу, и блѣдный лучѣ звѣзды скашилсѣ съ небесѣ на море. Берега спенали; морскїя пшпицы на опшѣляхѣ сидящїя наполнили воздухѣ крикомѣ, подобнымѣ унылому

воплю упоающаго челоѡка. Приведенная въ ужасѡ спража закричала къ оружію. Велледа вспрепенулась, и съ распросшерпыми руками, воскликнула: „зовушѡ меня! зовушѡ!“ и потѡ часѡ сверглась бы въ море, еслибѡ я не удержалѡ ее за покрывало. . .

Сей случай испоцилъ мои силы; я не могѡ уже сражаться съ любовію несчастной Велледы. Ея красота, ея спрось, ея опчаянїе привели меня самаго въ безпамяштво. Нѡшѡ! воскликнулѡ я во мракѡ ночи и бури: нѡшѡ, не имѡю силы бышѡ хрїстїаниномѡ. И заключивѡ Велледу въ мои объашїя, примолвилѡ съ нѡкоторымѡ изспуленїемѡ: и ты будешѡ любима! —

Несчастливая возвратилась къ жизни, или справедливѡе сказать не хотѡла смерши. Она безмолспвовала въ нѡкоторомѡ изумленїи, которое приносило ей въ одно время шяжкую муку и неизреченное блаженштво. Любовь, совѡшѡ, спыдѡ, спрахѡ и сомнѡнїе волновали ея душу; она не вѡрила, чшобы я споялѡ передѡ нею, потѡ самый челоѡкѡ, который до того часа былѡ шакѡ нечувспвишпеленѡ; взирала на меня какѡ на привидѡнїе ночи, и осызала мои волосы и руки, чшобы удосповѡришѡся въ испинѡ бышїя моего. А мое счастье уподоблялось опчаянїю, и кпобѡ видѡлѡ насѡ

въ нѣдрахъ любовнаго блаженства, тогда принялъ бы обоихъ за пресупниковъ на казнь идущихъ.

Съ того часа сдѣлался я въ самомъ дѣлѣ пресупникомъ въры и заговорилъ языкомъ богохулишеля: „Велледа! воскликнулъ я: будемъ только жить другъ для друга; опречемся опъ боговъ; безпокойная совѣсть умолкнешь передъ небесными радостями. Для чего боги даровали намъ спраши непобѣдимыя? Да карають насъ, если мы виновны въ томъ, что пользуемся ихъ дарами. Съ своимъ дыханіемъ впиваю въ себя сладость любовной спраши, и когда добродѣтель гаснетъ въ сердцѣ, приобретаемъ по крайней мѣрѣ муки вѣчности всѣми наслажденіями жизни.“

Плававъ и улыбаясь въ одно время, Велледа, счастливейшая и злополучившая изъ тварей, внимала мнѣ въ молчаніи. Заря блѣбла на небѣ. Неприятеля не видно было. Я возвратился въ замокъ вмѣстѣ съ бѣдною жершвою. Двукратно ночь одѣвала наши слабости темнымъ покровомъ, и двукратно упренія звѣзда выводила къ намъ стыдъ и раскаяніе. Съ прешней зарею Велледа возсѣла на мою колесницу, чтобы посѣпить отца своего. Едва она скрылася, вдали надъ лѣсомъ

поднялся столпъ огня и дыма. Мнѣ объявили, что изъ селенія въ селеніе передается голосъ народа, по обыкновенію Галловъ въ знакъ великаго происшествія. Я заключилъ изъ того, что Франки выступили на берегъ, и спѣшилъ къ лѣсу съ воинами.

Скоро встрѣчаю я отовсюду бѣгущихъ поселянъ, съ копорыми соединяется многочисленная толпа, но мнѣ идущая. Я двинулся съ моимъ воинствомъ на встрѣчу сельскаго ополченія. Но въ нѣожгомомъ разстояніи удерживаю своихъ воиновъ, и выступая впередъ, говорю: „Галлы! на кого идете вооруженною рукою? на Франковъ или на насъ. Подаете ли мнѣ руку помощи, или объявляете себя врагами Кесаря?“ —

Спарецъ выступаетъ изъ рядовъ. Едва рамена его сдерживаютъ шагосшь брони, и копье дрожитъ въ рукъ его. О изумленіе! Я узнаю тѣ самыя лапы, копорыя висѣли въ лѣсу Друидовъ. О спыдъ! о горесшь! То былъ почтенный воинъ Сегенаксъ.

„Народъ! восклицаетъ спарецъ: клянуся симъ оружіемъ юношескихъ и бойрыхъ лѣтвъ моихъ, сняшымъ нынѣ съ того дерева, копорому его посвятилъ, клянусь, что сей Римлянинъ обезславилъ сѣдины мои.

Наперспниѣ примѣчалъ за моею дочерью лишенною разсудка, и былъ свидѣтелемъ его преспуленія. Онъ погубилъ честь жрицы и дѣвы Слинской. Опмсшише за дочерей и супруговъ, опмсшише за боговъ вашихъ!“

Изрекъ и пуспилъ въ меня копье безсильною рукою. Оно упало къ ногамъ моимъ; но я благословилъ бы его, еслибъ оно пронзило мое сердце. Галлы съ громкимъ воплемъ на меня спремяшся; мои войны укрывающъ и защищающъ меня. Напрасно хочу прекрашшь бой; брань свирѣпсшвуешъ, и во всѣхъ концахъ воинсшва гремишъ вопль мести и опчаянія. Казалось, будшо невидимыя божесшва Друидовъ побуждали Галловъ къ убійсшву и кровопролитію, шакъ яросшно мешала рука ихъ копья и спрѣлы. Не примѣчая ударовъ на меня усшремленныхъ, я спарался шолько о спасеніи Сегенакса; но въ самое по время когда я освобождалъ его изъ рукъ воина, и топовился закрыть щипомъ моимъ; изъ середины шолны копье вылецаешъ и съ ужаснымъ свиспомъ вонзаешся въ сердце слабаго спарца. Онъ падаешъ мершвыи подъ сѣнію опечесшвеннаго дуба, какъ дрѣвній Пріамъ подъ лавромъ, вѣнчавшимъ его домашніе жершвенники.

Въ ту минушю на концѣ поля показывается колесница. Наклоненная впередъ жена, съ распрепанными власами; ускоряешъ бѣгъ коней и стремишся воскрились ихъ. Велледа не застала опца своего; но узнала, что онъ собиралъ народъ для опмщенія ея чesпи. Жрица, угадывая что любовь ея не ешь уже шайна, и оплакивая свое заблужденіе, лепишъ по слѣдамъ старца, досіпигаешъ до поля брани, скачешъ черезъ ряды воиновъ, и видишъ меня спенящаго надъ мершвымъ тѣломъ опца ея. Несчастная дочь удерживаетъ коней и говоришъ съ вышины колесницы: „Народъ! прекрапи брань. Я виновница вашего бѣдспвій; я убійца моего родишеля. Не проливайте крови вашей за дочь недоспойную. Римлянинъ безвиненъ; сама жрица Слинская предалася ему; сама нарушила обѣны дѣвспвенныя. Смершь моя да возвратишъ спокойшвіе опчешеству!“ —

Тогда, сорвавъ съ чела своего цвѣшпочную корону и снявъ съ пояса золошый серпъ, какъ бы для принесенія богамъ жершвы, она громко сказала: „не оскверню болѣе сихъ украшеній Веспалки!“

И пошчасъ она заносишъ на сердце острое оружіе: кровь брызжешъ. Какъ жница, докончившая шрудъ свой, и съ упо-

мленіемъ засыпающая на браздахъ нивы; Велледа клонилъся на колесницу; нѣмбющая рука выроняешъ серпъ злшый, и глава снапыиваешся на плечо. Языкъ ея хочешъ еще наименовашъ любезнаго для нее чело-вѣка, но уста произносяшъ одни неясные звуки: непобѣдимый сонъ, закрывъ очи пре-красной жены, представляешъ ей меня и любовь уже въ однѣхъ сновидѣніяхъ.

Проспшите слезамъ, пекущимъ изъ глазъ моихъ. Не буду говорить, какъ во-ины удержали меня и не допустили къ Велледѣ, лишаящей себя жизни. Такъ уго-дно было небу, чшобы я не видался уже никогда съ шюю, кошорой я погубилъ спо-койствіе. . . .

Шалобріанъ. В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ода на истребленіе враговъ и изгнание ихъ изъ предѣловъ любезнаго Отечества.

Возспанъ , о Муза вдохновенна ,
Ко солнцу очи возведи ;
Дѣль громкихъ звукомъ возбужденна
Дерзай — и къ Пинду вновь гради !
Настрой златыя лиры спруны ,
Гласи , что Россіе перуны
Врага сразили , стерли въ прахъ ;
Скажи Европѣ изумленной ,
Что Россѣ , побѣдой возвышенный ,
Хранишь судьбу ея въ рукахъ !

✽

Въ насѣ силы духа упали ,
Скорбѣлъ встревоженный Парнасѣ ;
Ужь звуки лирные молчали ,
Печалей раздавался гласъ !
Годъ новый — съ нимъ и чувства новы !
Среди снѣговъ — вѣнцы лавровы ! —
Свободнѣи бѣжшя въ насѣ сердца !
Повѣдай Муза , какъ Россія
Разрушила навѣшты злыя ,
Какъ врагъ исчезъ съ ея лица !

✽

Я вижу страшнаго дракона ,
Парящаго въ огнистой мглѣ ;
На немъ желѣзная корона ,
Смерть , ужасъ носилъ на челѣ ;

М ѡ

Въ чреслахъ онъ шартаръ весь вѣмѣщаетъ ;
Ревешъ и пламень изрыгаетъ ,
Крылами воздухъ онъ мрачитъ :
Въ стремленіи неизмѣримомъ
Клубясь въ искрахъ съ чернымъ дымомъ ,
На Полночь съ Запада паритъ .

Такъ гнѣвомъ , яростью горящій
Сынъ адской пшмы , Наполеонъ ,
Идетъ съ десницею грозящей
И мнитъ Россіи дашъ законъ ;
Въ ея вторгаешься предѣлы ;
Коварства ядъ и лести спирѣлы
Отъ смрадныхъ устъ его летятъ
Имъ грады , веси разорились ,
Имъ храмы Божьи осквернились :
Всѣ бѣдства въ слѣдъ за нимъ спѣшатъ .

Но что я вижу ? — Духъ крылатый
Лепитъ на рдяныхъ облакахъ !
Блеститъ броня и шлемъ пернатый ,
Церуя и огонь въ его рукахъ ;
Онъ ихъ въ дракона злобы мечетъ :
Кичливый сонмъ его прещетъ ,
Низверженъ съ горъ , спремглавъ упалъ ,
И въ ярости своей безмѣрной
Въ кипящей адской безднѣ сѣрной
Добычей лютой смерти сталъ .

Такъ Богомъ избранный чудесно
Великій храбрый Россовъ Вождь
Свершаетъ мщеніе небесно ,
Какъ громъ , какъ вихрь , какъ градъ , какъ дождь ,
Какъ шуча грозна налетаетъ ,
Враговъ разитъ и сокрушаетъ ;

Персть, кости шолько видны ихъ
Среди побѣдъ, профеевъ дивныхъ; —
Не такъ ли злыхъ духовъ противныхъ
Съ небесъ каралъ Архіспрашгъ!

Гдѣжѣ адски скрылись исполины,
Мечпавши спать на верхъ небесъ?
Гдѣжѣ мнимые полки орлины,
Производишели чудесъ?
Какъ мгла, исчезли легионы;
Вдали оспашковъ слышны споны:
Какъ прахъ, васъ всѣхъ развѣялъ Россъ!
Но гдѣ вашъ вождь, покрытъ кровями?
Какъ робкій звѣрь, бѣжитъ дѣсами!
Гдѣ ты, шагчившій всѣхъ, колоссъ?

Не тыль возмнилъ себя прославишь,
Подрывомъ всѣхъ Кремлевыхъ стѣнъ!
На камнѣ камня неоспавишь —
Твой злобный духъ былъ устремленъ:
Подвелъ подкопы непримѣны;
Но чтожь? Твои всѣ ковы щещны;
Ты жегъ Москву — оставилъ смрадъ;
Но цѣлы древности почтенны;
Не всѣ побою сокрушенны!
Не ты ли новый Героспрашъ?

Кремлевы стѣны знаменны!
Тебѣль, шебѣль ихъ колебать?
Онѣ кровьюми Дворянъ омышы,
На нихъ священная печать
Блаженства нашего и славы;
Кровьюми начерпанны уставы
Любви и вѣрности къ Царямъ;
Москва, какъ феиксѣ, обновилъся,

Изъ пепла въ блескъ возродился,
Главу возвыситъ къ облакамъ.

А ты бѣжишь, о врагъ вселенной,
Почувствовавший Россю громъ!
Явись Европѣ удивленной
Покрытый срамомъ и стыдомъ,
Явись поруганный съ поскою
Къ Царямъ, обманутымъ побою,
Скажи, каковъ есть Россій мечъ,
Скажи, какъ онъ карать умѣетъ:
И ктожъ изъ нихъ шеперь посмѣетъ
Рабовъ къ предѣламъ нашимъ влечь?

ЦАРЬ Россю! ЦАРЬ сердець, полсвѣща!
ТЫ нашихъ радостей вина:
Не ТЫ ли мудростью совѣща
Прославилъ наши знамена!
Всѣхъ благъ ТЫ красная денница!
Не явноть Божія десница
ТЕБѢ побѣды лавръ дала?
Не ТЫ ли съ благостью прощаешь,
Любовью, милостью вѣнчаешь
Геройски славныя дѣла?

ТОВОЙ Европа ограждена,
Избѣгаетъ козней и коварствъ;
ТЕБѢ самимъ Творцемъ вручена
Судьбина и Царей и Царствъ;
ТЫ укротишь свирѣпства брани,
Прострешь къ несчастнымъ щедры длани,
Избавишь страждущихъ отъ золь;
И кто къ ТЕБѢ главу приклонитъ,
Изъ сердца скорбь и мракъ изгонитъ:
Тамъ радость, миръ, гдѣ ТВОЙ Престолъ,

Россіи честь , краса Героевъ !
Мечъ Божій Вишязь Михаилъ !
Надежда , щитъ Россійскихъ строевъ !
Тобой самъ Богъ врага казнилъ !
Тебѣ единому прилично
Сражашься чудно , необычно ,
Сбирая лавры и зимой ,
Раждая огонь средь льда и хлада ;
Ты Россовъ слава и ограда ,
Ты будешь всѣхъ вѣковъ Герой !

✽

Велики подвиги конечно
Спрашишь побѣдами Стамбулъ !
Намъ незабвенны будутъ вѣчно
Рымникъ , Силиспрія , Кагулъ !
Но спась Европу , спась Россію ,
Попрашь ногою льва и змію ,
Когда къ намъ вѣ седце врагъ вошелъ :
Се подвигъ дивный , несравненный ,
Отъ Бога силъ благословенный ,
Всѣхъ высшій громкихъ Россовъ дѣлъ !

✽

А вы лишены войною
Супруговъ , брашьева и дѣшей !
Не рвишесь горестію злою ,
Оприше слезы отъ очей ;
Самъ Богъ вамъ будетъ утѣшитель ;
Онъ всѣхъ судебъ единъ Правитель :
И жизнь и смерть въ Его рукахъ ;
Въ Немъ сирые найдутъ подпору :
Предстаньте только Царску взору ,
Исчезнутъ въ васъ печаль и спрахъ .

✽

Россія ! Богомъ огражденна ,
Предъ Нимъ колѣна преклони !
Ты Имъ избавленна , спасенна ,
Ты Имъ вкушаешь сладки дни ,

Изъ древнихъ спѣвъ и мной благословенныхъ
мѣстъ ;

Да идетъ страхъ передъ тобою ,
Да двинется народъ мой къ бою ,
И славой возгремитъ до звѣздъ .

Свершился судъ Его. Злодѣй полсытый кровью
Спрямглавъ пущился въ бѣгъ. А сильный
Россѣ любовью

Къ Отечеству, къ Царю, къ священнымъ ол-
шарямъ ,

Ударилъ въ слѣдъ на сопоспаша ;
Съ ударомъ Русскаго булата
Богъ силъ и воинствѣ грануль самъ .

И потъ, кто возсидѣлъ на западномъ престолѣ,
Звергалъ народы въ плѣнъ, царей влачилъ къ
неволѣ ,

И съ ними спроемъ шелъ пожитишь нашъ въ
нецѣ ,

Тотъ, съ горстью силъ, въ виду колосса,
Сстоящаго спѣною Расса ,
На потъ рашномъ ешалъ бѣглецъ .

Такъ въ мракѣ невзначай, когда орлины клики
Спихающъ подъ крыломъ ихъ спражи и вла-
дыки ,

Въ гнѣздо молодыхъ орловъ влетаетъ хищный
вранъ :

Но гласъ орла къ сынамъ несется ;
Полкъ орлій вокругъ его сомкнется ,
И мигомъ хищникъ гнѣздъ погранъ .

А ты, водимый полкъ орловъ рукой Героя,
Къ побѣдамъ ошъ побѣдъ, ко бранямъ ошъ
мокоя !

И ты, ты, Господомъ возлюбленный народъ!
Васъ лавръ безсмертія вѣнчаетъ.
Вамъ воля Вышняго вручаетъ
И жезлъ судьбы, и смертныхъ родъ.

Ликуй Опечеснво, и Россій ЦАРЬ Державный!
Народъ Твой, вѣрностью къ Царямъ издревле
славный,
Ко шрону приступъ злыхъ самъ грудью отпра-
зилъ.

Удары вражьи были скоры;
Но Россѣ Твой ускорилъ опоры.
Кто прошивъ Бога Русскихъ силъ?

Кто впредь дерзнетъ на брань, о Россѣ! съ
непобѣдимымъ
Россійскимъ воинствомъ, съ Монархомъ столь
любимымъ,
Когда предъ ними палъ всемогущій языкъ,
Легли во прахъ Енцелады.
Тамъ крѣпкія въ сердцахъ ограды,
Гдѣ вѣрою народъ великъ.

Се къ Россамъ въ праурѣ Европа взоры мечетъ
И молитъ ихъ: да врагъ сильнѣе вострепещетъ,
Да вдаль путемъ побѣдъ печетъ ихъ ратный
спрой;

Какъ нынѣ своему народу,
Да возвращать другимъ свободу,
Да въ мірѣ воцаряетъ покой!

Выжъ; въ брани падшіе Герои! ваши тѣни
Священны; мы падемъ предъ ними на колѣни.
Герои въ памяти Опечеснва живутъ.
Вамъ данъ приносятъ миллионы,

Вамъ, Кульневы, Баграціоны,
Тучковъ, Денисьевъ, Багговушъ!

Влад. Измайловъ.

1812, Декабря 3 дня.

Ряжскъ.

~~~~~

Къ лордпрету сестры П. В.

Какъ словомъ ангела хвалишь?
Наименуй ее — и полно.
Но видѣшь и ее любишь
Нельзя насышишься довольно.

Влад. Измайловъ.

~~~~~

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

О талантахъ стихотворца (*).

Въ предыдущемъ Чтеніи своемъ, милоспивыя государыни и милоспивые государи, спарался я доказать, что искусство и успѣхи въ стихотворствѣ предполагающъ и великіе таланты, и великіе труды; я также опровергнулъ нелѣпое мнѣніе шѣхъ, которые утверждающъ, что стихотворцу ненужно ученье, и что талантъ его все замѣняетъ. — Подкрѣплю мысли свои словами знаменитѣйшаго Пюеша, споль хорошо постигнувшаго свое искусство:

*Natura fieret laudabile carmen, an arte,
Quaesitum est. Ego nec studium sine divite vena,
Nec, rude quid prosit, video, ingenium. . .*

(*) Изъ чпанной въ 1812 году первой половины *Курса словесности*. Г. Профессоръ, занимая слушателей и слушательницъ своихъ правилами ееріи, старался сколь возможно избѣгать сухости. Омъ имѣлъ въ виду различіе между юношествомъ, ищущимъ единственно точныхъ познаній о наукѣ, и свѣтскими образованными людьми, которые

Какіе же сіи паланты исключительныя, отличающіе любимаго пишомца Музъ? — По какому знаменію допускаешься ты въ священному источнику Пипокрепы, и восходишь на крупую гору Парнассъ; недоступную для шѣхъ, которыхъ Минерва, въ минушу ихъ рожденія, не освятила благодѣтельной своей улыбкою? . . .

Quem tu Melpomené semel
Nascentem placido lumine videris. . . .

Все измѣряющіе Ученые, которые иногда, подобно челоукамъ Вольперовымъ; гнѣздящимся на ногтѣ Микромегаса; дающіе системы тому, чего сами не постигающіе, дѣляющіе обыкновенно способности души нашей на два рода, на *высшія* и *низшія*. — Одни называютъ *умственными*; другія *чувственными*; первыя оказывающіяся во всѣхъ высокихъ, или такъ называемыхъ основательныхъ наукахъ; послѣдними занимается Естествознавецъ, или наука Вкуса; ибо всѣ его творенія, по словамъ сихъ Ученыхъ, имѣющіе цѣлю воспламенить воображеніе и чувства. — Мы благодарны господамъ Ученымъ. Они нехотятъ уступать намъ много. — Ето значащіе; дающіе художникамъ и стихотворцамъ Амуровы сирѣбли; оныя которыхъ иногда кружилась и выпирен-

---

онъ чтеній его ожидали для себя удовольствій другаго рода. *Изд.*

няя глава великаго Юпитера. Когда воспламенено гоображеніе, пронушо сердце; тогда, что значить гордосць холднаго ума, облеченнаго во броню силлогизмовъ? — Не будемъ спорить, и разсмопримъ удѣлъ нашъ. — *Память и воспоминаніе, способность разлитъ идеи, или соединять ихъ, воображеніе, чувствительность и энтузіазмъ, разумъ, разумокъ, умъ, доброта сердца и вкусъ*: вотъ паланшы, изъ коихъ каждой болѣе или менѣе участвуетъ въ произведеніяхъ изящнаго, и всѣ, по различному смѣшенію своему, составляютъ различія между *геніями*. Въ поешъ воображеніе и чувство должны господствовать; но если разумъ не управляетъ ими, если приметъ на себя шрудъ, бытъ скромнымъ, невидимымъ ихъ путешественнымъ: то онъ теряютъ насюящую свою дорогу и заблуждаются. Оспрый умъ естъ глазъ генія; воображеніе и чувство его крѣпья. — Державинъ въ разобранной мною Одѣ имѣлъ орлиной взоръ, и при всѣхъ видимыхъ отшупленіяхъ, спремился быспроить солнцу. — А Г-нъ сочинитель Драмы, кошорой заставилъ спраспнаго любовника въ часы самые опасные опчиывать длиннымъ монологомъ упоившуюся свою любовницу, кажепся, въ етомъ случаѣ, имѣлъ шолью крѣпья безъ глазъ. И то надобно сязать, что всѣ выше упомянутыя мною

способности не суть необходимы для каждаго рода поэзии; но умъ вездѣ дѣйствуетъ. Умъ ложной искажаетъ всѣ паланшы; умъ поверхностной, мѣлкой, не умѣетъ ни однимъ изъ нихъ пользоваться.

Но сохранимъ порядокъ, принятой нами.

Я имѣлъ честь сказать недавно предъ симъ, что каждое изящное искусство, въ особенности занимается чувственными способностями нашей души, хотя оно въ то же время дѣйствуетъ и на высшія силы нашего ума. Что же принадлежитъ къ чувственнымъ или низшимъ способностямъ души? — Не однѣ только впечатлѣнія наружныхъ чувствъ, но и все то, что рождается въ умѣ чрезъ возобновленіе и сопряженіе прежде полученныхъ ею впечатлѣній: епо производится посредствомъ *памяти* и *воображенія*. Не можешь быть того въ умѣ, чего не было сперва въ чувствахъ: онѣ единственные пишатели души нашей; онѣ врапа, чрезъ копорыя приобрѣщаетъ она свои сокровища. *Впечатлѣніе*, *ощущеніе*, *чувствованіе*: вотъ степени къ ея святилищу. Вспрѣчаю цвѣшковъ; онѣ обратилъ на себя мое вниманіе: я ощущаю его дѣйствіе посредствомъ вида и запаха; я чувствую опвращеніе или любовь къ нему, и обнаруживаю свою волю приказаніемъ садовнику, чтобы

онъ сорвалъ его. — Воля производимая и удовлетворенная сладкими чувствованіями составляетъ главный предметъ всѣхъ представлений искусства.

Между наружными чувствами *слухъ* и *зрѣніе* — самые ревностные, неупоминемые служители; обогащающіе художника. Первой есть тонкой и строгой судья Поэзии; Красноречія и Музыки; другое цѣлище искусства образующія. — Непостижима премудрость Божественная; усовершенствовавшая споль чудесно сии органы; и одарившая ихъ, полюкою нѣжностію и быспропою! Они обнимаютъ весь міръ; и приносятъ отъ него дани на алтарь ума съ непонятною силою, скоростію и многообразіемъ. Но положимъ; что взоръ созерцалъ и кончилъ свои наблюденія; слухъ закрылся и не внимаетъ болѣе. — Тогда душа наша, какъ доброй хозяйки, обращается на безчисленные свои спяжанія; дабы расположить ихъ по порядку, дабы пользоваться ими съ благоразуміемъ. Мѣсто первыхъ смѣняется другая служебная сила души. Она представляетъ умному взору всѣ совершенные ею труды, наблюденія и опыты. Прошедшее становится настоящимъ: чрезъ нее возобновляется все что вы прежде читали, слышали, чувствовали, видѣли. Въ картинахъ ея соблюдены всѣ подробно-

ещи, самая мѣлкая, вся живость и разительность, всѣ отношенія предметовъ. Она ничего не теряетъ: все въ порядкѣ и цѣлости. Какъ же называется сей споль благошворной сокровищехранитель души? — Ешо *память*. — Иногда самая богатая память уподобляется кремнистой горѣ, въ неприступномъ сердцѣ которой заключено золото; или походитъ на скупца, которой бережетъ свое сокровище за замками и не пользуется ими. Надобно, чтобы она была щедрою, всегда открытою. При первомъ мановеніи ума должна отверзать она свою хранилищу и представлять ему все что будетъ нужно. — Такое свойство памяти, быстро возобновлять тысячи предметовъ *кслати*, весьма необходимо. Оно называется *воспоминаніемъ*. — Многіе *помнятъ*, но неумѣютъ *приминать* въ свое время.

Вы безъ сомнѣнія много разъ изволили видѣть людей воспорженныхъ, исполненныхъ своего предмета, которые въ изступленіи своемъ, какъ говорится, изъ мухи дѣлаютъ слона. Чего не придумываютъ они въ минушы своей меланхоліи, своего гнѣва, боязни, или сильныхъ желаній? Взволнованная душа, перебирая собственныя свои мысли, умножаетъ ихъ болѣе и болѣе. — Размышленіе въ поещѣ мо-

жетъ производить подобное дѣйствіе. Положимъ, что онъ намѣренъ живописать корабль среди бури въ рѣшительную минуту крушенія. — Съ начала сія картина представляется ему въ нѣкоторомъ мѣрѣ, въ отдаленіи; но онъ хочетъ ее приблизить къ себѣ: онъ озаряетъ ее свѣтомъ размышленія. Предъ очами его постепенно открываются всѣ ея части относительно къ водѣ, къ воздуху, къ самому кораблю. — Въ воздухѣ видятъ онъ бурные вѣтры, которые борются сами съ собою; тучи по-мрачающія небо сходятся, сливаются, и въ члостей воспламененныхъ молніею изрыгаютъ разрушительные громаы. — Въ морѣ являюся ему цѣністые валы, какъ горы возносящіяся до облаковъ; гладкіе хребты ихъ освѣчиваюся подобно хребтамъ огромныхъ змѣвъ, лежащихъ при сіяніи луны; громады водъ, висящія надъ безднами; корабль, который, кажется, готовъ уже быть ихъ жертвою; но онъ вдругъ восхищенъ на крутизну ближайшаго вала, и снова наклоняетъ въ бездну. — Обращишесь къ землѣ: вамъ представляюся оспрыя высокія скалы, о которыхъ разбиваеся море съ ужаснымъ ревомъ; около которыхъ плавають опломни корабля недавно погибшаго: несчастные мореходцы видятъ въ нихъ собственнѣйшій свой жребій! — Грозное предвѣспіе! — Что ви-

идите вы наконецъ въ корабль? — Райны, которые гнутся отъ усилія парусовъ полураздранныхъ, мачты переломанныя, упавшiя; бока корабля, ударяемыя волнами, прецѣпъ, угрожающъ распориться; кормчiй, истощивъ все свое искусство, предается опчаянiю; малпробы; изнуренныя безполезною работою; висятъ на веревкахъ, и жалостными криками молятъ Небо способствовать послѣднимъ ихъ усилiямъ. Подъ главной мачты видѣвъ герой: онъ ободряетъ ихъ; онъ желаетъ внушить въ сердца ихъ надежду, которой самъ неимѣетъ. Хотите ли еще сдѣлать картину ея болѣе прогашельною; болѣе ужасною? Представьте на корабль лица сжимающаго въ объятiяхъ объятiяхъ единственнаго своего сына; представьте супруговъ, любовниковъ нѣжныхъ; которые не словами; но взорами говорятъ послѣднее *прости!* . . . Онъ васъ записавъ сдѣлать корабль театромъ страстей; и возбуждать всѣ движенiя ужаса и состраданiя! . . . Таинств. образомъ отъ одной мысли родились многiя: — обильной запасъ для цѣлаго сочиненiя! Спихотерець невидаль Куликова поля; но онъ разсуждалъ; собиралъ все то, что могло происходить на сѣмъ полѣ Россiйской славы по всему возможному вброашiю — и составилъ картину. Таинств. же образомъ начершался Водопадъ Дер-

жавина, со всею прелестною своею дикостію, со всѣми величественными эпизодами. Чѣмъ болѣе размышляете, тѣмъ болѣе картина раскрывается предъ вашими очами. — Сія драгоценная способностъ, дарованная каждому человеку, называется *совокупленіемъ идей*, и способностію *растлить идеи*. Она даже не предполагаетъ особенной силы воображенія. Случается иногда, что она вредитъ успѣхамъ сочиненія самымъ своимъ изобиліемъ. — Образованный вкусъ никогда всего не живописуетъ; о нѣкоторыхъ предметахъ довольно намекнуть. Величайшее искусство не въ томъ, чтобы все живописатьъ, но умѣть выбрать самыя разительныя, самыя пламенные черты, которыя разбѣяны въ природѣ, и которыя возбуждаютъ въ воображеніи нашемъ полную, совершенную картину. Душа наша свободна и любитъ свободу. — Предоставляя ей самой дорисовываться, мы ей дѣлаемъ удовольствіе. Изображая всѣ подробности, мы ее упомяемъ, мы пошупаемъ съ нею точно такъ же какъ ширинскую епикетъ съ нѣкоторыми Королями, предписывая имъ время, часъ, мѣру и качество ихъ наслажденій! — Чего невозможно прибавить напр. для описанія всемірнаго попа? Всякой можетъ сдѣлать изъ сего всеобъемлющаго предмета картину, для которой невозможно сыскать

рамб! но живописецъ - поешъ весь всемирной попопъ помбщаетъ въ маленькой пруппб — въ одномб семейспвб, — и жарпина безконечна! Чбмб долбе на нее смолрише, шбмб болбе видите; вы дополняете ее безпрерывно собственнымб вашимб воображеніемб. — *Петровъ* овладбніе всбмб лагеремб Турецкимб подб предводительствомб Графа Румянцова описываетъ однимб стихомб: Я вижу, говоритъ онб:

Турецкіе шатры, Россійскія знамена!

Что можетъ быть етого короче и полнбе?

Но изъ всбхб способностей души, дбйствующихб въ пвореніяхб вкуса, нбшб ни одной важнбе, привлекательнбе, обольстительнбе *воображенія*! Посредствомб его представляемб мы ошсуществующіе предметы живо и разительно, и возбуждаемб въ другихб пб самыя чувствованія, которыя могутъ быть производимы только подлинниками. Кпо исчислишб всб безконечныя дбйствія сего могущественнаго чародбя! — Оно есть истинный пворецъ всбхб изящныхб наукб и искусствб; оно есть — первой ранній цвбтокб, развертывающійся въ разумнби нашемб, украшающій юныя наши занятія, наслажденія! Воображеніе — цблительной бальзамб для изнуреннаго забашами сердца въ лбша зрб-

лья : — оно подкрѣпляетъ хладную сла-
 рость, и на снѣгахъ разсѣваетъ еще
 нѣкоторыя цвѣты, если не весенніе, то
 по крайней мѣрѣ принадлежащіе поздней
 осени. Оно спомощь передъ страда-
 тель, лежащимъ на смертцой постелѣ
 въ видѣ Ангела утѣшителя, и оживляетъ
 ослабѣвшую природу или надеждою выздору-
 вленія, или радостями блаженной вѣчно-
 сти; оно есть даръ благодарнаго Неба,
 неизсякаемый источникъ удовольствій.
 Спранникъ на чуждомъ берегу, отдѣлен-
 ный морями обширными отъ своего оте-
 чества, среди сердецъ хладныхъ, не-
 знакомыхъ, призываетъ къ себѣ свою ми-
 лую родину съ ея лугами, деревьями, цвѣ-
 тами, градами, селами, рѣками и игра-
 ми. — Благодарственная Фея въ легкомъ
 розовомъ облакѣ переноситъ къ нему все
 для него любезное. Уже онъ сидитъ въ
 кругу друзей своихъ, и рассказываетъ имъ
 дивныя свои походы; уже онъ ласкаетъ
 милую супругу; уже онъ утѣшаетъ пре-
 скарблую мать, которая не хотѣла уме-
 рить безъ него, дабы ничья рука, кромѣ
 сыновней, не закрыла тяжелыхъ ея вѣк-
 деи. Несчастной узникъ, осужденный
 на вѣчное започеніе, въ сладостной забыв-
 чивости располагаетъ домашними своимъ
 дѣлами, какъ бы свободный, раздастъ по-
 велѣнія, предастся замысламъ честолюбія

и корысти, прогуливаешься, путешествуешь, спиришь планы, веселишься съ родными и опшцаешь неприятелямъ. Звукъ цбпей пробудилъ его . . . но епо не на долго! — Топъ же самой гений благошворительный показываешь ему, что двери темницы расшворились, оковы разрушились; лешитъ вѣрная супруга, кинулась въ его объятія, и юныя малюпки, играя его цбпями, вледушъ ихъ по полу какъ профен своей побды издѣ гонителямъ невинности. Такъ воображеніе наше золотыми своими мечшми вознаграждаетъ насъ за сущесшвенность невыгодную, — и мечшты радосшныя всегда равно - вѣсятъ съ дѣйсшвительными бѣдсшціями. — Но по что я называю ихъ мечшми? Не заключено ли въ нихъ благо сущесшвенное? не уже ли оно состоитъ въ золотѣ и въ почесшяхъ? — Но гордый вельможа, но Царь на престолѣ, веселяшся въ мысляхъ не пыщностію своею, не богатсшвами; въ счасшливую минушу воображають они завидную простоту сельскую — образъ жизни просшполюдима, и часто желаютъ его свободы, его покоя, его радосшей. Они видятъ ихъ, и опдыхаютъ въ великолѣпношъ сѣсемъ-рабсшвъ. Ушомленные шрудамц военными, среди грому пушекъ, въ виду смерши, наслаждаются мысленно богатми вождѣлѣннаго мира. Славолюбивый юноша, посреди нѣги и праздности,

когда все шихо, когда война неразвиваетъ кровавыхъ знаменъ своихъ, скучаетъ покоемъ: радостно воображаетъ онъ бишвы и лавры имъ собираемые. Счастливымъ любовникъ перзается боязнію измѣны, или холодноспи; несчастной — живетъ надеждой и воображаетъ будущее блаженство свое въ шой, которая шеперь споль къ нему жестока. Такимъ образомъ посредствомъ воображенія, не получивъ, мы уже наслаждаемся, и наслаждаясь, не скучаемъ, или раздробляя свои спарыя удовольствія, или спремая къ новымъ. Но я не *Аддисонъ*, и никогда не буду въ силахъ описатьъ всѣхъ приятностей, зависящихъ отъ сей драгоценной способности, управляемой благоразуміемъ и осперожностію. —

Необходимыя свойства воображенія слѣдующія: *легкость, живость, богалство*; первая пребуетъ, чшобы всѣ картины спихошворца не казались выисканными, издали приведенными; надобно, чшобы онъ, шакъ сказашь, сами рождались, и чшобъ душа наша переходила отъ одной къ другой со всею свободою и удобностію. —

Прочтите слѣдующую Анакреоншическую Оду Державина: —

По слѣдамъ Анакреона
Я хощу воспѣть Харитъ;
Богъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ: и пр.

Какая легкость! — Епо не выдуманно, епо не спонцо стихопворцу ни малѣйшаго труда! Стихи родились сами собою; можеть быль, Харишы, сочинивъ ихъ, надивповали державину. *Живость* воображенія предс а-вляеть предметы со всѣми ихъ цѣлами, опшѣнками, въ опношеніяхъ разительныхъ и смѣлыхъ! По различнымъ степенямъ живости воображенія называють его *лам-меннымъ*, *спремительнымъ*, *живопис-нымъ* и пр. Лучшіе примѣры весьма удоб-но найши можно въ богатыхъ галлерейхъ Ломоносова, Державина, Цешрова и дру-гихъ нашихъ писателей.

Богатство воображенія знаменуеть обиліе въ матеріялахъ и средствахъ для украшения каждой мысли. — Признакъ его — какая-то поржественная роскошь въ карпи-нахъ, легко и быспра вспрѣчающихся при всякомъ случаѣ, и, кажеться, начерпанныхъ съ нѣкоторою небрежностію. Оно про-изводитъ разнообразіе, цвѣтностъ, велико-лѣніе, пышностъ слога. Но надбно оп-личать всегда *ложное* богатство отъ *ис-тиннаго*. — *Ложное*, точно также, какъ случается между людьми, блистательной наружностію прикрываетъ бѣдностъ или слабостъ внутреннюю, и, разуметься, ослѣпляетъ только взоръ неопытной. Вкусъ долженъ быль распорядителемъ со-

провищъ воображенія. — Онъ устанавляетъ время, мѣсто, мѣру его убранствамъ. Не всегда потребна живопись; стихотворецъ иногда бросаетъ кисть, и говоритъ какъ философъ важнымъ и сильнымъ, иногда, какъ угнѣбленной и несчастной, слабымъ и простымъ, чуждымъ всякаго украшенія языкомъ. Есть мысли и чувства, копорыя портитъ всякое украшеніе; нужны ли брилліанты и злато для Грацій и для Вереры, низпускающейя въ счастливому Адонису? Онъ опягчили бы только небесныя прелести, не придавъ къ нимъ ни малѣйшей красоты. Воображеніе — Нарциссъ, влюбляющійся всегда въ самаго себя: оно увлечется прелестію картинъ своихъ и часто ничего болѣе не шerpитъ въ своей рабочей, кромѣ картинъ. Одинъ и тотъ же предметъ оно украшаетъ вдругъ многими образами, и шѣмъ самымъ портитъ ихъ, подобно прихотливымъ дѣшямъ, копорыя, дѣлая свои куклы, ихъ ломаютъ.

Между всѣми нашими поетами, кажешся, Державинъ болѣе всѣхъ отличается бо апшвомъ воображенія своего. Весь Воднадъ его клубился, такъ сказать, драгоценностями. — Какая дивность и величіе природы! — Какая живость и яркость въ краскахъ! Во всѣхъ Одахъ его примѣшва удивительная роскошь богача, получившаго

какъ бы даромъ несмѣтное наследство, Ломоносовъ также богатъ; но съ большею скромностію разсѣваетъ свои сокровища. Онъ походитъ на такого богача, которой обязанъ не одному наследству, но и собственнымъ трудамъ своимъ, а попому и болѣе дорожитъ своимъ имуществомъ. Онъ обилёнъ, но экономёнъ, — и каждую минуту даётъ чувствовать, что оставляетъ у себя болѣе, нежели сколько показываетъ.

Воображеніе есть даръ природы; но подобно другимъ способностямъ души человѣческой, весьма много зависитъ отъ образованія. Упражненіе, чтеніе, путешествія даютъ ему силу, умножаютъ его, обогащаютъ.

Мы можемъ воображать, также какъ видимые предметы, и невидимыя чувства сердца, живописуя ихъ измѣненія и порывы. — Для этого потребно глубокое познаніе человѣческой природы.

Стихотворецъ, и всякой другой художникъ, не ограничиваетъ себя одною природою: онъ расширяетъ ея предѣлы; онъ творитъ новые предметы, никогда невидимые, или видимые, но въ другомъ порядкѣ, въ другомъ расположеніи; даётъ имъ образъ, дѣйствіе, разговоръ; составляетъ цѣлое,

какого въ природѣ не находишь; одушевляешь вещи, лишенные жизни и чувства. Такимъ образомъ Гомеръ создалъ свой великолѣпной мѣръ, населивъ его богами и героями, павняющими наше воображеніе! По мацію его двигались народы, кипѣли сѣчи ужасныя, волновалась земля, небо и царство подземное! . . . Какое богатство и разнообразіе въ характерахъ, въ дѣйствіяхъ, въ разговорахъ! — Не уже ли вы думаете, что сїи герои въ самомъ дѣлѣ шакъ дѣйствовали, шакъ говорили, шакъ сражались? — Ешо все есть магія Гомерова. Нѣжная Дидона обязана страстию своею, несчастіями и безсмертіемъ *Виргилію*. — Тассъ воздвигнулъ чертоги *Армиды*; Тассъ образовалъ и создалъ сїе прелестнѣйшее зло, сїю *Армиду*, на испытаніе своихъ героев! Откуда *Мильшонъ* почерпнулъ сїе, превосходное безъ прекословія, описаніе *Адама* и *Евы*! — Муза его воспаряла за предѣлы природы, — и пайны небесъ онъ повѣдалъ, и спрашный мяшежъ ада ошкрывается предъ нашими очами. *Камоенсъ* велѣлъ — и изъ среды моря воспаетъ исполинъ величайшій, достойный бытъ сошоваищемъ *Титанамъ*, грознымъ воишелямъ противъ всемогущаго *Зевеса*! Онъ возвѣщаетъ *Португальцамъ*, стремящимся къ неизвѣстнымъ тогда берегамъ *Индіи*, будущую ихъ сла-

ву. — Ктоже епоть великанъ грозный? Кремнистой мысѣ доброй надежды, по которому удосповѣрились оспроумные мореплаватели, что есть вѣрной путь въ землю сокровищъ. — *Заира, Алзира*, сей благочестивый *Законесль*, сѣя прелестная *Версона*, сей буйный *Рогдай* приведены изъ небытія въ бытіе, изъ міра возможнаго въ міръ дѣйствительной геніями Поезіи. Почти всѣ лица Трагедіи и Комедіи сошворены поешами; ибо если и существовали сѣи характеры, то кто же имъ далъ образъ дѣйствія; чувства, разговоръ, сообразные цѣли писателя? — Вошъ что называется *воображеніемъ творческимъ*, симъ неопъемлемымъ достояніемъ великихъ геніевъ, которые изъ собранныхъ отдѣльныхъ частей въ Природѣ, соспавляютъ свое новое, совершеннѣйшее нежели Природа, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ видамъ поэта! . . . Такія шворенія называются вымыслами стихотворцевъ, изобрѣженіемъ, идеалами, и проч. Божественная сѣя сила зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ мѣры и полноты воображенія. Она управляется вкусомъ и оспроуміемъ. —

Воображеніе поэта воспламеняетъ наше воображеніе предметами великими, высокими, любезными и приятными: но что оно произведетъ въ насъ, если не управле-

мо будете шѣмъ безцѣннымъ участіемъ, которое стихотворецъ принимаетъ въ нашемъ благополучіи; въ нашихъ удовольствіяхъ? Что оно будетъ, когда я не увѣренъ, что все предешаваемое мнѣ есть плодъ и жертва добраго сердца, желающаго раздѣлить со мною свои радости и печали, — сердца, которое любитъ по же что и люблю, груститъ о томъ же что сочувствуетъ мои грусти, и веселится моимъ веселіемъ; — однимъ словомъ: что работа воображенія, если не оживлена, не одушевлена, не воспламенена будетъ нѣжнымъ, или страшнымъ добрымъ чувствомъ поэта, которой отъ полноты сердца говоритъ вамъ и проситъ вашего соучастія? — *Чувство* въ поэзіи все замѣняетъ; недостапка чувствованій замѣнитъ ни что не можетъ. Оно вдыхаетъ въ сочиненіе какую-то теплоту пишательную; цѣлебную; оживляющую насъ! — Неприятно ли вамъ бесѣдовать съ добрымъ, чувствительнымъ человекомъ, которой такъ же и терпитъ; и веселится иногда какъ вы сами? — Что вы захотите лучше: слушать ли сурого; неумолимаго проповѣдника, которой съ негодованіемъ и гнѣвомъ осыпаетъ васъ укоризнами въ слабостяхъ, нечуждыхъ ему самому и свойственныхъ всей природѣ человѣческой; или лучше хотите внимать крошкаго, свисхо-

длительнаго друга, которой въ минушы вашего заблужденія пришесть не укоряшь васъ, но скорбѣть вмѣстѣ съ вами, — не проповѣдывать утѣшеніе о вашей потерѣ, но съизговать вмѣстѣ съ вами; которой наконецъ уладивъ вашу горестъ собственными вашими слезами, представитъ вамъ способы не утѣшиться, но слаще плакать; не перзаться раскаяніемъ; предвѣспникомъ бжеспоченія; — но надѣяться на благость Божію, не опчаеваться — но перпѣть съ уладительнымъ умиленіемъ. — Знаю напередъ отвѣтъ вашъ: и вопъ величайшая пайна искуснаго стихопворца! Сочиненіе его должно дышать чувсвами доброжелательства къ человѣчеству, чувсвами уважаемыми посреди гражданъ, сообразно нравамъ, обычаямъ, религіи! — Онъ долженъ принимать все то близко къ сердцу, что относится къ людямъ, для которыхъ онъ пишетъ! — Епо чувсво избираетъ предметы для описаній; епо чувсво угождаетъ иногда вашей любви; иногда ненависти, мщенію, самолюбію; спроси смѣясь надъ другими, соспраданію, великодушію; благошворительности; скупости, щедрости, безпечности, нѣтъ: словомъ, всѣмъ добродѣтелямъ и всѣмъ слабостямъ человѣка, пришворяясь бытъ ихъ другомъ и участникомъ, — разумѣется, съ добрымъ намбреніемъ; чшобы исправить;

чтобы улучшить нравственность способомъ неоскорбительнымъ и скромнымъ. Вотъ цѣль стихотворца! Я увѣренъ, что грознаго Ювенала при всей высокости, силѣ и справедливости мыслей ненавидѣли въ Римѣ; но съ Горациемъ онъ доброй души смѣялись шѣ сами, которыхъ онъ осмѣивалъ. Кто ставитъ себя выше насъ, того мы чуждаемся, или не вѣримъ ему; кто съ нами равенъ, или спарается во всемъ сравниться, того мы любимъ, и того скорѣе будемъ слушать. — Пусть возбуждаютъ стихотворцы въ насъ шѣ чувствованія, которыя намъ приятны, которыя даютъ идею о благородствѣ, о нѣжности чувствованій нашихъ, о состраданіи, о добродѣтеляхъ, о нашихъ выгодахъ и удовольствіяхъ: тогда и сочиненія, и они сами будутъ намъ любезны. Отсюда извлечено правило, что ораторъ и стихотворецъ должны быть люди чувствительные, нѣжные, добродѣтельные. Теплое чувство есть душа сочиненій.

Сіе чувство въ самой высокой своей степенѣ называется *энтузіазмомъ*, *вдохновеніемъ*, *воспоргемъ*. Это небесной огонь, которой конечно не всегда оживляетъ генія. Самъ великій Гомеръ иногда засыпалъ. Въ Тассѣ и Мильтонѣ есть неровности, которыя показываютъ нѣ-

жестъ работы, усталость, или слабость. — Былаюшѣ минушы, когда душа, какъ будто воспламененная чудесною силою, живо видяшѣ предѣ собою всю природу, даешѣ новую прелесть всѣмѣ окружающимѣ ее предметамѣ, означаешѣ ихѣ чертами, которыя насѣ увлекаюшѣ и ушѣвляюшѣ. Сіе-по состояніе души называется энтузіазмомѣ художника: — слово, которое всякой разумѣешѣ, и очень немногіе удовлетворительно опредѣляюшѣ. — Иные говорили обѣ немѣ вѣ энтузіазмѣ, и попому не сказали намѣ ничего яснаго. — Ешо *виднѣе небесное, внушеніе божества, духъ пророческій*; ешо упоеніе, воспоргѣ, радость смѣшанная сѣ ужасомѣ, сѣ удивленіемѣ вѣ присутствіи существа, или предмета необыкновеннаго! — Такѣ часпо воскліцаюшѣ предѣ нами вдохновенные паниспвенники Аполона... Разсмотримѣ энтузіазмѣ художника сѣ философскимѣ равнодушіемѣ.

Божество, одушевляющее великихѣ писателей, когда они сочиняюшѣ, подобно тому, которое воспламеняешѣ война вѣ жару сраженія. Sua cuique deus fit dira cupido, — говоритѣ Виргилій. Вѣ войнахѣ — сей богѣ есть смѣлость, отвага, воспаляемая самыми ужасами предстоящей опасности. Вѣ писателяхѣ — сей богѣ есть великія

усилія собственнаго ихъ генія, обильное воображеніе, сердце, исполненное огня благороднаго, которое быспро и легко воспламеняется при видѣ великихъ предметовъ. Сіи необыкновенныя души принимаютъ сильныя впечатлѣнія, и сами еще болѣе усиливаютъ ихъ въ себѣ, сообщая имъ новой характеръ, приапность и разительность. — Вотъ начало и основаніе энтузіазма. Сѣвидно, каковы должны быть его слѣдствія въ искусствахъ подражающихъ природѣ. — Сперва опличите энтузіазмъ художника отъ обыкновеннаго дѣйствія спрасшей, свойственныхъ всѣмъ. Вы изволише сердиться, плакать, опчаяваться, по случаю какой нибудь существенной потери или неудачи — ешо другое. Энтузіазмъ художника происходитъ отъ живаго представленія изобрѣннаго имъ же самимъ предмета во всѣмъ его совершенствѣ, — отъ образа, мечты, сотворенной нашимъ воображеніемъ и плѣнившей наше сердце, или по крайней мѣрѣ отъ представленія существующаго предмета, но одѣяннаго, расположеннаго, удачно дѣйствующаго по шѣмъ видамъ, которые имѣю. — Зевксисъ изъ множества видѣнныхъ имъ красотъ составилъ одну совершеннѣйшую: — онъ ее представилъ живо. Огонь его воспламеняется; онъ забылся, и думаетъ что картина дышетъ: его душа переходитъ

вся въ предметъ, имъ сошворенной; онъ Пигмаліонъ, оживляющій свою Галашею. Такъ геній спихотворца попеременно бываетъ Дмипрій Донской, Шуйской, Ксенія, Рославъ; онъ въ баснѣ по волкъ, по лисица, по заяцъ. — Занятъ ли онъ высокими предметами: предъ очами его очарованными преклоняются небеса, сполны мѣра упадающъ подъ стопами Предвѣчнаго, море убѣгаетъ, горы шренещутъ радостию. Юпитеръ подвигнулъ свою главою, и движеніе главы безсмертной попрясло вселенную. —

Вопъ энпузіазмъ спихотворной, вопъ вдохновеніе художника! — Епо есть внутреннее самоувѣреніе, что я не я, но по лицу, которое описываю; что я въ самомъ дѣлѣ нахожусь шамъ, гдѣ себя представляю въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ выгодахъ и невыгодахъ, въ счастіи и несчастіи, которыя принадлежатъ лицу, моею выводимому на сцену: — такъ поступаю, дѣйствую, говорю, какъ ему только прилично. — Въ какому бы роду поэзіи не принаровили вы сего опредѣленія энпузіазма, вездѣ будетъ оно справедливо. Сей талантъ располагашъ самимъ собою есть конечно даръ врожденной; но онъ очень много образуется обращеніемъ съ людьми, изученіемъ природы и образцовъ искусства.

Епо наука цѣлой жизни: но и того не до-
 вольно: онѣ предполагаешѣ особливую чув-
 ствительность, гибкость, дѣятельность
 души, которыя свойства даешѣ намѣ пок-
 мо природа. Совсѣмѣ ненужно испытать
 самому всѣ страсти, любовь, спчаянїе,
 гнѣвъ и проч. для того чѣтобѣ знать, какѣ
 ихѣ выразишь; довольно имѣть въ сердцѣ
 епо начало дѣятельности, гибкости, спо-
 способности превращашѣся во всѣ лица, во всѣ
 положенїя. — Доброю, нѣжной Расинѣ не
 былѣ ни люшымѣ Нерономѣ, ни низкимѣ и
 злобнымѣ Нарциссомѣ, и при всемѣ томѣ ду-
 ша его была на нѣсколько минутѣ душою
 и Нарцисса и Нерона. Не ужели Сумаро-
 ковѣ могѣ въ самомѣ себѣ пишашѣ столь
 злобое чувство, какое далѣ онѣ Дмитрію
 самозванцу: .

Поди душа во адѣ, и буди вѣчно пѣнна,
 Ахѣ, если бы со мной погибла вся вселенна! —

Озеровѣ былѣ совершенно Фингалѣ, ко-
 гда сказалѣ онѣ:

Я здѣсь не въ первой разѣ,

И совершенно Едипѣ въ сценѣ укори-
 пельной съ Полиникомѣ, шакже въ прекра-
 сномѣ словѣ:

Ахѣ! . . . . Я Едипѣ! —

И совершенно Тезей — въ сильномъ и благородномъ опавшѣ Креону на вопросъ: Кто оградитъ тебя? — *Мои дѣла.*

Я бы предсказалъ охотно подобныя сильныя мѣста изъ трагедій, *Рославъ*; — но можно ли подумать, что Княжнинъ чувствовалъ возвышенной характеръ сего Героя, когда онъ въ одной сценѣ его съ Христианомъ помѣстилъ почти всѣ высокія слова Корнеля и Вольтера! — Переводить можно. Но надобно чувствовать, надобно знать ходъ и порывы сердца человѣческаго; знать, что оно не способно выдерживать столь многихъ усилій вдругъ, какія даетъ ему переводчикъ со всею холодностію своего сердца. — Для такихъ восторговъ есть особенныя минуты и случаи. Часто, желая сдѣлать героя болѣе, мы дѣлаемъ его уродомъ. Енпузіазмъ любви, удивленія къ Монархинѣ дышетъ въ одахъ Ломоносова, хотя онъ и не свободенъ отъ нѣкоторыхъ паденій. Послушайте Державина:

Музъ Богиня удалилась,
Изъ Петрополя сокрылась,
Матерь отъ своихъ дѣтей;
Солнцу красному подобно,
Щастье кажется народно
Укашалося за ней.
Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ.
Какъ среди глубокой ноци
Дремлетъ тишина въ лѣсахъ,

Такъ съ тобою въ разлученьи
 Скорбью мы помрачены;
 Лишь о насъ твои раченьи
 Оживленье сей страны.
 Мы уставы получаемъ,
 Вновь блаженство почерпаемъ
 Онѣ премудрости твоей;
 Но оно съ тобой намъ краше!
 Возвратись свѣшило наше,
 Возвратися къ намъ скорбей! *и проч.*

Вотъ какъ изливается изъ сердца истинное чувство! — И шакъ энтузіазмъ художника не есть быспрый, слѣпой восторгъ, случайностію, пылкостью произведенный, и пылкостью управляемый; но самая страсть дѣйствительная, предъставленная во всей ея простотѣ и вѣрности. — Гомеръ былъ совершенно Пріамомъ, когда заставилъ его говорить при ногахъ Ахиллеса: „Я гораздо его несчастнѣе (по есть Пелея опца Ахиллесова). Послѣ столь многихъ бѣдствій жестокая судьба заставляетъ меня сдѣлать то, чего ни одинъ смертный прежде меня недѣлалъ: я долженъ облобызать руку, омышую кровію моего сына.“ — Всѣ сіи слова очень просты, потому что взяты совершенно изъ природы. Но дабы изобразить сію картину, мало того чтобы имѣть ее предъ глазами; надобно имѣть ее въ сѣсемъ сердца.

Энтузіазмъ столь необходимъ для поэта, что нѣкоторые почиали его суще-

спвомѣ поэзіи. — И конечно, не можешь быть ни одного живаго и вѣрнаго подражанія, если стихопворецъ самъ не очарованъ, по естѣ, если онъ не видитъ того; что онъ живописуетъ, не чувствуетъ что выражаетъ. Елико правило вѣрно даже вразсужденіи стихопворца — переводчика; онъ долженъ быть въ энтузіазмѣ шаковомъ же, какъ его Авторъ: въ прошивномъ случаѣ можешь перевести только слова, а не мысли и чувства. — „Какъ близко переведено! слово въ слово!“ кричатъ всеобщіе хвалищели. — Чтожъ въ эпосѣ достигнутъ, когда въ сихъ словахъ насильно, какъ на убой припашенныхъ, худо связанныхъ между собою, изуродованныхъ какъ будто послѣ взаимнаго смертнаго поединка, нѣтъ ни природы, ни легкости, ни свободы: вѣрнѣйшихъ признаковъ очарованія, чувства, испуленія! — Переводчикъ борется съ своимъ Авторомъ, и спарается превзойти его въ нѣжности и чувствительности сердца. . . . Но я опшупилъ отъ матеріи; признаюсь, не могу утерпѣть, когда дѣло касается до нѣкоторыхъ всеобщихъ предразсудковъ, вредныхъ нашей словесности — И такъ надобно быть очаровану, чтобы вѣрно и живо подражать; но естѣ сочиненія легкія, шихія, спокойныя, кошорыя, кажешся, чужды всякаго необыкновеннаго волненія души;

а потому, говорятъ, энтузіазмъ и не составляетъ существеннаго свойства поэзіи. По крайней мѣрѣ надобно допустить, что онъ можетъ быть разныхъ родовъ по существу предметовъ, и по отношенію ихъ къ намъ: или страстной, или умѣренной, или тихой. — Державинъ въ одахъ своихъ на смерть Перфильева къ сосѣду, или на смерть Бецкаго, и во многихъ другихъ философскихъ своихъ сочиненіяхъ совершенно исполненъ своего предмета; но сіи писанія не имѣютъ ни тѣхъ порывовъ, ни той стремительности, какъ другія торжественныя. Если опаздать симъ твореніямъ въ энтузіазмъ, то должно опаздать въ немъ и славной, можетъ быть единственной сценѣ въ своемъ родѣ, въ которой Напонъ, имѣя предъ очами мечъ для пораженія самаго себя, одинъ, въ сумрачѣ ночи, разсуждаетъ о смерти, за минуту вѣрнато ея пршщестія. Неустержая, неопыряя сего точно, могу предложить только по осторожности молодымъ писателямъ, что самой сильной энтузіазмъ подверженъ спражайшимъ правиламъ: одно слово недостающее или излишнее разрушаетъ очарованіе.

Кто же сей распорядитель и мѣритель нашихъ мыслей и чувствованій? — Конечно, сердце наше, или вкусъ уповчен-

ный, здоровый. Но поелику вкусъ, какъ послѣ буду имѣть честь предложить вамъ, очень много заимствуетъ отъ образованія ума, отъ высшихъ нашихъ способностей, то съ позволенія вашего, Мм. Гг. на нихъ теперь осмѣлюсь обратиться благосклонное ваше вниманіе. —

Къ высшимъ способностямъ души принадлежатъ силы ея: — разумъ, рассудокъ, и умъ. Сіи способности въ твореніяхъ вкуса также не остаются безъ дѣятельности, если только позволяютъ епо существо и цѣль сочиненій. Разумъ заблаговременно предвидитъ, какое впечатлѣніе должны произвести тѣ или другіе предметы; рассудокъ обнаруживаетъ себя чрезъ сравненіе отношеній между многими предметами и ихъ дѣйствіями, замѣчая, въ чемъ онѣ сходны, и въ чемъ отличны; умъ наконецъ испытуешь отношенія между многими истинами, и выводитъ отсюда новыя положенія и слѣдствія. Сіи дары природы нужны не только для того, кто самъ обрабатываетъ изящныя искусства и науки, но также и для тѣхъ, которые хотяшъ бытъ судіями изящныхъ твореній, и наслаждаться ими. Рассудокъ заключаетъ въ себѣ двѣ особливныя способности, необходимо нужныя для каждаго художника, — *ослроужіе* и *проницательность*. Та и другая сра-

ввиваютъ отношенія между предметами и ихъ свойствами, но не одинакимъ образомъ. — Остроуміе находитъ сходства; проникаемость видитъ различія. Остроумный философъ нашелъ сходство между янтаремъ, погребеннымъ на днѣ моря, и между молніею, раждающеюся въ выпренихъ предѣлахъ небесъ; остроумный поэтъ видитъ сходство между богачемъ всего желающимъ, и бѣднымъ, ни въ чемъ неизбѣющимъ нужды; между правителемъ народа и часовымъ, которой стоитъ вѣчно на часахъ; между властію и рабствомъ; между душою скупого и металломъ, которое хранитъ онъ. — Проникаемость видитъ тайныя несходства между словами хитрѣйшаго льстеца и его сердцемъ. Остроуміе показываетъ тѣмъ болѣе своей силы и тонкости, чѣмъ разнообразіе, богатіе и занимательнѣе сходства имъ замѣченныя, и чѣмъ различнѣе предметы, на которые оно обратило взоръ свой. Проникаемость напрошивъ тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ болѣе предметы другъ на друга похожи.

Поезія не всегда живописуетъ. — Бываютъ случаи, что она принимаетъ или простой и благородной слогъ исторіи, или быстрой и умѣренной краснорѣчія, или ясной и точной философій. Не все въ поэмѣ образъ и чувство: часто мысль сі-

яствъ одна и собственнымъ своимъ блескомъ: ибо надобно помнить всегда, что всякой образъ есть только украшеніе, а не сущность. Даже и тогда, когда мысль озарена возбужденіемъ, или оживлена чувствомъ, — даже и тогда поражаетъ она, шибмъ болѣе, чѣмъ плодовитѣе, чѣмъ болѣе предполагаетъ ума, тонкости, силы, чѣмъ новѣе въ связяхъ и отношеніяхъ. — И такъ умъ глубокой, дальновидной столь же много свойственъ поэту, какъ философу, историку и оратору.

Свойства ума различны; каждое изъ нихъ господствуетъ въ какомъ нибудь одномъ родѣ поэзіи. — Напр. тонкость принадлежитъ эпиграммѣ; нѣжность элегій, мадригалу; легкость письму; почность и сила сатиры; простота басни; возвышеніе оды, трагедіи, елопеѣ.

Есть роды, которые требуютъ въ поств многихъ качествъ, вмѣств соединенныхъ. — Оспроша, пронцапельность, сила, глубокомысліе, легкость, живость, тонкость, должны сославлять талантъ писателя комедіи; напрошивъ возвышенность, глубокомысліе и почность достаточны для трагедіи: но она все замѣняетъ *страстями*, которыхъ неизмѣщъ комедія въ равной силѣ,

Представьте, что поешъ намбрень писать Поему эпическую: Россіаду, Владиміра. или Пешрїаду. — Онъ долженъ смотрѣть на природу, или на весь мїръ, если смѣю сказать, также, какъ изираетъ на него Существо высочайшее. Онъ долженъ обнимать ее однимъ взглядомъ. — Природа имѣетъ свою систему постоянную, свои законы непреложные: всякая вещь связана одна съ другою: всѣ въ отношенїяхъ взаимныхъ, все движется и дѣйствуетъ. Сїю-то систему, сей порядокъ и стройность, сїю вселенную, небо, землю и адъ переноситъ онъ въ мїръ, имъ создаемой. — Мѣсто, мѣра, дѣйствїе: все должно быть соблюдено. — Какое изученїе природы, какїя размышленїя, какой творческой умъ предполагается въ такомъ писателѣ! — Составленїе цѣлаго, частей его, безчисленные подробности, все, усмремленное къ одной цѣли, все поддерживающее, украшающее, возвышающее предметъ стихотворца въ безчисленныхъ его измѣненїяхъ, — все царство природы нравственной и физической: — о! для ешаго пошребенъ умъ всеобъемлющїй, божественный. — Гомеръ былъ философъ, политикъ, есологъ, еспештва испышатель великїй. — Ошполъ сїе разнообразїе неизчерпаемое въ видахъ, въ характерахъ, въ дѣйствїяхъ; — ошполъ сїя чудесная точность и вѣрность въ подража-

нїи! — Его поема не подражанїе, но самая природа во всемъ величествѣ и красотѣ своей! II можно ли, въ самомъ дѣлѣ, живописатьъ, не зная, что внѣ насъ и внутри насъ находится? — Если предметъ каждаго сочиненїя есть убѣжденїе, искусство преклонись чашателя или слушаателя къ моимъ чувствамъ, къ моимъ видамъ; то можно ли достигнуть елаго, не зная вѣрнѣйшаго пути къ сердцу, его слабостей, его желанїй, переходовъ, измѣненїй въ чувствахъ, не зная свойства предметовъ, о которыхъ я долженъ говорить? — Умъ ясной и мудрой, испытующей правила природы и средства искусства, есть одинъ и тотъ же умъ для философа, для поэта.

*Искусство мыслить, ключъ къ искусству
сочинять.*

Какъ приятно встрѣчать въ шворенїяхъ Державина, между прелестями живописи шѣ сильныя, разительныя черты нравоученїя, свѣтской мудрости, которыя почерпнулъ онъ изъ познанїя Двора и людей! — Какъ приятно видѣшь въ немъ вмѣстѣ живописца природы и учителя нравовъ!

Скажутъ: слишкомъ ученый стихотворецъ бываетъ рабомъ своей учености. Защищающіе собственныя свои недоспадки вопіютъ: ученье связываетъ крылья генію. — Онъ не можетъ нравиться, кри-

чистъ селадонъ-стихотворецъ. — Онъ пу-
 шпился въ мрачныя области Метифизи-
 ки; онъ поведетъ насъ по узкой, бесплод-
 ной пропинкѣ Логики, по песку, гдѣ нѣтъ
 ни лилей, ни ландышей, гдѣ не шумятъ
 задумчивыя деревья меланхолн, гдѣ не благо-
 ухаютъ розы, гдѣ даже нѣтъ ни одного
 кладбища, ни милыхъ и страшныхъ при-
 видѣній. . . . Упѣшесь, милоспивые го-
 судари! упѣшесь, помные сыны мечпан-
 ній! онъ поведетъ васъ вездѣ, куда угодно. —
 Та же Логика, кошорой вы не изволише
 жаловашъ, внушитъ ему слѣдующее прави-
 ло: здравой умъ успремляется по разнымъ
 наклоненіямъ, сообразно своимъ намбрені-
 ямъ: ты хочешь нравишься, употребляй
 всѣ возможные способы для возбужденія
 чувствва удовольствія. — Слѣдуя сему пра-
 вилу, возраститъ онъ ваши лилей и
 ландыши, и роци меланхолическія, и зам-
 ки Фейны. — Такимъ образомъ будупъ
 и въ его стихахъ ворговашъ горлицы, го-
 лубки цѣловашься: но шолько съ тѣмъ
 различіемъ, что все будупъ, и въ своей
 мѣрѣ, и въ своемъ мѣстѣ! — Одна исти-
 на прекрасна, сказалъ Боало. Правила
 разсудка, по словамъ Платона, не цѣпи,
 кошорыя насъ связываюупъ, но крылья воз-
 носяція насъ къ небесамъ. Истинная сво-
 бода состоитъ въ томъ, чтобъ покорять-
 ся однимъ шолько законамъ справедливости.

Кромѣ сихъ талантовъ, — и собственной характеръ сочинителя имѣетъ великое вліяніе на его твореніе. — Любопытно знать, съ какой стороны смотритъ онъ на описываемые имъ предметы, какой ходъ, или направленіе имѣла его воображительная сила, какова собственная его нравственность. — Читая сочиненіе, я влекусь сердцемъ своимъ къ самому сочинителю, — хочу повѣрить его слова собственными его поступками. Только тотъ достигнетъ надлежащей степени совершенства въ искусствахъ, кто соединилъ въ себѣ здравой разумъ и доброе сердце. Его ожидаетъ двоякая награда: слава писателя и всеобщая любовь сердецъ просвѣщенныхъ.

Мрзакъ.

Ш. К Р И Т И К А.

Целриада Поема Елическая, сочиненія Александра Грузинцова. С. Петербурзь, въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Тилографіи 1812 года. На 229 сипран. въ 4 д. л.

Для соблюденія большей почности надлежало бы сію Поему названъ *героическою*, какъ поспунилъ Ломоносовъ; ибо въ ней воспѣваюшся дѣянія Героя, и припомъ еще величайшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ въ мѣрѣ.

Ломоносовъ оставилъ намъ двѣ пѣсни, по еспь неболѣе какъ полько начало своей Поемы *Целръ Великій*. По видимому, скорая кончина безсмертнаго нашего Лирика помѣшала ему совершитъ сей многотрудный подвигъ. Онъ самъ почти предусмошрѣлъ судьбу своей Поемы, и въ посвященіи Шувалову упомянутыхъ двухъ пѣсней какъ бы завѣщалъ послѣдователямъ своимъ докончитъ начашое.

- „И ешьли въ полѣ семѣ прекрасномѣ и ши-
рокомѣ
„Прешоржешся мой въкѣ недоброхопнымѣ ро-
комѣ;
„Цвѣшущимѣ младостью *останется* умамѣ,
„*Уто* мной проложеннымѣ *послѣдуютъ* спо-
памѣ.
„Довольно шаковыхѣ сыновѣ родишѣ Россія...“

До сихѣ порѣ никто еще не дерзалѣ вспушпшѣ въ слѣды Ломоносова и шешпво-
вашѣ далѣе на скользкомѣ поприщѣ про-
славленія эпическою пѣробою дѣлѣ Петра
Великаго. Знаменишый Творецѣ Россіяды, ко-
порой болѣе всѣхѣ имѣлѣ права на сѣю по-
чпенную должность, безѣ сомнѣнія былѣ
удерживаемѣ отѣ оной весьма важными
причинами. Поспараемся угадашѣ ихѣ. Во
первыхѣ онѣ зналѣ, что содержаніемѣ эпи-
ческой сего рода поемы должно бышѣ дѣй-
спвіе великое, героическое, важное для чи-
ташеля, — дѣйспвіе имѣющее *одну цѣль*,
шо ешь чшобы герой поемы безпрешанно
спремился къ доспнженію одного какогонь-
будѣ предпрпнятаго имѣ намѣренія, чшобы
онѣ среди многоразличныхѣ вспрѣчаю-
щихѣ ему обстоятельствѣ забывалѣ о
своемѣ предпрпншіи, и чшобы всегда уси-
ливалѣся преодолѣшѣ препяшспва дабы совер-
шпшѣ свой подвигѣ. Кажешся, выборѣ сего
единственнаго дѣйспвїя былѣ загадкою
для самаго Ломоносова. Поема его на-
чинаешся шакимѣ образомѣ:

„Пою премудраго Россійскаго Героя, ..
 „Что грады новыя, полки и флоты спроя,
 „Отъ самыя ивжныя лѣшъ со злобой велъ
 войну,
 „Сквозь страхи проходя, вознесъ свою спрану,
 „Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попрадъ про-
 шивныхъ
 „Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и
 льспивныхъ;
 „Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
 „И миръ дѣлами весь и зависль удивилъ.“

Въ семъ вращкомъ предложении видимъ предпріянія Героя, видимъ препяшства, которыя вѣрѣчались ему будуще въ продолженіи поемы; но не видимъ *единой* цѣли, копорую можно было бы точно опредѣлить немногими словами. Усмиреніе злодѣевъ, пограніе враговъ, сверженіе дерзостныхъ и льспивныхъ, открытіе наукъ среди бурь военныхъ суть такія дѣйствія, которыя несоставляютъ единства, и которыя, неимѣя между собою еспешивенной связи, не могутъ быть пою единственною почкою, гдѣ соединяется вся сила ещическаго инпереса, удобная произвести глубокое впечатлѣніе въ чашашелѣ. Напрошивъ того изъ первыхъ стиховъ Россіяды мы узнаемъ о цѣли поеша, о *разрушеніи Казани*, равно какъ самое начало Поемы *Владимиръ* показываетъ намъ главное намѣреніе Героя, *просвѣщеніе Россіи* вѣрою во Хрїста Спасителя. По на-

чалу же Ломоносова очень трудно рѣшить, гдѣ и какъ онъ хотѣлъ окончить свою Поему. Херасковъ смотрѣлъ на развязку съ иной точки зрѣнія. Другое затрудненіе могло состоять въ недавности происшествій, долженствующихъ составлять поему. Сей родъ стихопорства оживляется чудесностями, безъ которыхъ онъ потерялъ бы можетъ быть половину цѣны своей. Не вбруя въ боговъ Гомеровыхъ и Виргиліевыхъ, мы благоговѣемъ передъ священной древностію подвиговъ, воспѣваемыхъ въ Иліадѣ, Одиссеи, Енеидѣ. Сверхъ того по тайному какому-то побужденію мы привыкли имѣть имѣть высшее мнѣніе о герояхъ, чѣмъ далѣе онъ отъ насъ находится. Древность даетъ стихопорцу болѣе возможности украсить дѣйствіе и даже характеры лицъ вымыслами, какіе признаны имъ-будущъ за выгоднѣйшіе для своей цѣли. Но будешь ли вбруяемымъ соединенное съ вымыслами такое эпическое дѣйствіе, которое взято изъ новѣйшей исторіи, а особливо еще когда подробности онаго запержены многими чинашелями? Извѣстно, что въ невбруяемыхъ происшествіяхъ сердце неберетъ участія.

Изъ предувѣдомленія г-на Грузинцова невидно, чтобы онъ затруднялся сими неудобствами. Его негодованіе прошиву иностранныхъ историковъ, ложными красками

изображающихъ Петра Великаго, его любви къ Спечесиву, его благоговѣнныя къ дѣламъ Пепровымъ побудили къ сочиненію Пепрїады. Онъ однакожъ неосмѣлился бы издашь въ свѣтъ сего шестилѣшняго труда своего, еслибъ не былъ убѣжденъ къ тому своими прияшелями и любителями нашей словесности. Теперь жребій брошенъ; Пепрїада издана въ свѣтъ, и чинашели имѣющъ право взвѣщивашъ важность того одолженія, которое оказали г-ну Сочинителю приятели его, и шу услугу, которую г. Сочинитель оказалъ нашей словесности.

Поема г-на Грузинцова соспоитъ изъ десяти пѣсней. Начинаешся она почно какъ у Ломоносова, прешымъ путешествіемъ Петра Великаго въ Архангельскъ, а окончиваешся Полтавскою побѣдою. Вошъ начало:

- „Пою полчныхъ странъ великаго Героя
 „Что въ казнь рушителямъ всеобщаго покоя
 „Славянскихъ озарилъ науками сыновъ,
 „Покрытыхъ прежде шьмой чрезъ множествѣ
 вѣковъ;
 „Воздвигнулъ грады, флотъ, разрушилъ всѣ
 препоны,
 „Среди военныхъ бурь намъ крошки далъ за-
 коны;
 „И миромъ оградивъ Россію наконецъ
 „Былъ подданныхъ своихъ учитель и отецъ.“

Всякая героическая поема обыкновенно начинаешся предложениемъ, въ которомъ

стихотворецъ объявляетъ коротко, ясно и опредѣлительно главное содержаніе. Еще дѣлается для того, чтобы читатель напередъ зналъ, какую именно обязанность налагаетъ на себя писатель; это есть въ копорымъ образомъ договоръ между читателемъ и стихотворцомъ, предохраняющій послѣдняго отъ всякихъ излишнихъ требованій, отъ несправедливыхъ порицаній. Горацій рѣшиительно запрещаетъ пышные предложенія (*); его оспроумное уподобленіе такого начала поэмы *съ горю въ родахъ* вошло въ поговорку у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ: *parturient montes, nascetur ridiculus mus*; онъ именно приводитъ въ примѣръ первые стихи Одиссеи, въ которыхъ Гомеръ общается повѣствовать о герояхъ, по разрушеніи Трои *обозвѣщаютъ нравы многихъ людей и грады*. Какъ просто и съ какою точностію Виргилій опредѣляетъ главное содержаніе Энеиды въ началѣ поэмы! Тассъ, Мильтонъ, Клопштокъ, Вольперъ общаются ни болѣе ни менѣе того, что имъ воспѣшь надлежало. Какъ же г. Грузинцовъ, имѣя столько многія образцовыя предложенія, не захошѣлъ имъ послѣдовать? *Во первыхъ*, въ объявляемомъ его планѣ нѣтъ единства дѣйствія; *во вторыхъ*, онъ общается

(*) *ars poet.* v. 134. ss.

слишкомъ много, и шѣмъ не соблюдаетъ надлежащей скромности; *въ претвѣхъ*, обѣщавши воспріять сооруженіе градовъ и флотовъ, разрушеніе всѣхъ препонъ, дарованіе намъ крошечныхъ законовъ и огражденіе Россіи миромъ, а окончивши Поему свою Полшавскою побѣдою, онъ естествен-но не могъ исполнить сихъ обѣщаній; ибо подвиги Петра Великаго, военные и гражданскіе, продолжались до самой его кончины, и Россія въ 1709 году не только не была ограждена миромъ, но еще весьма скоро должна была начать другую войну противъ Турціи, потомъ ополчиться противу Персіи; *въ четвертыхъ*, Герой озарилъ Россіянъ науками опіюдь не для наказанія *рушителей всеобщаго покоя*, но дабы подданныхъ своихъ сдѣлать счастливыми; *въ пятыхъ*, чипашель захочетъ знать: кто сїи *рушители всеобщаго покоя*? *въ шестыхъ*, названіе *Славянскіе сыны* непринадлежитъ исключительно однимъ Россіянамъ, и по крайней мѣрѣ здѣсь, въ предложеніи, гдѣ все должно быть опредѣлено съ точностію, надлежало избѣгать обоюдности. Гну Грузинцову, безъ сомнѣнія, извѣстно, какой совѣтъ данъ Вольшеру отъ одного Грека, по имени Дидакі, когда Поепъ въ 1726 году напечаталъ въ Лондонѣ свою Генріаду. Случайно увидѣвши первой листъ Поемы, гдѣ было

написано: *Пою героя, который принудил Французов сделаться счастливыми* (Qui força les Français à devenir heureux), онъ сказалъ Вольшеру: „Государь мой! я уроженецъ изъ Смирны, следовательно землякъ Гомера; нашъ великой пбснопбвецъ начиналъ своихъ поемъ ни остропами, ни загадками.“ Вольшеръ послушался и перембнилъ начало.

За предложениемъ слбдуетъ призваніе, въ которомъ стихопорцы обращаются къ высшей силб какого нибудь существа сверхъестественнаго, и просятъ у него помощи для успбшнаго совершенія важнаго своего подвига. Древніе имбли на своей сторонб великую выгоду. Въ продолженіи эпопеи надлежало показывать сокровенныя причины великихъ происшествій, проникать во святилища Олимпа и въ подземныя обители Орнуса, вбщать истины сокрытыя отъ разумнія смертныхъ. Кто повбрилъ бы поэту, еслибъ онъ самъ собою повбснговалъ о таинствахъ никому невбдомыхъ, о событіяхъ вбковъ отдаленныхъ? Для того-то Гомеры и Виргиліи взываютъ къ Музб, и поютъ уже какъ бы по ея вдохновенію. Тогда читатель съ полною довбренностію слбдуетъ за поемомъ и въ советъ боговъ и въ поля Ексейскія, ибо знаетъ, что устами его вб-

щаетъ само божество, которому все извѣстно. И новѣйшихъ временъ стихотворцы по большей части обращаются къ Музѣ, мало заботясь, какое право богиня ихъ имѣетъ на довѣренность чинашелей. У нихъ призываніе Музы есть не что иное какъ церемоніальное подражаніе; напрошивъ того для древнихъ оно было порожественною необходимостію. Въ поемахъ Гомера несходное съ нашими обычаями и мнѣніями мы относимъ къ его вѣку, и удовольствіе наше при чтеніи шеряетъ отъ того очень мало. Напрошивъ того находя у новаго стихотворца мольбы и вызванія къ богамъ языческимъ, мы пошчасъ догадываемся, что онъ пришворяется передъ нами. Нѣкоторые, желая избѣгнутьъ невыгоды казаться лживыми повѣсповашелями, обращаются къ *Истинѣ*, то есть просятъ Истину, чтобы помогала имъ украшать вымыслами повѣспованіе! Творецъ Пешрїады взываетъ также къ *Истинѣ*, по примѣру Вольцера и Хераскова.

Посмотримъ на ходъ Пешрїады съ первой пѣсни. Г. Грузинцовъ дозволилъ себѣ нѣсколько переменить планъ Ломоносова; но малыя переменны его дѣлаютъ великое различіе между работою двухъ стихотворцовъ. Вынищемъ нѣсколько стиховъ изъ Ломоносова;

- „Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ ;
 „До Меотійскихъ Доуь свободно шекъ валовъ ,
 „Нося ужасной флотъ въ спруяхъ кълучинѣ
 Черной ,
 „Что созданъ въ скорости Петромъ неимо-
 вѣрной.
 „Уже великая покоилась Москва ,
 „Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства :
 „Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ
 казни ,
 „Простерла въ свой мечъ безъ внутренней
 боязни.
 „Отъ дерзкой наглости разгнѣваннымъ Пе-
 тромъ
 „Воздвигся въ западѣ войны ужасной громъ .
 „Отъ Нарвской обуювъ сомнительной побѣды ,
 „Щагались мысли и войскъ походомъ
 Шведы .
 „Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой
 быстрой ходъ ,
 „Къ любезнымъ берегамъ полочныхъ бѣлыхъ
 водъ ,
 „Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ весе-
 лилась
 „И больше къ плаванью въ немъ жажда вос-
 палилась ,
 „О коль пы щасплива , великая Двина ,
 „Что славнымъ шествіемъ его освящена!“ и пр .

Какое умное, съ какимъ шпаніемъ об-
 думанное введеніе! По щасливомъ оконча-
 ній войны прошивъ Турковъ, по сооруженіи
 флота, по усмиреніи стрѣльцовъ объявле-
 на праведная война Швеціи. Войска Рос-
 сійскія дѣйствовали въ Ингерманландіи. Слу-
 жи носились, что неприятель угрожаетъ

Архангельскому берегу, дабы раздѣлить Россійскую силу и крѣпости Ингерскія освободить отъ осады. Пётръ Великій являешся на берегахъ Бѣлаго моря, дѣлаешъ нужныя распоряженія къ оборонѣ и отплываешъ къ Соловецкому острову.

Г. Грузинцовъ, напрошивъ шого, ведешъ читателя къ началу поемы окольною и излучисною дорогою, невзирая на совѣты Горациа, кошорой велишь какъ можно скорѣе приступать къ дѣлу. Вотъ стихи изъ Пепрїады г-на Грузинцова :

„Уже Византія, смирясь рукой Петровой,
„Взирала съ ужасомъ въ подъяна токъ багровой,
„На трупы блѣдныя поверженныхъ сыновъ,
„На сокрушительный мечъ, на плѣны своихъ гра-
довъ.

„Отъ поншовыхъ зыбей до береговъ Балній-
скихъ

„Раздался съ звукомъ бившъ и громъ побѣдъ
Россійскихъ ;

„Уже Азовъ вмѣщаль подвластный намъ народъ,

„И Донъ спокойно текъ до Меонидскихъ водъ.

„Съ полночныхъ береговъ покрытыхъ вѣч-
ной мглою,

„Готель дерзкій зашумѣлъ военною грозою;

„Какъ злобный вдругъ Борей, поднявшись съ
хладныхъ снранъ,

„Трясетъ съ сбдыхъ верховъ сибгъ, градъ на
океанъ ;

- „Со прескомъ ломитъ лѣсъ, въ поляхъ реветъ,
крушится,
 „И отъ воздвигнурыхъ препонъ сильнѣй
ярится:
 „Подобно съ войскомъ Карлъ, напруги силы
ещѣ,
 „Къ Россіи приближалъ стремленіе свое;
 „Водимый гордостью, прельщенъ воинской
славой,
 „Онъ лавры пожиналъ десницею кровавой.
 „Уже вездѣ Петру посланенъ былъ оплотъ,
 „На полъ грозный Карлъ, на безднахъ сильный
флотъ,
 „Промчался по морямъ звукъ бранной непогоды,
 „Позвали Готфровъ власть кипящи Бельта воды;
 „Объемленъ грады страхъ, лежитъ безъ дѣй-
ства плугъ,
 „И шрепещенъ бѣжитъ отъ стада въ лѣсъ па-
спухъ.

Что ешо за велерѣчіе, и къ чему оно? Къ чему служилъ такая распочительность, когда еще дѣйствіе совсѣмъ не начиналось? Оспорожный соинишель, а особливо творецъ героической поэмы, напередъ прилѣжно разсудилъ бы, въ какомъ случаѣ сказать надобно *Византія*, когда *Стамбуль* и когда *Константинополь*; онъ подумалъ бы прежде, хороши ли шумъ бытъ въ такомъ видѣ олицетворенной *Византіи*: надобно ли упоминашь, что громъ юбѣдъ раздался до береговъ Балтійскихъ; прилично ли шумъ уподобляшь Карла Борею. Говорено много, а не сказано полкомъ, что

именно сдѣлалъ непріятель Петра Великаго и гдѣ находяшся его войска. Поволь г-на Сочинителя, чинашеля долженъ оставаться въ невѣдѣніи. Но вошѣ

„Подвластные Петру Архангельскіе бреги,
„Покрыли страшные враждебныхъ силъ набѣги,
„Герой, чтобъ отвратишь насильствіе враговъ
„Въ Архангельскѣ хочешь самъ *идти поверхъ*
всѣловъ.

Да гдѣ же находится самъ герой, и въ какомъ мѣстѣ происходитъ повѣствуемое происшествіе? Герой хочешь самъ идти въ Архангельскѣ; для чегожъ онъ не идетъ? Погодише! легко ли ешо сдѣлашь?

„Собравши на совѣтѣ мужей къ себѣ *избран-*
ныхъ,
„Покрытыхъ сѣдиной и лаврами вѣчныхъ.
„Вѣщаль :“

Гомеръ и послѣдователи его непремѣнно называли бы каждаго мужа по имени и сколько можно познакомили бы чинашеля съ сѣдовласыми, лавроносными совѣшниками. Но слушаемъ вѣщанія Героя.

„О други! насъ постигнетъ злобный рокъ,
„Когда въ сраженъяхъ намъ не дастъ успѣха
Богъ!
„Свирѣпые враги во дерзости надмѣнной
„Несущъ къ намъ люту смерть рукой окрова-
вленной

- „Въ союзныхъ намъ градахъ раздался ихъ ударъ,
„И полночь зрится сквозь дымъ Сарматскихъ
спранъ пожаръ.
„Мой предокъ Александръ оставилъ къ славы
слѣды :
„Пойдемъ, куда зоветъ гласъ громкія победы!
„Извѣстна ваша мнѣ къ отечеству любовь !
„Покажемъ свѣту мы, что въ насъ героическа
кровь !
„Намъ въ брани предстоятъ великія премьны;
„Увидяшъ съ страхомъ Готфъ Россійскія зна-
мены,
„И нашимъ кораблямъ Непшунъ средь бѣлыхъ
водъ,
„Отворишь въ области морей свободный ходъ;
„Къ полночнымъ берегамъ Россіи восхищенной
„Довольство попечешъ отъ всѣхъ градовъ все-
ленной.“

Въ совѣщахъ обыкновенно разсуждаютъ, такъ ли надобно поступить или иначе, то ли надобно сдѣлать или другое. Въ сей безполезной рѣчи заспавляютъ Монарха говорятъ слова совершенно пустыя. Гдѣ неприятель? куда надобно послѣшать съ войскомъ? ничего неизвѣстно. На безполезную рѣчь Царя отвѣчаетъ Голицынъ (Гвардіи Подполковникъ), правды другъ, любимый счастья сынъ, неустрашимый Вождь и добрый гражданинъ :

„Не бранное искусство
„Печши во мнѣ, о Царь! усердья полно чув-
ство !

„Хочу прошивъ враговъ мою поставить грудь,
„Когдажъ поможетъ Богъ, увѣренъ въ лав-
рахъ будь.“

А Царь опять

„Да будешь, рекъ вождю, швой путь благо-
словенъ,

„Яви Россійску мощь у Шлиссельбургскихъ (*)
спѣнъ

„Да мужествомъ твоимъ и вѣрныхъ чадъ рукою
„Пространный къ славъ путь на сѣверъ открою.

И конецъ совѣщаній, для копорыхъ со-
браны были избранные мужи! Непосред-
ственно за шѣмъ

„Подъ сѣнью орлихъ крылъ Голицынъ по во-
дамъ

„Россійскіе несутъ перуны ко врагамъ.

„И Шереметева къ Петровой славы рвенье

„Сугубитъ храбру рать враговъ на поражение.

Но по какимъ водамъ? и какъ Голи-
цынъ на нихъ очутился? Послушаемъ
однакожъ далѣе и спанемъ сравнивать спи-
хи нашего поэта со стихами Ломоносова.

„Такъ силы раздѣливъ Царь ревностнымъ му-
жамъ (**)

(*) Голицынъ долженъ былъ осполбенѣть отъ
удивленія. Имя Шлиссельбурга тогда еще
совсѣмъ было неизвѣстно: ибо городъ сей до
взятія Русскими назывался Ношебургомъ.

(**) Какимъ?

- „Простерся отъ Москвы къ *вечернимъ* берегамъ (*)
- „Гдѣ къ плаванью суда припасами снабденны
- „Сстояли въ казнь враговъ Монархомъ ополченны.
- „Казалось, самъ Непшунъ ихъ въ бѣгу призывалъ,
- „Крошя подвласный поитъ душъ бурямъ за-прещаль.
- „Предшественница дня, оставя одръ багряный,
- „Течетъ — и изъ подъ волю възводитъ зракъ румяный;
- „Востокъ отверзъ врата спѣшащу солнцу въ міръ,
- „И се лѣтся свѣтъ на море и эфиръ —
- „Въ пречудной лѣпотѣ явились круги звѣзды (**)
- „Лучами озарясь пылаютъ златомъ бездны.
- „Царь буръ неотверзалъ *песчаныхъ горъ* въ-прамъ (***)
- „Зефиры лишь одни играли по зыбямъ;
- „Ввѣряются морямъ пловцы веселья полны —
- „Уже Россійскій флотъ помчали шумны волны
- „Сокрылись берега и небо лишь одно
- „Съ поверхностью пучинъ являлось сопряжено.

Теперь слѣдуетъ описаніе спрашной непогоды. Бури и вихри на зло Непшуну

(*) Надлежало бы къ *сѣвернымъ*. Волшебная сила поэзіи для одного лишняго слога переноситъ устье сѣверной Двины на западъ. Но кажется можно бы шутъ поставивъ *полночнымъ*, неиспощая безъ нужды чародѣйственной силы стихотворства.

(**) Какъ это? при восхожденіи солнца?

(***) Тамъ Непшунъ, а здѣсь уже Еоль.

„Онъ громко возгласилъ къ пловцамъ съ кор-
мы высокой :
„Мужайшесь, съ вами я! сей гласъ какъ тру-
бный звукъ
„Внезапно ободрилъ въ соплавателейъ духъ ;
„Подвиглись всѣ къ шрудамъ, исполненные
рвенья,
„И каждой свой корабль спасалъ отъ погло-
щенья (*).

Наконецъ небо прояснилось и настала
пишина — ибо Всевышній словомъ прекра-
тилъ спихій враждебный споръ. Такимъ
образомъ 'Еоль долженъ былъ смирился
передъ истиннымъ Богомъ. Пусшь чипа-
пель сравнилъ прекрасное описаніе шой же
бури у Ломоносова.

„Уже бѣлѣя Понтъ передъ Петромъ кипитъ,
„И влага уступитъ, шума ему спѣшитъ.
„Тамъ вмѣсто чайныхъ бореи флаговъ Швед-
скихъ
„Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
„Закрылись крайніе пучиною лѣса ;
„Лишь съ моремъ видны вкругъ слянны небеса.
„Тутъ въпры сильныя имѣя флотъ во власти,
„Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной
напасти,
„На западъ и на югъ ,на сѣверъ и востокъ
„Стремяшся, и вершяпъ мглу, влагу и песокъ ;
„Черуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
„И громы съ шумомъ водъ свой прескъ сое-
диняющъ :

(*) Но могли ль они, бросаемые волнами, слы-
шать голосъ Монарха ?

„Межь моремъ рушился и воздухомъ предѣль;
 „Дождю на вспрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ
 летѣлъ;
 „Въ сердцахъ великой страхъ сугубящъ скры-
 номъ снасти.
 „Герой нашъ посредѣ великія напасти,
 „И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
 „Сквозь грозный стонъ спихій къ блѣднѣю-
 щимъ гласитъ:
 „Мужайтесь; промыслъ насъ небесный иску-
 шаетъ,
 „Къ прудамъ и къ крѣпости *на предки* обо-
 дряетъ;
 „Всякъ дѣлу своему со пщаніемъ внимай;
 „Опасности сея Богъ скоро *пошлетъ край*. —
 „Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая
 вліялась
 „И буря въ ярости кротчае показалась.“

Вотъ кисть великаго живописца! У Ломоносова Герой не на корму всходишь, чпобъ опшуда во услышаніе всѣмъ плава- шелямъ воскликнушь: *мужайтесь!* Я съ ва- ми; нѣтъ, онъ взоромъ и рѣчьми ободряетъ шѣхъ, копорые могли видѣть его и слы- шать. Послѣ того Петръ оспанавливаетъ флотъ евой при устьи рѣки Уны, и въ ожиданіи попушнаго вѣтра сходишь на бе- регъ, нѣкогда орошенный слезами Романо- выхъ. Корабли опять пустились въ путь свой. Между шѣмъ при шихомъ плаваніи Герой произносишь достопамяшныя слова къ своимъ сподвижникамъ; говоришь о славъ Русскихъ новыхъ мореходцовъ; воспоминаешь

объ открытіяхъ Гамы, Колумба, Магеллана, и предвѣщаетъ, что Россіе Колумбы ошворятъ новый путь въ Америку по Ледовитому океану. Ученый Ломоносовъ зналъ, что въ первой половинѣ испекшаго вѣка очень занимались симъ открытіемъ, но которое теперь, послѣ многихъ опытовъ, уже считается невозможнымъ. И въ новой Пешрядѣ Герой нѣчто говоритъ къ своимъ сопрудникамъ; но здѣсь онъ указываетъ имъ не на полночь, не на прошивуположенный край берегу, а смотря на стѣны Соловецкаго монастыря, и вѣщаетъ слѣдующее:

- „Друзья кто мнилъ изъ васъ
 „Чтобъ рокъ когда нибудь носилъ по безднѣ
 насъ?
 „Чтобъ, вашими суда построены руками,
 „Намъ дали полну власть надъ дальними мо-
 рями?
 „Явило время намъ сіе *событіе* :
 „Терпѣнье и труды превозмогають *все*.
 „На понѣ мы свои напечатлѣли слѣды,
 „На понѣ будемъ мы торжествовать побѣды,
 „И пренесемъ орла за льдистый океанъ,
 „Куда не достигалъ Колумбъ и Магелланъ.“

Читатели до сихъ поръ могли уже замѣтить, что планъ Ломоносова понравился нашему Спихопворцу, которой почти вездѣ очень близко ему подражаетъ, позволяя себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по-

правляшь его, сокращашь и переиначевашь. Великолѣпное описаніе Неппунова дома и привѣспвіе, которое сей богъ моря, сопровождаемый свишою своею, при полуночномъ сіянїи незаходящаго солнца на краю сѣвернаго горизонша, сдѣлалъ Петру Великому, показалось излишнимъ г-ну Грузинцову, и онъ правъ по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ; ибо строгой вкусъ запрещаетъ вводитъ боговъ языческихъ въ Поэму, основанную на историческихъ событіяхъ вѣковъ недавнихъ. Но для чего онъ сіе украшеніе замѣнилъ другимъ, совсѣмъ не у мѣста и безъ всякой побудишельной причины поставленнымъ? Къ чему такое пышное описаніе отъ Соловецкаго острова выдавагоса мыса, которой только что мелькнулъ въ глазахъ плавателей и существенно не принадлежитъ къ повѣствованію? Мѣста описывающія спихотворчески въ такомъ случаѣ, когда на нихъ что нибудь происходитъ, имѣющее отношеніе къ приключеніямъ героя. Не угодно ли насладитъсѣя описаніемъ диковиномъ, котораго представились взорамъ плавателей по утишеніи бури?

„Умолкъ свирѣпый вихрь средѣ влажныхъ моря

ЛОУБЪ,

„Отъ усшалыхъ валовъ лишь слышанъ слабый
стонъ.

- „Тогда близъ двухъ холмовъ, увѣнчанныхъ лѣ-
сами,
„Открылся швердый мысъ *возникшій надъ*
водами,
„*Изображающій для зрѣнья видъ жѣлѣй* (*)
„Покрытый жемчугомъ и рыбьей чешуей;
„*Тамъ чудъ морскихъ спада для отдыха при-*
ходящѣ,
„Бьющѣ воду и клубящѣ и шумомъ сонѣ на-
водящѣ;
„Другіе изъ подъ волнъ отверзшы кажутѣ рты,
„И златомъ и серебромъ блистающіе хребты.
„Тамъ вся прибрежна сушь изъ насыпей ян-
тарныхъ,
„Висающѣ стаи птицѣ въ развалинахъ кри-
стальныхъ;
„Горящѣ громады вокругъ отъ солнечныхъ лучей,
„И радуги цвѣшущѣ по верхъ сѣдыхъ зыбей.
„Какъ снѣги, холмы тамъ отъ бѣлой моря
пѣны
„Льющѣ въ воздухъ сладкій гласъ пернатыхъ
сирены.“

Гомеръ, Виргилій и всѣ благоразумные ихъ послѣдователи описывая мѣста, соображались съ общимъ мнѣніемъ своихъ современниковъ, съ общими понятіями, копорыя не рѣдко бывали и справедливы. Но какъ же бы обманулись тѣ изъ чипапелей, копорые, положась на слова Творца Пеш-

(*) Ломоносовъ, говоря о *каменистыхъ горахъ*, копорыя мы называемъ жѣлами, разумѣющѣ горы покрытыя водою; а здѣсь *мысъ надъ водами* изображаетъ видъ *жѣлѣй*! Подражаніе весьма неудачное!

рѣды, отправились бы къ Соловецкому острову собирать янтарь и жемчугъ! Сверхъ того, по сему роскошному изображенію вымышленныхъ красотъ природы, иной подумаетъ, что Герою угрожаютъ навѣщны какой-нибудь полярной Цирцеи, или искушенія какой-нибудь сѣверной Армиды. Спраздъ напрасной! Петра вспрѣчаешь Архимандритъ Тирскъ съ брашнѣю. И надъ симъ осмидесятилѣтнимъ спарцемъ г. Сочинитель заставляешь Петра издѣваться! Ибо чѣмъ инымъ, какъ не шушкою, надобно почестъ слова Героя, произнесенныя имъ поспѣхъ за вопросомъ?

„Кто васъ въ пустынь сей стѣнами оградилъ?
 „Подумать лъзя, возрѣвъ на башни со стѣнами,
 „*Что будто изъ морей они возникли сами!*

И сей спарецъ, въ присушствіи коего, во храмъ истиннаго Бога, при восклицаніяхъ

„Отверзся сводъ небесный

„И Ангель ниспущаясь, одѣявъ въ свѣтъ чудесный,

„Безплотною рукою оливну вѣтвь держалъ,

„И вѣнценосный верхъ осклабься сбѣнялъ (*).

(*) Стихи прекрасные! и такихъ стиховъ очень много разсыпано въ Петриадѣ. Но одни гладкіе стихи недоставяютъ прочной славы поемѣ. Изъ числа множесва книгъ сочувствуемъ г-ну Сочинителю на первой случай прочестъ со вниманіемъ *Науку стихотворъ*

„Какъ ризою, весь храмъ облекся вокругъ зарями,
„Отъ Ангела къ Петру блескъ сыпался лучами.

сей, говорю, спарець, свыше вдохновенный
даромъ пророчества, открывая Монарху
таинство судебъ грядущихъ, предвѣщая
славу Россіи на моряхъ и на сушѣ, произ-
носитъ :

„Тамъ грады рушенны, здѣсь флютовъ бурный
бѣгъ.

„Богъ вода зря дерзость ихъ, изъ влажныхъ
стихій

„Выходитъ яростенъ, грозитъ сынамъ Россіи;

„Съ угрюмага чела спрысаетъ черной иль,

„И, легкостью носясь Борея шумныхъ крыльъ,

„Наводитъ бури онъ, но, Россомъ побѣжденный,

„Даетъ ему пухи въ предѣлы ошдаленны.

Монархъ рассказываетъ Тирсу о мя-
шежѣ раскольниковъ; прошиву сего нѣтъ
возраженія, ибо и Ломоносовъ, котораго
переводили нашъ Стихотворецъ, также
влагаетъ Петру въ уста бесѣду о спрѣ-
лецкихъ буншахъ. Но въ сей новой Пеп-
рїадѣ Герой за нужное находить къ повѣ-
сти своей о раскольникахъ прибавить весь-
ма чудной, нѣкогда имъ видѣнной сонъ,
или на яву случившееся съ нимъ приклю-

---

*ства г-на Рижскаго; а еще было бы лучше,
когдабъ онъ сдѣлалъ это прежде изданія въ
свѣтъ Пепрїады, и вытвердилъ бы наизустъ
отдѣленіе объ епископской поемѣ.*

ченіе — пусть рѣшишь чашапель; ибо прежде Царь говоришь :

„Мнѣ спящу на одрѣ внезапно сновидѣнье
„Представило очамъ чудесное явленіе :“

Потомъ онъ же упоминаешь, что явившійся во снѣ Александръ Невскій разбудилъ его:

„Иди — намъ нѣтъ преграды,

„Онъ рекъ, коснулся въ одрѣ, и я возсталъ
онъ сна.“

Невидно, чтобы Монархъ опять предался сну; однакожъ онъ, спустивъ чешыре спраницы, восклицаетъ :

„О сонъ исполненный божественныхъ чудесъ!“

Какъ бы то ни было, въ одну ночь когда Царь, по случаю смерти Лефорша, размышлялъ о бѣдствіяхъ житейскихъ и заснулъ въ сихъ мысляхъ — вдругъ являлся ему Александръ Невскій и, послѣ взаимныхъ привѣтствій, возбуждаетъ его отъ сна, несетъ его по воздуху надъ льдистыми морями, потомъ мимо высокихъ вѣчными снѣгами покрытыхъ горъ, въ копорья, какъ гласятъ древнія преданія, преобращенъ былъ Апланшъ; потомъ, оставивши въ сторонѣ Ицалію, путешественники прилегли къ вратамъ клокощущаго ада, и тамъ увидѣли дикообразный сонмъ чудовищъ, увидѣли Зависть, которая пьетъ собственную желчь и дождишь изъ челю-

„Тамъ вѣчность, машь временъ съ нахмурен-
нымъ челомъ,
„Стойтъ предъ своимъ невидимымъ Творцомъ;
„Во книгу углубясь грядущее читаешь,
„И изъ листовъ число минувшихъ лѣтъ сду-
ваетъ.“

При семъ чудесномъ зрѣлищѣ Петръ
возопилъ предъ Княземъ :

„Возможноль, чтобъ сей Богъ
„О щастіи пещись ничтожной твари могъ?
„Чтобъ вопли смершнаго отъ бѣдственнаго
дола
„Достигли къ высотѣ превѣчнаго престола?
„Не случай ли слѣпый чредишь дѣла людей,
„Всѣхъ равно ихъ творя игралищемъ страстей?

Столь дерзновенный ропотъ наказанъ
строгимъ прещеніемъ. Круги звѣздные за-
препешали, бездны воскипѣли, раздались
громы и гласъ Божій опкликнулся въ без-
численныхъ мѣрахъ и въ каждомъ свѣшилъ:

„Страшись, о смершный ты, о Богъ разсуждать!
„Люби Его, когда не можешь поспигать!
„Ничтожность чти свою безсмертія залогомъ.
„Не мудрствуй и смири кичливый духъ предъ
Богомъ.“

Послѣ того они внезапно перенеслись
еще въ иной мѣръ, и шамъ увидѣли на
священныхъ олшаряхъ ликъ Греческихъ и
Римскихъ гѣроевъ, въ честь коимъ курятъ
горній дымъ. Тамъ же во славу зрѣлся
и сонмъ Князей Россійскихъ, изъ числа

которыхъ именно упоминаются: вѣрный въ дружбѣ и неупомимый войною великій Моммахъ, просвѣщитель Россіи Владиміръ, разрушитель Казани Іоаннъ и крошкѣй Царь Алексій Михайловичъ, открывающій сыну своему будущую судьбу Россіи.

Въ Енеидѣ низшествіе Героя въ поля Елисейскія, равно какъ и въ другихъ извѣстныхъ поемахъ подобные сему эпизоды, описывающія самимъ стихотворцемъ. Сіе прекрасное опшупленіе имѣетъ шамъ весьма тѣсную связь съ дѣйствіемъ эпическимъ. Набожный Еней лишился отца своего во время разрушенія Трои; прибывши въ Италію, въ землю ему неизвѣстную, но въ которой по волѣ судьбы надлежало ему основать новое царство, онъ желалъ видѣть Анхиза и узнать отъ него будущее свое и потомства своего назначеніе. А здѣсь безъ всякаго повода, безъ малѣйшей побудительной причины самъ Герой нышними словами пересказываетъ Оирсу чудное свое пожденіе, которое ничѣмъ непривязано къ содержанію поемы — хотя бы и принять, будто въ Пеприадѣ есть содержаніе или цѣль дѣйствія.

Извѣстно по Исторіи, что Пепръ Великій, вышедши на берегъ Блага моря въ деревнѣ Нюхчи, вхалъ сухимъ пушемъ 160

верстѣ до рѣки Онеги, откуда на приго-
товленныхъ судахъ плывъ Онежскимъ озе-
ромъ и рѣкою Свирью до озера Ладожскаго,
Въ одной лѣтописи сказано, что Монархъ
отъ уномянущой деревни Нюхчи велѣлъ
перешагнущъ по сухому пуши дѣль яхты до
рѣки Онеги, и будшо бы на нихъ уже по-
плылъ далѣе. Кромѣ того еще подъ самымъ
Нопебургомъ перешащено изъ озера въ Не-
ву по сухому пуши 50 судовъ. Ломоносовъ,
не упустивъ воспользоваться сими обсто-
ятельствами, очень кспати напоминающъ
объ Ольговомъ сухопушномъ приспущѣ къ
Константинополю на ладьяхъ съ парусами,

„Онъ окомъ и умомъ вокругъ мѣста обшедъ,
„Избранные полки къ Орѣховцу ведетъ,
„Животворящему его прихода слуху
„Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху,
„Могущихъ Росскихъ рукъ невоспящаетъ лѣсъ;
„Примѣръ изображенъ пушъ Ольговыхъ чудесъ,
„Предъ Цареградскими высокими стѣнами
„Онъ по полю въ ладьяхъ спремился парусами,
„Здѣсь вмѣсто вѣтра былъ усердый нашихъ
духъ,
„И вмѣсто парусовъ сопряженны силы вдругъ.“

Творецъ новой Пепрїады съ отважно-
стію, прямо пѣническою, хотя впрочемъ
безъ умысла, заставляющъ Пепра Велика-
го отъ Бѣлаго моря плыть со всѣмъ Архан-
гельскимъ флотомъ въ Ладожское озеро.
Можешъ бышь на шу пору г-нъ Сочинитель

не имѣлъ передъ собою хорошей географической карты Россійскаго государства, или же положился онъ на какую нибудь *новѣйшую* Географію, сочиненную сидѣльцемъ книжной лавки для пользы юношества; какъ бы по ни было, но по началу пррпей пб-сни очевидно открывается, что флотъ Россійскій изъ Бблаго моря мимо двухъ мблей какимъ по образомъ пронесся въ Ладожское озеро.

„Свирѣпа Гошфска рашъ въ пмочисленныхъ
рядахъ ,

„Съ сшдомъ пусшилась въ ббгъ на быстрыхъ
корабляхъ.

„Уже Россійскій флотъ, боря валы надмбны

„И пбною сбдой усшавши поншъ червленый

„Пронесся безъ вреда межъ швердыхъ двухъ
мблей ,

„Возникнувшихъ изъ нбдръ Непшуновыхъ зыбей:

„Едина свой хребетъ ко сущъ примыкала ,

„Другая отдблясь видъ острова являла.“ *и проч.*

„Ужь солнце за черту полуденну склонялось

„И сыпля въ поншъ лучи съ верхами безднъ
сливалось ;

„Ошъ моря отдблясь сгущенною водой ,

„Крупишся Ладога пуская спрашый вой ,“
и проч.

„Едва всшпилъ нашъ флотъ въ грозящу хлябъ
ббдою ,

„Угрюмый вдругъ Борей покрывшій воздухъ
шмою ,

„Подулъ схватилъ суда“ *и проч.*

Сколько разъ ни читаеше и ни пере-
чишываеше снова спраницы 51 и 52, на-

ждой разъ выходишь, что Петръ Великій со флотомъ своимъ отъ Соловецкаго острова приплылъ въ Ладожское озеро.

Послѣ сего да будетъ уже намъ позволено прекратить свои замѣчанія; ибо изъ приведенныхъ примѣровъ довольно ясно оказывается расположеніе и отдѣлка Пепрїады. Ежели г. Сочинитель держась за Ломоносова споль часто сбивался съ дороги; по чего ждешь, когда онъ идетъ самъ собою, ведомый единственно своимъ геніемъ? Мы упомянули выше и повсюряемъ съ удовольствіемъ, что въ разныхъ мѣстахъ Пепрїады попадаешься вдругъ по нѣскольку хорошихъ стиховъ, свидѣтельствующихъ, что г. Сочинитель могъ бы написать нѣчто приятное, когдабъ имѣлъ терпѣніе руководствоваться хорошими правилами и образцами, и совѣтоваться съ искренними, но свѣдущими и строгими друзьями своими, непринимаясь однакожъ за героическія поемы, которыя преобладаютъ опличнѣйшаго таланта, обширныхъ и глубокихъ познаній. Продолжая разсматривать Пепрїаду, мы нашли бы много отважныхъ, ничѣмъ неизвиняемыхъ несообразностей. Г. Сочинитель безъ всякой нужды переставляетъ происшествія, — на примѣрѣ о построеніи С. Петербурга у него говорится прежде, нежели о взятіи Нейшанца; не вы-

спавляетъ и даже не обрисовываетъ *характеровъ*, хотя непременно надлежало бы явственными чертами изобразить многія лица, — на примѣрѣ Шеремешева, Меньщикова, Апраксина, Головина, Мазепу и такъ далѣе; безъ всякой пользы для плава, котораго, сказать правду, совсѣмъ нѣтъ въ Пепрїадѣ, нарушаетъ историческую достоверность, — на примѣрѣ Малороссійскаго Гепмана Мазепу дѣлаетъ начальникомъ войскъ Донскаго, Уральскаго и даже Калмыцкаго, или заводитъ Карла куда-то на воспокѣ къ горѣмъ безплоднымъ и необитаемымъ, раздѣляющимъ будто бы Нагайскихъ Ташарѣ отъ Донскихъ козаковъ; прилепляетъ эпизоды ушомшельные и ни къ чему не служащїе, — на примѣрѣ описывая бесѣду между Карломъ и пуспынникомъ въ пещерѣ и чудесное низпосланїе пищи Шведскому войску и проч. и проч.

Ж. Ж.

IV. С М Ъ С Ъ.

Примѣры честности и усердія служъ Русскихъ.

Добродѣтель украшаетъ всякое званіе. Каждой человѣкъ, исправляющій свою должность благоразумно и честно, имѣетъ право на уваженіе братьей своихъ, на какой бы стелени Промыслъ ни поставилъ его, и какое бы иго ни несъ онъ по долгу служенія въ обществѣ человѣческомъ. Но есть случаи, когда честность людей, особливо же безвѣстныхъ и по званію своему дѣйствующихъ въ кругу весьма пѣсномъ, оказывается при необыкновенныхъ обстоятельствахъ; есть случаи, когда люди сїи возносясь, можно сказать, выше обыкновеннаго своего положенія, великодушно пренебрегаютъ собственную безопасность единственно по убѣжденію добраго своего сердца, и такимъ образомъ заслуживаютъ право даже на удивленіе самыхъ друзей человѣчества. Въ бѣдственное для многихъ но славное для всѣхъ насъ время свирѣпствованія лютыхъ Французовъ среди любезнаго Отечества нашего, въ какомъ лучезарномъ блескѣ явились доблести воинскія

и гражданскія! Кто не могъ поражать врага личнымъ своимъ мужествомъ; пошъ или содѣйствовалъ къ истребленію его другими способами, или спасалъ несчастныхъ, или покоилъ недужныхъ и раненыхъ, или довольствовалъ разоренныхъ. Многіе добрые слуги неусупали прочимъ въ ревности оплечавшя подвигами великодушія. Въ сіе страшное время испытанія они усердно помогали несчастнымъ господамъ своимъ, и безкорыстно подвергались для нихъ разнымъ опасностямъ, въ единственномъ упованіи ошъ всещедрого Творца получить награду за добрыя дѣла свои. Изъ числа такихъ примѣровъ слѣдующій достоинъ примѣчанія не менѣе по своей собственной важности, какъ и по искусству пера, копорымъ онъ описанъ (*).

Госпожа Генераль-Майорша Н. по обстоятельству не могла выхатъ изъ Москвы при нашествіи Французовъ на сію столицу, и принуждена была оставашся въ ней съ больною дочерью своею, двумя малолѣтними сыновьями, слугою *Васильемъ* и служанкою. Надобно знать,

(*) Въ маленькой книжкѣ: *Обстоятельное извѣстіе о чудесномъ спасеніи вдовы Генераль-Майорши Н. М. при нашествіи на Москву Французовъ.*

что сама она была очень слаба здоровьемъ по причинѣ извуренія шѣлесныхъ силъ отъ болѣзни и горести.

„Москва была уже почти пуста“ пишеть госпожа Н.; „въ ней царствовала глубокая тишина, прерываемая только шумомъ отъ проходившихъ нашихъ войскъ; но по полудни часу въ 4 мѣ и сей шумъ утихъ, и настало мертвенное безмолвіе. Слѣдовательно ожидать защиты было уже не отъ кого. Въ домѣ оставалась только я одна съ моимъ семействомъ и еще двѣ хозяйскія женщины, которыхъ у меня же искали кровительства; мужей же, кромѣ малолѣтнихъ моихъ сыновей и наемнаго слуги *Василья*, который былъ человѣкъ вольный и долженъ былъ такъ же помышлять о своемъ спасеніи, никого съ нами не было. — Я прибѣгла къ единому защитнику и покровителю безпомощныхъ, Владыкѣ живота нашего, и укрѣпившись молитвою и предавши себя и дѣтей моихъ въ Его свящую волю, рѣшилась на слѣдующее. — Во первыхъ, представя себѣ всю опасность, угрожавшую мнѣ, моей дочери и сыновьямъ моимъ, я положила, если не умолю Французовъ слезами и воплями моими, защищаться принесенными моимъ *Васильемъ* ружьями и саблями, для того только что бы намъ всѣмъ бысть убитымъ. Потомъ

призвавъ добраго *Василья* и поблагодаря его за бывшія его мнѣ услуги, объявила ему, что теперь онъ можетъ идти куда хочетъ. — „Развѣ я вамъ спалъ не надобенъ?“ спросилъ меня сей добрый человекъ. — Нѣтъ, мой другъ, не по; но ты видишь, въ какомъ мы положеніи, оповѣстивовала я. — „Такъ за чѣмъ же вы меня оповѣстивовали?“ повспорилъ онъ. — За шѣмъ, чтобы ты спасалъ себя, какъ можешь. — „А вы?“ — „А мнѣ нечего уже дѣлать, какъ умираю. — „Такъ и я съ вами,“ оповѣчалъ онъ. „Я оспавался только для васъ; еслибъ мнѣ не жаль было васъ, то меня давно бы въ Москвѣ уже не было. Нѣтъ, сударыня, я не могу въ такомъ случаѣ васъ оспавить, и хочу кресты мои положить у васъ: что съ вами будетъ, то и со мною;“ — и симъ оповѣщеніемъ взялъ подлинно бальзамъ на сердечныя мои раны.

„Надобно мнѣ познакомить читателя съ моимъ *Васильемъ*. Онъ дворовой человекъ Князя Якова Федоровича Шаховскаго, — служилъ у меня при годѣ, — человекъ не видный, не бойкой, смиренный; не честный, вѣрный и прекроткаго нрава. Служа у меня изъ умѣренной плѣшны, и по недоспапочеству моему не имѣя никакихъ выгодъ, коими онъ могъ бы пользо-

вашся въ домъ богатомъ, о.в до того усердствовалъ мнѣ, что искалъ всѣхъ способовъ не только услуживать мнѣ, но и одолжать меня. Не разъ случалось, что когда я доходила до того, что не имѣла денегъ ни копейки, онъ примѣтя то, или выпрося у дѣшей моихъ, занималъ на себя и приносилъ ихъ мнѣ. И такъ сѣе благодѣяніе его мнѣ было уже не первое; да и не послѣднее; какъ читашель увидишь.

„Кончивъ такимъ образомъ переговоры мои съ *Васильемъ*, я приказала запереть ворота и сѣни; закрытъ спавнями окна переднихъ комнатъ, и не подавать огня; хошя былъ уже вечеръ. Сама съ дѣшми удалилась въ одинъ маленькой кабинетъ; находившійся подлѣ залы; дѣвку свою и двухъ хозяйскихъ женщинъ, ко мнѣ прибѣгшихъ, посадила въ другую маленькую комнаточку у буфета; *Василью* же велѣла оспаваться въ передней. . . .

„Вскорѣ по расположеніи моего лагеря услышали мы стукъ, и увидѣли Француза, кошорый разломавъ ворота, вошелъ на дворъ; но видя все запертымъ, походилъ только по двору и ушелъ прочь. Такихъ посѣтителей перебивало у меня четверо. За симъ раздался шумъ, подобный равенному спуку, и я, взглянувъ въ окно мое,

увидѣла вдали большое зарѣво. За симъ звукомъ слѣдовали многіе другіе шаковыежъ, и каждый разъ небо воспламенялось новымъ пламенемъ; впрочемъ пишина была мершвая. Я, видя смерть неизбѣжную, и рѣшившись уже на нее, приготавлила дѣшей моихъ къ оной, и приготавлилась сама предстать съ ними предъ судъ Вышняго. — Вообрази, читатель, мое положеніе! вообрази ужасъ предстоящей смерти и пренебреженіе мащери, готовящей дѣшей на смерть!.. И однозвѣжъ я назову сіи минушы блаженными. Душа въ оныя, кажешся, выливается изъ брѣннаго шѣла и возлещаетъ въ горняя; существо ея, кажешся, преобразуется: какая дивная лабораторія былъ мой кабинетъ!

„Когда я, прекращая разговоръ мой съ дѣшми, занималась уже съ собою, дѣши мои задремали, и пробуждены были уже сильнымъ шумомъ и прескомъ. — Ещѣ ломали двери въ наши сѣни. — Вдругъ зала наша освѣпилась, и слышны спали разные голоса Французовъ, вѣбжавшихъ съ обнаженными саблями, съ ружьями и патронами. Чрезъ дверную щель я видѣла, что *Василій* мой былъ уже у нихъ въ рукахъ. Полянъ, служившій имъ полмачемъ, держа его за воротъ и надъ головою его саблю, допрашивалъ его: гдѣ господъ? —

Безцѣнный мой *Василій*, не уважая своей жизни и презирая всю опасность, что первый подчонъ въ двери отцрылъ бы обманъ его Французамъ, увѣрялъ ихъ, что кромѣ его никого въ домъ нѣтъ. — Кто увѣршилъ его отважись на ушайку того, чего сокрышь, казалось, было невозможно? — По видимому, они обрабили уже какую нибудь церковь; ибо въ рукахъ у нихъ были большія военные сѣчи, употребляемыя въ церквахъ.

„Какъ скоро они вошли къ залу, то прежде всего бросились къ епюлу, стоявшему у моихъ дверей, на коемъ были бутылки и спаканы, и начали опивѣдывать, заставляя однакъ, конечно по сумнвнйо, выпить изъ каждой бутылки прежде *Василья*. Но у меня вина не было; а квасъ и вода имъ не нравились. Между прочимъ опюла шумъ въ бутылкѣ сабожная вакса, копорую они также заставляли *Василья* опивѣдать прежде ихъ; и онъ, бѣдный, долго хлопоталъ съ ними, шолкуя имъ, что епю не напишювъ, и уже плеснувъ изъ бутылки на полъ и помазавъ шѣмъ сабоги, исподковалъ имъ существо и качество вещи.

„Какъ они прребовали непрестано вина и хлѣба, то *Василій* повелъ ихъ въ пухъ.

ню, гдѣ было нѣсколько печенаго хлѣба. Опшуда скоро они возвратились съ бушылками вина, разбивши хозяйскую кладовую, въ кошорой и вино нашлось, и расположились пить оное на помѣ же сполѣ, кошорый споялѣ въ залѣ подлѣ самыхъ дверей моихъ. Такимъ образомъ они вбѣгали и выбѣгали изъ залы чешыре раза; бѣгали го всѣмъ комнашамъ, бѣгали по двору, по саду, бѣгали поминушно въ кладовую, кошорая была прешивъ самаго моего окошка, и пламенниками своими освѣщали всю шу комнашу, въ кошорой мы въ попьмахѣ сидѣли, шакъ чшо мы должны были присѣдашь на полѣ, чшобы не бышь для нихъ видными. Мы дрожали опѣ спрахѣ, ожидая ежеминушно, чшо дверь нашу отворятѣ и вѣ намѣ войдушѣ, и даже дышатѣ мы не смѣли, кромѣ какъ шогда когда они выбѣгали вонѣ; но всещедрый Промыслѣ, хопѣвшій показатѣ на насѣ, чшо безѣ воли Его и власѣ съ главы нашей не погибнешѣ, сошворилѣ сѣ чудо, чшо они, и находясь подлѣ моихъ дверей, ниже до нихъ дошронулись, — и проходя мимо окна моего съ огнями, насѣ въ окно не увидѣли, — и бѣгая по всѣмъ комнашамъ, въ сѣю дверь заглянушь не полюбопытшпвовали. Сѣ чудесное спасеніе шѣмѣ еще доказательнѣе, чшо когда они въ первый разѣ вбѣжали въ залу, шо не воснулись шакже дверей и шой

комнаты, гдѣ спряжаны были мои женщины; когдажѣ женщины мои, боясь быти шоль близко къ Французамѣ, по первомѣ выходѣ ихѣ на дворѣ, убѣжали вонѣ изъ сей комнаты, шо по вшоричномѣ ихѣ входѣ вѣ залу, они посѣпили и сѣю комнату. Когда Франгузы вошли уже вѣ оную, я обмерла, полагая, что доходитѣ очередь и до моеѣ, и что пришелѣ нашѣ конецѣ; но милующая насѣ Десница ослѣпила имѣ очи, и они, выбѣжавѣ опшуда, принялисѣ, опять пишь, и моеѣ двери какѣ бы не видали. . . .

„Между шѣмѣ варвары ломали двери и полы вѣ покояхѣ, вѣ сараѣ, вѣ конюшнѣ и вѣ кладовой, вшывали вѣ землю сабли и палаши, испышывая, не зарышолн что вѣ землѣ; разгребали кучи песку, пригошювленнаго на дворѣ для спроенѣя, ища, не спряжано ли что подѣ оными; разбивали сундуки, шнафы и чемоданы; и оставя разборѣ всему до ушра, забрали ножи, шпоры и прочѣя подобныя вещи кѣ себѣ, и положи ихѣ подѣ себя, полегли спать вѣ передней, вѣ сѣняхѣ, на крыльцѣ и у вѣрошѣ, положи сѣ собою и *Василья*, кошѣрому привазали шанже спать и не бояшѣся.

„Когда шумѣ умоляѣ и пишина опять настала, я не знала, что о самѣ подумать. Мыслила, что Франгузы конечно

ушли, но не смѣла пошевелинуться; благодарила Господа за спасеніе меня на сей разъ, но ожидала, какъ встрѣчу я запершее упрѣ. Я сказала уже, что я рѣшена была на смерть, и о побѣгѣ никакъ не думала; но вдругъ какая-то повелительная мысль: *бѣги!* какъ бы голосъ какой раздалась въ душѣ моей. . . Въ сіе же время *Василій* кашлянулъ, и я узнала его голосъ. Я ободрилась, услыша, что онъ шепчетъ, и благословясь, рѣшилась отпереть дверь и выйти. Руки мои дрожали, когда я снимала крючечекъ, коимъ она заперлась; колѣни мои подгибались, когда я въ потьмахъ переступала за порогъ двери: но заботливый *Василій* слышалъ самый шорохъ мой, и врался уже въ темнотѣ ко мнѣ на встрѣчу. Тонкимъ шопотомъ спросилъ онъ, подходя ко мнѣ: я ли ещо? — „Я, *Василій*; гдѣ Французы?“ — Завѣсь, сударыня; но пьяны и спятъ. — „Чтожь намъ дѣлать, *Василій*? Ужь не бѣжать ли?“ — Я давно бы убѣжала; но не могу васъ покинуть. — „Какъ же, мой другъ, мы выдемъ?“ — Лишь бы Богъ далъ намъ пройти между спящихъ, а тамъ я проведу васъ на Троицкую заставу; я шепчу всѣ мѣста знаю. — Пособравшись нѣсколько съ духомъ и снова предавъ себя покровительству Божію, я отважилась на побѣгъ. Услужливый *Василій* умѣлъ и

въ темношѣ сыскашь дѣшьямѣ шинели, а внѣ съ дочерью доспалѣ салопѣ. Онѣ хотѣлѣ было промыслишь намѣ что нибудѣ и теплѣе для дороги; ибо какѣ сундуки и чемоданы всѣ были разломаны и все изъ нихѣ повыкидано, шо удобно было въ нихѣ шарить; — пекся даже о шомѣ, чшобѣ захватишь съ собою нѣсколько сахара и чаю на дорогу. . .

„Мы не шли, а крались между сонныхъ варваровѣ. Я вела меньшаго сына, а спаршій сынѣ съ *Васильемѣ* пащили дочь мою, кошорая волочила, еше полько ноги. Всѣхѣ спящихѣ Французовѣ было десяшь человекѣ: восьмеро пѣшихѣ и два конные, кошорые, привязавѣ лошадей у ворошѣ, сами лежали между ними.

„Освободясь изѣ осады, я шупѣ полько вздумала, чшо могу подвергнушья шѣмѣ же бѣдамѣ и въ полѣ, могу попасшья въ руни шакимѣ же Французамѣ и на улицахѣ; но я видѣла ихѣ бѣгающихѣ въ нѣкошорыхѣ домахѣ, а по дорогѣ никого, кромѣ нѣсколькихѣ своихѣ, мы не встрѣшили. . .“

Вѣ осми верспахѣ отѣ Москвы госпожа Н. наняла для себя шелегу съ лошадыю до села Пушкина. Рабошники одной мельницы, находящейся близѣ Госпокина, договорились везши ее 15 или 16 верспѣ за 50 рублей.

„Когда мы вышли садиться — продолжалъ г-жа Н. — по они (работники) захотѣли ѣхать съ нами двое. Сколько жъ ни представляла имъ, что для управленія одною лошадыю довольно и одного изъ нихъ, что для восьмерыхъ на ропускахъ и мѣста нѣтъ; они мнѣ отвѣчали, что будутъ двое для безопасности, — что мнѣ до того дѣла нѣтъ; — что иначе они не пойдутъ: — надлежало уступить и покориться нуждѣ. *Василій*, добрый мой *Василій* былъ здѣсь моимъ избавителемъ! Они повезли насъ лѣсомъ, сказавъ, что лѣсомъ ѣхать для насъ безопаснѣе; какъ и дѣйствительно казалось. Отъѣхавши же нѣсколько, они остановились; и одинъ изъ нихъ пошелъ въ сторону въ кустарникъ и вынесъ опшуда узелъ, объявляя, что это съ его плащемъ, который и положилъ въ намъ на ропуски. Пошомъ продолжая ѣхать все глубже въ лѣсъ, завезли насъ въ такую глушь, что ропуски не могли проходить между деревьями, поминутно зацѣплялись, и мы чуть не падали съ нихъ. Тутъ объявили они, что потеряли дорогу; и одинъ изъ нихъ, подозревая моего *Василья*, пошелъ съ нимъ впередъ, будпо опыскивая дорогу, а въ самомъ дѣлѣ имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ: „Что, братъ! Французы васъ, чай, напугали?“ — Какъ не напугать! —

„Чтожъ они ограбили васъ что ли?“ —
 Вѣспримо: съ собою ужъ не чего было взять,
 когда бѣжали ночью и проходили промежь
 спящихъ. — „Ну да деньги-то можно бы-
 ло схватить.“ — Что въ карманъ было,
 то и унесли. — „Ну, да тысенецъ пя-
 тшукъ, чай, барыня швоя на случай при-
 себѣ держала?“ — Какія шебѣ тысячи!
 у ней и сопенѣ мало бывало. — „Вотъ
 шѣ ва! да вишь на дорогу деньги надоб-
 ны; хощь тысячка да ешь.“ — Какъ
 не шакъ! ешь ли полно у ней и сопя-
 шю. — „Какъ шакъ? Да какъ же она въ
 дорогу-то пускаешся.“ — Чтожъ дѣлашь
 какъ Богъ приведетъ: Хрїстовымъ име-
 немъ кормишься спанешъ, да доплешешся
 какъ нибудь. — „Ой ли? Не ужъ ли ты
 правду говоришь?“ — Да мнѣ что шебя
 обманывать? Я вишь не ея челоуѣкъ; я
 шолько иду съ нею до какого нибудь горо-
 да, а шамъ и опкланяюсь ея милоспи.
 Право нищая. Она и въ Москвѣ перебыва-
 лась съ копейки на копейку; а шеперь что
 уже съ нее возьмешь? — „Такъ еданая-то
 она? гмѣ!“ — Другой мужичѣ вступилъ
 между шѣмъ въ разговоръ съ моимъ сы-
 номъ, и вывѣдывалъ у него, нѣшъ ли съ
 нами хощя исполешовъ? — Какъ ешо,
 говорилъ онъ, въ дорогу-то вы пушились
 безо всего? Не ужъшо не могли взять ни
 ружья, ни сабельни? По врайней мѣрѣ ци-

сполешы взятьъ, было бы можно. — И сынъ мой съ ребяческою простишою объявилъ ему, что съ нами и нисполешовъ нѣтъ; что на оружіе плоха бы была надежда; что и безъ оружія, если Господь захочетъ защитить насъ, мы спасены будемъ. — Я пренежала; слыша сія разговоры и оставшись одна безъ *Василья*; но послѣ его переговоровъ съ работникомъ, пошедшимъ съ нимъ, скоро я услышала, что поинѣ закричалъ своему поваричу, остававшемуся со мною: „спулай, братъ, сюда; я нашелъ дорогу.“ Мы поворопили нѣсколько въ лѣво, скоро выбрались изъ лѣсу, и ѣхали уже все большою дорогою.“

Бдучи далѣе къ С. Петербургу, госпожа Н. и дѣвчи ея вышерпѣли очень много безпокойства отъ дождей, холода и вѣтровъ. „У сыновей моихъ, говорила г-жа Н., были по крайней мѣрѣ шинели; я съ дочерью купалась хоня въ одинъ салопъ, подбитый ваткою, но и тушь мы промокали до рубашки; а у дѣвки не было ничего, кромѣ набойчатого плащя на плечахъ. *Василій* мой нарядилъ ее въ свой сюршукъ, оставшись самъ въ одной шинели. — Добрый *Василій*! дѣла твои помянутся, помянутся! О „да небуду я приспѣжена передъ тобою . . . шамо!“

Въ Угличѣ доброй *Василій* занималъ деньги, чшобы купишь сѣбѣшнаго для господѣ своихъ. Подрядившійся везши до Пешербурга извозчикъ, видя крайнюю бѣдность госпожи Н., сомнѣвался въ полученіи заплашы, и не одинъ уже разъ говорилъ ей, чшо намбрень ворошишься домой и чшо хочешь ее осшавишь.

„*Василій*, пишетъ г-жа Н., который какъ прежде работникамъ сѣ мѣльницы объявилъ меня за нищую, такъ теперь Григорью выдалъ меня за богатую, копорая шолько по случаю незапнаго бѣгства являешся въ шоль бѣдномъ состояннѣ, а впрочемъ имѣешь и дома и деревни; и чшо онъ не шомо въ заплашѣ договорной цѣны, но и въ наградѣ сумнѣннѣ имѣшь не долженъ. Честный Григорій, извѣя намъ свои сумнѣннѣ, всегда опходилъ опъ насъ убѣжденный симъ словомъ: чшо онъ взялся уже везши насъ до Пешербурга, уже далъ слово, слѣдовашельно держашь оное долженъ.“

Другой примѣръ выпишемъ сокращенно изъ второй книжки *Сына Отечества* въ копоромъ А. П. Бунина, извѣстная наша стихопворица, описываетъ спасеніе одного несчастнаго семейства,

„Смоленская помѣщица, вдова *Настасья Петровна Бунина* побѣжала въ Петербургъ, для опредѣленія въ службу двухъ старшихъ сыновей своихъ и для представленія въ Смольной монастырь дочери. Она, убѣжая, оставила безъ себя двухъ маленькихъ сыновей въ Смоленскомъ пансіонѣ, и еще двухъ меньшихъ дочерей дома, поруча ихъ всѣхъ челоуѣколюбивому покровительству сосѣдей.

„Вскорѣ послѣ ея отбѣзда обстоятельство приняла неожиданнѣйшій, ужаснѣйшій видъ. Вспоргшіеся разбоемъ Французы угрожали Смоленску, и опустошали окрестныя мѣста огнемъ и мечемъ. Всякой думалъ о своемъ только спасеніи. Успрашенные помѣщики разбѣжались; кто куда могъ, увозя съ собою дѣшей и родственниковъ своихъ, въ Смоленскомъ пансіонѣ находившихся. Пансіонъ сей сдѣлался пущѣ; одни только беззащитные Бунины оставались въ немъ жертвою извѣстной люлости Французовъ. Но Богъ положилъ иначе! Онъ укрѣпилъ духъ ихъ, — вложилъ въ него твердость и рѣшимость, дѣтскіе годы превышающія, и указалъ имъ сердца, исполненные великодушія. Уже изъ дому въ домъ переливался пожаръ. Самый пансіонъ ихъ, когда они вошли въ него обращенные, загорѣлся оцѣ упавшей на кровлю бом-

бы. Въ ближайшей комнатѣ обрушился потолокъ, — неизбежная смерть предстояла имъ; но вѣрный, великодушный *дядька*, крѣпостной ихъ мапери человекъ, — исхитилъ ихъ изъ пламени, подвергая собственную жизнь видимой опасности. Такимъ образомъ спасенные отъ одной смерти, принуждены они были идти на срѣщеніе многимъ другимъ. Пробравшись ползкомъ чрезъ цѣлую улицу, выпли они на Соборную гору, которая была занята войсками. Съ каждою близъ нихъ упавшею бомбою падали они отъ страха на мерзвя шѣля, и нѣсколько разъ, лежа посреди умирающихъ, смѣшивали со спонами ихъ дѣтскіе свои вопли; однако твердости совершенно не поперяли, и выбрались сохранны за городскія ворота. Въ пятой день вошли они въ *Дугославину*, гдѣ съ радости увидѣли нашъ обозъ и Русскихъ солдатъ, вокругъ разложеннаго огня опдыхающихъ. Сомъ овладѣлъ ими такъ, что меньшій братъ скапился спящій въ огонь, сжегъ на себѣ плащъ и прожегъ бока. Неусыпно о безопасности ихъ помышляющій *дядька* развѣдалъ отъ солдатъ, что они идутъ подъ начальствомъ г. Поручика *Лешанова*, осмѣлился въ нему подойти, и просить маленькимъ господамъ своимъ покровительства. Прозьбы его не жестоваго касались сердца! Соспрадастельный

Офицеръ не только далъ ходатайствуемою несчастнымъ дѣшамъ покровительство, но стѣсня самаго себя, посадилъ ихъ въ одну съ собою повозку, пилалъ за однимъ съ собою сполombъ, далъ имъ лошадь, пледегу, сухарей и говядины на дорогу до Петербурга. Спасенныя отъ многихъ напасшей дѣши прибхали ночевашъ въ *Ломашиню* (*), деревню *Князя Мещерскаго*. Управитель пригласилъ ихъ къ себѣ, предложилъ имъ вкусный сполбъ, покойный ночлегъ и представилъ ихъ Князю, хопя ни они, ни родители ихъ не были знакомы хозяевамъ. *Княгиня* съ машеринскою нѣжностью печешся о нихъ. Между шѣмъ какъ Князь взялъ на себя шрудъ писать къ госпожѣ Буниной, что дѣши ея находящяся у него, супруга его проходилъ съ ними шѣ науки, кошорымъ онѣ учились, и преподаешъ имъ новыя.

Извѣщенная о судьбинѣ своихъ сыновей, госпожа Бунина прибѣгла къ Государственному Секретарю *Александрѣ Семеновичѣ Шишкову*. По его ходатайству ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ущедрилъ судьбу и сей несчастной, соизволивъ указать доставишъ къ ней ея дѣшей на казенный счетъ; снабдя ихъ всѣмъ нужнымъ, и сверхъ того удостоивъ пожаловашъ ей тысячу рублей.

(*) Въ Волоколамскомъ уѣздѣ.

Спихотворица Бунина заключаешъ описаніе свое сими словами: „Достоинный *дядька*, со многими другими въ сію бѣдственную, но славную для Россіи эпоху опличившимися усердіемъ къ госнодамъ и честностию людьми, можешъ подашь новый примѣръ къ опроверженію гнусной клеветы малодушныхъ Французовъ, и доказашъ имъ, что мы нерѣдко въ рабахъ своихъ имѣемъ истинныхъ друзей, и что сосрадашельность и великодушіе суть два качества, въ каждомъ сословіи, въ каждомъ званіи Русскому народу принадлежащія.“

У. П О Л И Т И К А.

Положеніе Европы

въ Декабрѣ 1812.

(Продолженіе.)

Со времени Базельскаго мира Пруссія весьма щцашельно хранила доброе согласіе съ Франціею. Нынѣшній Король наследовалъ не Государство Фридриха Втораго, но Монархію распроенную, обремененную дол-

тами; Монархію съ беззащитными границами и новыми провинціями, которыя не только силы ея и богатства неувеличивали, но сами еще имѣли нужду въ пособіяхъ, истощившихъ благосостояніе даже старыхъ провинцій. Съ прискорбіемъ помышляя о слабости внутреннихъ силъ Пруссіи и о важной роли, которую она должна представлять по прежнему обыновенію, и будучи такъ сказавъ бѣднымъ наслѣдникомъ великаго имени, онъ слѣдовалъ строгимъ правиламъ осторожности и благоразумія, и опіюдь непокүшался на опытъ сію печальную несообразность исправить смѣлою дѣятельностію и завоеваніями (*). Вмѣсто того онъ взялъ миролюбивый путь бережливости и переговоровъ. Его подданные радовались: но Наполеонъ — который съ Прусскими пашпортами и на Прусскомъ кораблѣ ускользнулъ изъ Египта — употребилъ во зло расположеніе Короля;

(*) Къ чему вы приступите? сказалъ наслѣднику одного умершаго Французскаго вельможи его управитель: батюшка вашъ оставилъ два милліона долгу безъ всякаго капитала. — „Такъ чтожь? отвѣчалъ наслѣдникъ: я постараюсь занять еще четыре милліона, сдѣлаюсь главнымъ опкупщикомъ и тогда скоро буду въ состояніи заплатить всѣ долги свои.“ Нѣкоторые люди желали, чтобъ Король принялъ подобныя правила.

Сочин.

окружилъ сего Монарха предателями и мало по малу вводилъ его въ то запущанное состояніе, которое вскорѣ превратилось почти въ явную зависимость отъ Франціи. Наконецъ въ 1805 году, когда Король рѣшился навсегда распоргнуть свои сѣши, и когда неудались ему принятыя для того мѣры, Наполеонъ опредѣлилъ погубить его. Чтобы поссорить Короля съ Англіею, онъ принудилъ его взять Ганноверъ; подослалъ къ жителямъ южной Пруссіи возмущительныхъ совѣщателей, обѣщавшихъ возстановленіе Польши; вѣдая, что въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Южной Пруссіи Евреи имѣютъ значительное вліяніе, онъ извѣяилъ мнимое хощеніе свое сдѣлаться покровителемъ сего народа, и дабы посвятить въ нихъ крамольныя зашѣи, вздумалъ собрать въ Парижѣ Еврейское сонмище; напоследокъ онъ успѣлъ обманывать Короля чрезъ посредство его собственныхъ министровъ и совѣтниковъ и даже въ военномъ его Совѣтѣ привести дѣла въ замѣшательство. Ослабивши такимъ образомъ Пруссію внутри и запущавши ее въ войну съ одной стороны съ своими собственными неприятелями, съ Англіею и Швеціею, съ другой стороны онъ самъ противъ нее ополчился. — Говорятъ, что при первомъ свиданіи Король съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ ему слѣду-

ющее привѣщствіе: „Навы меня побѣдили; но бездѣльничество моихъ совѣтниковъ и безразсудность моихъ генераловъ довели меня до гибели.“ Къ вѣрному изображенію сей войны прибавить еще должно слѣдующее: Россія великодушными усиліями своими спасла бытіе Пруссіи; но Наполеонъ изъ всѣхъ погданнихъ услвій ни одного неоставилъ безъ нарушенія, для своихъ выгодъ. Даже и теперь, по испеченіи шести лѣтъ, онъ обладаетъ всѣми Пруссими крѣпостями, которыя тогда опросташь обѣщался — и безстыдными возятми удалось ему до того унизить Пруссію, что она должна была помогать Французамъ въ предпріятіи ихъ погубить собственныхъ ея избавителей.

Другое употребленіе, которое Наполеонъ сдѣлалъ изъ успѣховъ своихъ въ войнѣ съ Пруссіею, состояло въ томъ что онъ и Варшаву и Сѣверозападную Германію началъ испощать для себя и для своихъ чиновниковъ, и что постарался совсѣмъ уничтожить торговлю.

Наконецъ удачи въ предпріятіяхъ надули его пѣмъ смѣшнымъ высокимъ вѣтромъ, которое бываетъ обыкновеннымъ признакомъ ужаснаго орудія судьбы передъ конечнымъ его разрушеніемъ. Уже и самъ онъ

началъ почищать себя дѣйствительно такимъ, какимъ велѣлъ провозгласить себя передъ народами, и его презрѣнiе къ чело-вѣчеству достигло степени безумiя. Иначе не лъзя извѣстить безспыднаго и оскорбительнаго нарушенiя всѣхъ приличiй, которыми съ тѣхъ поръ ознаменованы всѣ его поступки политическiе.

Въ продолженiе войны Прусской Испанiя опшважилась изъ опытъ спасти свою независимосшь. Уже Король издалъ къ народу своему воззванiе, пребующее его уси-лiй; но послѣ сраженiя при Ленѣ прокла-мацiя объявлена несправедливою. Слабiя мѣры издавна вели къ погибели и цѣлыя государства и людей частныхъ; но никогда еще не имѣли онѣ столь бѣдспвенныхъ послѣдствiй. Сiи мѣры обнаружили только, что Испанскiй дворъ хотѣлъ бы перемѣнить унизишельное свое положенiе вразсужденiи Наполеона, но что съ другой стороны онѣ неимѣетъ къ тому пошребной силы. Наполеонѣ незамедлилъ симъ воспользоваться.

Онѣ началъ тѣмъ, что напалъ на без-сильную Поршугаллiю, лишь бы только имѣлъ причину повести войска свои черезъ Испанiю. Моженъ бытъ онѣ еще и на то надѣялся, что по завладѣнiи Поршугаллiею

старинная ненависть между жителями сей земли и Испанцами заславилъ первыхъ сильно подкрѣпилъ Французовъ, въ случаѣ несчастія. Войска его приблизились къ Лиссабону. Принцъ Регентъ перенесъ Дворъ свой въ Бразилію, и Наполеонъ объявилъ, что „домъ Браганцскій пересталъ царствовать!“ Едва ли когда-нибудь было хвастовство смѣшнѣе ешого. Первое войско его положило оружіе; второе посшднымъ образомъ убѣжало изъ Португалліи; а Домъ Браганцскій еще и теперь, по прошествіи чешырехъ лѣтъ, владѣетъ всѣми своими землями (*).

Между тѣмъ, планы его созрѣли въ Испаніи. Тогдашній Принцъ Астурійскій почипалъ оскорбительными для чести своей подлые поступки Князя мира какъ относительно къ себѣ самому такъ и въ сужденіи государства; отъ того произошли несогласія въ Королевской фамиліи. Наполеонъ препоручилъ своимъ повѣреннымъ раздувать оныя болѣе и болѣе, между тѣмъ

(*) Наглыя слова Наполеоновы подали примѣръ, кошорой для него самаго можетъ быть весьма опаснымъ. Право свое произнести ихъ онъ основывалъ на побѣдахъ. И такъ теперь побѣдители Наполеона въ свою очередь могутъ объявить, что *фамилія Бонапартъ перестаетъ царствовать.* — Соч.

ежедневно посылалъ новыя войска за Пиренейскія горы, и овладѣлъ Барцелоною посредствомъ лжи самой безспыдной, кою порой онъ ни прикрылъ, ни извинилъ уже неспарался, и пребылъ вѣренъ характеру наглости и насильства, копорый обнаруженъ симъ его поступкомъ. Когда Король Карлъ отревся отъ престола и попомъ опять уничтожилъ сдѣланное симъ опреченіемъ государству благодѣаніе; когда юный Король имѣлъ неоспорожность путешествовать въ Байону предать себя въ Наполеоновы руки; на конецъ когда обольщенный Карлъ вручилъ ему право на пронъ Испаніи, а сынъ его незахотѣлъ послѣдовать примѣру столь поносному: то Бонапартъ откровенно сказалъ Фердинанду: „избирайте или опреченіе отъ престола, или смерть!“ Послѣ сего формальнымъ образомъ произнесеннаго пребыванія *кошелька или жизни* (la bourse ou la vie!), можно уже было догадаться, что онъ хочетъ удержатъ при себѣ Испанское королевство. Но чтобы добычу свою съ большею удобностію сдѣлать безопасною, онъ взвалилъ ее на плеча брата своему Иосифу, какъ прежде Голландію взвалилъ на Лудовика и Сѣверо-западную Германію на Иеронима. Когда-то сказывали, и етому вѣрили, будто Мурзы Ташарскіе велятъ слугамъ своимъ прежде размягчать сырое мясо подъ сѣдломъ вер-

жовою Ђздою , а попомъ уже подавашь оное кѣ обѣду. Такое же препорученіе возлагаешь Наполеонъ на брашьевъ и шурьевъ своихъ, отдавая имъ Королевства. Испанія однакъ доказала , что человекъ значить болѣе нежели какъ ширакъ о немъ думаютъ. При столь многихъ несчастіяхъ безпрестанно съ новою силою появляющимся сопрошивленіемъ народа Испанскаго оправдывающся слова , произнесенныя въ Мадридѣ однимъ мирнымъ гражданиномъ : „Я знаю земляковъ своихъ. Война сія кончится непрежде какъ послѣдній Испанецъ послѣдняго Француза схватить за воротъ; тогда увидимъ , кто будетъ сильнѣе.“ Вѣроятно , что Испанцы изнемогли бы подъ бременемъ чрезвычайной силы, которую Наполеонъ на нихъ надвинулъ , еслибъ не Бришанцы — взглядъ на поведеніе мудраго правительства сего благороднаго народа относительно къ полуострову Пиренейскому нѣсколько утѣшаетъ насъ , бывшихъ свидѣтелями бѣдливѣй опчасу съ большимъ свѣдѣствомъ распроспранявшихся на штердой землѣ въ Европѣ , и служить предуготовленіемъ къ тому величественному зрѣлищу , которое представила Россія въ послѣдніе мѣсяцы.

Великобришанія сперва совсѣмъ не вмѣшивалась въ войну революціонную. Напыщенное гордостію Французское народное

правительство объявило ей войну, и пѣмѣ безразсудно приобрѣло для Франціи такого неприятеля, который остановилъ ходъ ея пріумфовъ.

Наполеонъ симъ положеніемъ дѣлѣ мѣсперски воспользовался не столько для нанесенія вреда Англїи, сколько для того чтобы поработились себѣ Францію. Народная вражда противу Бришанцевъ послужила ему главною причиною одурачить Французовъ и захватились въ свои руки бразды правленія. Каждой разъ, когда надобно ему было вымучить для себя новое право самодержавной власти, новое повышение въ своемъ достоинствѣ, онъ открывалъ заговоръ, будто бы зашѣанный Англїею. Каждой разъ, когда надобно ему было народную силу употребить къ началу новой разбойнической войны въ Европѣ, онъ искалъ предлога къ тому въ мнимыхъ проискахъ Лондонскаго кабинета; а чтобы имѣть на своей сторонѣ благовидную справедливостъ, онъ всегда дѣлалъ ему напередъ мирныя предложенія, которыхъ вовсе принять было невозможно, или которыхъ по крайней мѣрѣ могли остановить ходъ дѣятельности до исполненія на твердой землѣ Наполеонова плана (*). Мнимая непримиримостъ Англїи

(*) Точно такъ случилось въ 1806 году. *Соч.*

наконецъ подала ему поводъ къ тиранскому стѣсненію торговли, копорымъ онъ привелъ въ изнеможеніе Голландію, Германию, Италію и самую Францію; она служила ему поводомъ къ присоединенію союзныхъ областей ко Франціи, какъ скоро начинала мучить его жадность къ присвоенію земель ихъ. Довольно только слегка просмотрѣвъ всѣ его мирныя предложенія и самой даже прашавъ дѣйствительно заключенный въ Амьенъ, чшобы удостовѣриться, на какихъ мудрыхъ правилахъ основана такъ называемая непримиримость Англїи. Наполеонъ обыкновенно пребывалъ добровольной выдачи того, чего немогъ онъ достать силою оружія; самъ же напрошивъ предлагалъ то, что легко могъ получить обратно, какъ скоро нашелъ бы удобной случай нарушить свое слово. Коварство сіе, неразлучно сопровождающее всѣ его переговоры, ибо оно принадлежитъ къ личному его характеру, безъ всякаго сомнѣнія сдѣлало миръ съ Англїею невозможнымъ, но только до тѣхъ поръ пока онъ будетъ управлять Франціею. Какъ же скоро уда-

---

(*) Изъ всѣхъ его предложеній наиболѣе отличается странностію сдѣланное въ Маѣ мѣсяцѣ 1812 года. Онъ обѣщался оставить Испанію цѣлою и независимою отъ Франціи, ежели Англія признаетъ брата его Королемъ Испанскимъ. *Соч.*

ляшъ его, по и главныя препяшства въ заключенію мира уничтожатся сами собою.

Военныя предпріяшя его очень мало вредили Англїи. Намбреваемая высадка его сдблалась посмбшищемб, а людямб дальновиднымб и всегда казалась она смбшною. Флоты его несмбють выдши изб гаваней, ибо почти всегда захватываются или сожигаются Англїйскими кораблями, и самыя даже сухопутныя силы его, когда только неимбли на своей споронб большаго превосходства въ людяхб, каждой разб были поражаемы Англичанами. Такимб образомб онб долженб былб ограничиться шбмб, что поперявши колонїю, или проигравши сраженїе прошиву Англичанб, пошчасб одного или двухб изб числа шипулярныхб союзниковб своихб дблалб своими подданными, поджигалб недовольныхб въ Ирландїи и Англїи къ явнымб буншамб, захватывалб Англїйскїе повары и приказывалб ругашь Англїйскїя газетшы. Важнбйшая удача, кошорую доселб получили его происки, сосшояла въ томб, что онб посблалб несогласїе между Англїею и соединенными Сбверо-Американскими обласпями. Нынб превратилось оно въ явную войну; однакожб ешь причины къ безошибочной догадкб, что она скоро прекратштся,

Съ неменьшимъ коварствомъ и нарушеніемъ слова, но съ большимъ вредомъ для самаго себя, поступилъ онъ противъ Россіи. Въ Тильзитскомъ договорѣ онъ обѣщался вывести свои войска изъ крѣпостей Прусскихъ, и несмотря на то до нынѣ еще обладаетъ ими. Онъ взялъ на себя посредничество къ заключенію мира съ Турціею и къ уступкѣ ея Молдавіи, а вмѣстѣ того непереставалъ подущать и Порту и Персію къ войнѣ противъ Россіи; даже Китайцевъ старался онъ склонить къ нападенію на сію Державу. Россія крѣпкимъ мечемъ своимъ въ молчаніи прокладывала себѣ дорогу, и швердыми стопами шествовала къ увеличенію своего пространства и своего могущества, расторгая всѣ сѣпи, которыми Наполеонъ обложилъ ее старался. Преисполненный бѣшенствомъ, какъ отъ сего послѣдствія, такъ и по причинѣ важности, съ каковою Кабинетъ Россійскій настоятельно требовалъ исполненія данныхъ обѣщаній, Наполеонъ согналъ въ кучу военныя силы всѣхъ государствъ поработенныхъ, дабы въ Россіи испробить послѣднюю возможность къ освобожденію Европы. Почти полмилліона людей повелъ онъ къ Москвѣ — гдѣжь они теперъ? Народъ Россійской возсталъ для подкрѣпленія храбрыхъ войскъ своихъ, и высокобрюному завоевателю свѣща едва съ

горстью своихъ пѣлохранищелей, съ симъ малымъ остаткомъ отъ колоссальной арміи, на силу удалось бѣгствомъ спасти жизнь свою. Геній Россіи, неуваждаемыми лаврами увѣнчанный, стоить на предѣлахъ своихъ и съ милосерднымъ величіемъ взираетъ на Европу. „Правительсва народовъ!“ вѣщаетъ онъ: „имѣтели довольно достоинства и силы для воспреобанія отъ униженнаго ширанна вашихъ правъ, вашей независимости, вашего благосостоянія? Вы получите свое; на меня надѣйтесь!“

Разсмотрѣніе нынѣшнихъ обстоятельствъ и отношеній между важнѣйшими государствами покажетъ намъ, чего именно правители ихъ могутъ и будутъ требовать для себя въ нынѣшнее благоприятное время, ежели нехотятъ они подпастъ винѣ непростишительнаго неуваженія священнѣйшихъ обязанностей относительно къ своимъ подданнымъ.

At fugit interea fugit irreparabile tempus (*).

Прежде всего привлекаетъ на себя взоръ нашъ Царство героевъ, судьбою предназначенное къ прекращенію двадцатилѣтнихъ бѣдствій, терпимыхъ просвѣщеннѣйшею

(*). Но между тѣмъ летишь время, летишь невозвратно.

частью человеческого рода. Нынѣ Россія стоишь въ лучезарнѣйшемъ сіяніи славы и могущества послѣ кровопролитной войны, готовившей ей поработеніе. Она принесла великія жертвы, сдѣлала неизвѣстныя усилія; но сколь велико, сколь чрезвычайно ея приобрѣтеніе! Она возвысила древній блескъ своей народной славы, непоколебимо утвердила свою независимость и доказала непобѣдимость свою великимъ характеромъ народа. Войска ея теперь многочисленнѣе, чѣмъ были при началіи сей брани; она одушевляется радостною увѣренностію въ своемъ могуществѣ, и одинъ только походъ, нѣсколько мѣсяцовъ продолжавшійся, открылъ дарованія многихъ храбрыхъ полководцовъ, коихъ высокое достоинство нынѣ ознаменовано преславными подвигами. Едва ли теперь достанешь половины вѣка, чтобы опять навести такую бурю, какую она опразила въ настоящее время; но тогда Царство сіе противопоставишь ей силу еще ужаснѣйшую. Будешь ли угодно мудрости превознесеннаго Обладателя Россіи не влагать меча своего до полъ, пока неопытнѣе свобода прочимъ государствамъ Европы; или признаешь Онъ за благо оставишь на волю судьбы поверженнаго своего сопоспаша: въ томъ и другомъ случаѣ предстоишь Россіи благодатная надежда, что внутренняя шишина

ея и благосостояніе вновь не будуще нарушены впорженіемъ чуждыхъ полчищъ, и что она спокойно будетъ шествовать къ тому высокому назначенію, куда зовущъ ея природныя способности и характеръ націи.

Напрошивъ того Франція напрягла всѣ силы свои для порабощенія Россіи; но ея покушенія оспались щещными, и пружины ея большею частію изломались. Войско, передъ копорымъ шрепешала Европа, уже не существуетъ: подобно единому шрупу неизмѣримаго исполина, оно покрываетъ путь отъ Москвы до Кенигсберга. Наполеонъ и полководцы его ушрапили военную славу свою, лишились довѣренности къ своимъ шаланшамъ и упованія на свою непобѣдимосшь. Русскіе видѣли хребтъ ихъ, видѣли рсѣхъ ихъ, поспѣшно бѣгущихъ въ безпамятствѣ. Еслибъ и удалось ему собрать нозыя полчища; то воображенію неопытныхъ ратниковъ безпрешанно будетъ предшавляшься ужасная погибель ихъ несчастныхъ предшешвенниковъ, и конечно сильнѣе подѣйствуетъ нежели ободренія напоминаніемъ побѣдъ прежнихъ; ненайдушь они спарыхъ шоварицей, копорые могли бытъ ихъ учителями, и осиротѣвшая неопытносшь содѣляетъ ихъ не шрудною добычею шѣхъ героевъ, копорые

испребили первыхъ. Если же напрошивъ шого вызовешъ онъ малой оспапохъ (малой по сравненію съ прежними силами) войска своего изъ Испаніи; то скоро увидишъ опустошительную войну, веденную имъ въ Франціи, въ самой Франціи свѣрѣспивующею. Онъ пошерялъ все военное богатство, на которомъ основывалъ планы свои поработишь Россію; а войну начиналъ онъ для шого чѣобы недоспапохъ казны своей дополнишь новыми добычами. Вздумашъ ли онъ понадѣяшь на горячее усердіе Французскаго народа? Но война прошивъ опдаленной Россіи несомѣспна съ выгодами Французовъ: имъ нечего надѣяшь опъ нее и нечего бояшь, если полько сами незахощашь искашь своего собспвеннаго несчастія. Красныя слова и лестныя для воображенія карпины, коими заохочивали ихъ къ безразсуднымъ предпріяшьямъ, нынѣ уже пошеряли и прелешъ свою и силу. А если вздумашъ онъ вымучишь въ Германіи и въ Италіи замѣну шого, въ чемъ ему можешъ бышь опкажешъ Франція? Нѣшъ; онъ именно шого лишился, чѣмъ единспвенно прежде пугалъ опдаленные народы — лишился спарыхъ грозныхъ своихъ ополченій. *Новыхъ* солдатъ могущъ и они сполько же, или еще болѣе, прошивъ его выспавишь, сколько онъ прошивъ ихъ. — Въ одномъ толь-

но можешъ онъ найши себѣ спасеніе. Если Нѣмецкіе кабинеты по шупости своей не узнаютъ, сколь благоприятна для нихъ настоящая минута, или по Прусости не дерзнутъ ею воспользоваться; тогда Наполеонъ еще нѣсколько времени будетъ казаться великимъ, единственно по тому что другіе слишкомъ малы — и минута избавленія Германіи исчезнетъ невозвратно.

(Продолженіе въ слѣд. книжк.)

Политическіе отрывки для добрыхъ Нѣмцовъ.

Wagt es, flug zu werden.

Къ чему предназначенъ ты своею породою?

Быть свободнымъ Германцемъ.

Чтожь ты теперь?

Рабъ Французовъ.

Почему ты называешь себя рабомъ?

По тому что все имущество свое отдаю для прокормленія ихъ войска; по тому что, по волѣ Французскаго правительсва, долженствую оставить жену, дѣшей, домъ, должность и промыселъ, и сражаться за Французовъ; по тому что несмѣю покупать, дѣлать, писать, читать и даже говорить того, чего они не дозволяютъ.

Отъ чего тѣ сдѣялся рабомъ ихъ?

Отъ того что ихъ власселинъ сперва обманулъ государей моего опечесства; потомъ засшавилъ ихъ бояшьяся:

Что есть государь?

Первой человекъ въ народъ, имѣющій обязанность пецися о благѣ народа.

Пеклись ли государи земли твоей о народномъ благѣ?

Добрые сначала пеклись о немъ; но теперь уже болѣе невозможно.

О чель же они пеклись послѣ того?

Чтобы мы Нѣмцы безопвѣдно все отдавали и все дѣлали, чего ни хошашь Французы:

Чего ради поступали они такимъ образомъ?

Добрые видѣли себя слабыми, и боялись чтобы не вовлечь народъ свой еще въ большія бѣдсшвїя, когда бы захопѣли одни сопротивляшьяся Французамъ; прочїе же опасались, чтобы Наполеонъ не смѣнилъ ихъ, и шѣмъ не опшнялъ бы у нихъ возможносши ѣсть, пить, жить и веселиться шавъ хороцѣ какъ прежде.

Обезлечили ль они сею покорностїю свои владѣнїя?

Ошнюдь нѣтъ! Когда мы Нѣмцы до того обнищаемъ и ослабѣемъ, что Наполеонъ уже не въ силахъ будетъ обирать насъ посредствомъ нашихъ владѣтелей; тогда онъ всѣхъ ихъ выгонитъ, а насъ роздаритъ своимъ поварикамъ.

Знаютъ ли это ваши государи?

Догадливые давно уже предвидѣли.

Такъ для чего же сами они помогали ему доводить васъ до нищеты и слабости.

Нѣкоторые для того чѣобы хоть немного еще долѣ повладѣли своими землями. Можеть быть также надѣялись они, что Наполеонъ умретъ, прежде нежели успѣетъ всѣхъ ихъ выгнать.

Но развѣ смерть его была бы для нихъ спасеніемъ?

Ошнюдь нѣтъ! Когда бы Нѣмецкая земля доведена была до послѣдняго разоренія; то они не могли бы уже сопротавляться и преемникамъ Наполеоновымъ, всѣ были бы изгнаны, а можеть быть еще и преданы смерти.

Что за особа это Неполеонъ?

Керсиканецъ, получившій дозволеніе называться Французомъ, и за то перабившій Французомъ.

Сынъ бѣднаго Чоловѣка , воспитанный на иждивеніи Короля Французскаго , и за шо присвоившій себѣ престолъ его , приказавшій разспрѣляшь брата его , благороднаго Дюка Енгѣенскаго , и похишившій у прочихъ родшвенниковъ Короля всѣ ихъ владѣнія.

Чоловѣкъ , имѣющій необыкновенныя дарованія , но употребившій безчестивѣйшія средства для своего возвышенія.

Чоловѣкъ , котораго всякое справедливое судилище въ Европѣ приговорило бы къ строжайшей казни , еслибъ не удалось ему сѣсть на престолъ.

Что помогло чоловѣку сему сдѣлать Германію несчастною ?

То , что Германія , подобно Испаліи , раздѣлена была на малыя государства , и что между владѣтелями ея были слабыя и своекорыслныя , предпочитающіе свои выгоды благу всей націи.

Какіе государи въ Германіи принадлежатъ къ числу худыхъ владѣтелей ?

Епо окажешся шеперь , когда храбрыя Россіяне испребили Наполеонову армію , и когда нѣшъ уже никакого предлога къ извиненію прусосши.

По чему узнаеть будеть можно добрыхъ государей?

Когда они дружно соединяшя съ нашими избавителями, ополчатъ своихъ подданныхъ и всѣми силами будущъ содѣйствовать къ освобожденію всѣхъ Нѣмцовъ отъ ига Французовъ.

А худыхъ по чему?

Когда они тайно или явно спанушъ помогашъ Наполеону, или начнушъ предлагашъ разныя условія, прежде нежели исполняшъ свою должность, или же еще потребуюшъ и наградъ за вспоможеніе прочимъ Нѣмцамъ и останушя въ недѣшельности по освобожденіи земли ихъ.

Что заслуживаютъ добрые владѣтели?

Вѣчную преданность своего народа.

А худые?

Бышъ почитаемы за предатели Германскаго своего опеческѣва, бышъ выгнаны за Рейнъ и включены въ шолпу придворной челяди Наполеоной.

Но какъ будетъ управляема Германія, когда освободится отъ ига Французовъ?

Пока горитъ домъ, безрасудное дѣло хлопотать о томъ, какъ должны быть разставлены въ немъ кресла послѣ пожара. Сперва пустише огонь, а о подробностяхъ подумаете послѣ.

(Продолж. впредь.)

Извѣстія и замѣчанія.

Что Наполеонъ въ самомъ дѣлѣ располагался прожить зиму въ Москвѣ, тому служилъ доказательствомъ и слѣдующее. Онъ зашѣвалъ устроить театръ въ сей Столицѣ, чтобы на зимніе вечера запасти любимую забаву веселымъ Французамъ. По его премудрому повелѣнію писано было въ добрый городъ Парижъ о наборѣ потребнаго числа актрисъ изъ разныхъ театровъ и о присылкѣ оныхъ въ Москву со всевозможною поспѣшностію, ибо армія великой націи очень нуждалась въ актрисахъ. Неизвѣстно, далеко ли ошѣхали отъ Франціи сіи подруги Талии и Мельпомены, въ какомъ именно мѣстѣ и когда повстрѣчались они съ побѣдоноснымъ Наполеономъ — тогда ли какъ онъ охраняемъ былъ *священною* стражею, составленною изъ спасшихся отъ побоищъ генераловъ и офицеровъ; или какъ безъ всякой пышности лѣлѣлъ на почтовыхъ, сопровождаемый Коленкуромъ и Дюроккомъ.

— По соглашенію, сдѣланному между Поршою и Сербами, первая имѣетъ право содер-

жать въ Бѣлградѣ Пашу съ двумя стами солдатъ для полученія установленной подати. Внутреннее управленіе оснается при Сербяхъ, которые обязались имѣть въ готовности 10,000 человекъ пѣхоты и 5000 конницы для Порты, когда она будетъ воевать съ неправославными, то есть съ неприятелями не исповѣдующими вѣры Грековоспоной.

— Въ одномъ Французскомъ бюллетенѣ упомянуто было, что солдаты великой націи во время торжественнаго и мудраго своего отступленія обвертывались въ сырыя кожи. По сему обстоятельству въ Германіи — уже и въ Германіи! — вышла карикатура, изображающая Французскихъ солдатъ на бѣгу закутанныхъ въ овчинныя кожи и въ солому. Впереди бѣжитъ самъ великій мужъ, покрытый кожаную епанчею съ находящимися при ней рогами и бородою, которыми отличается сняшая съ козла шкура. Изъ устъ великаго мужа выходятъ слова: „Ich selbst schoss die sen Bock! т. е. *этотъ козла я самъ застрѣлилъ*. Но здѣсь рѣчь сія имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. У Нѣмцовъ слова einen Bock schiessen кромѣ того значатъ еще нѣчто подобное нашей поговоркѣ *убить бабра*, то есть сдѣлать великую ошибку.

— Вотъ еще карикатура, и довольно замысловатая. Извѣстно, что вареніе сахара по приказанію Наполеона изъ свекловицы надѣлало много шума во Франціи и въ Германіи, и что сія часть промышленности весьма не нравилась Англичанамъ — по причинамъ о коихъ не трудно догадаться. Правы ли въ томъ Англичане или не правы, но въ Лондонѣ вышла

недавно слѣдующая карикатура: Король Георгъ и Наполеонъ сидятъ вмѣстѣ за чайнымъ столомъ. Одинъ беретъ сахаръ изъ огромной сахарницы; другой мѣшаетъ чай въ своей чашкѣ свекловицею. Сстоящая на споронѣ нянька держитъ на рукахъ Наполеонова сына. Дитя грызетъ свекловицу и морщится, а нянька говоритъ ему. „кушай Королечекъ, кушай; папенька сказываетъ, что это сахаръ!“

— Весьма поучительное для народовъ, которыхъ Наполеонъ взялся осчастливить, донесеніе, представленное 17 Ноября н. с. Саксонскому Королю отъ Совѣта министровъ въ Варшавѣ! Оно начинается замѣчаніемъ, что Княжество со времени своего учрежденія лишено способовъ продавать произведенія земли своей, но что фабричныя и мануфактурныя издѣлія покупаетъ на наличныя деньги; далѣе, что издержки его, съ начала войны до нынѣ сдѣланныя, втрое превышаютъ сумму всѣхъ доходовъ. „Чрезвычайные налоги, сказано въ донесеніи, по причинѣ настоящей войны собраны, *кроме* обыкновенныхъ поземельныхъ сборовъ, ежегодно составляющихъ сумму до 68,259,952 злотыхъ, проспиритуюсь, *сколько можно было привести ихъ въ извѣстность*, до 99,793,586 злотыхъ.“ Княжество должно было проходящія войска снабжать собственными припасами, а 7 и 8 корпусы, стоявшіе въ немъ почти два мѣсяца, взяли еще съ собою собственныхъ припасовъ на мѣсяць. Сверхъ того Варшава выставила 58,784 рекрутъ и 23,542 лошади. — — А какое вознагражденіе могла она получить за столь чрезвычайныя усилія при счастливѣйшемъ окончаніи дѣла? Такое, что

Варшавское княжество, какъ Французская провинція, было бы увеличено, слѣдственно могло бы впредь еще болѣе давать Наполеону. А теперь что съ нимъ случилось? Наполеонъ при возвращеніи своемъ, равно какъ прежде при нашествіи на Россію, вездѣ опдавалъ на жертву Варшавцовъ, и щадилъ природныхъ Французовъ. Когда же и Французы напоследокъ погибли отъ меча Русскаго и отъ бѣдствій, онъ самъ тайкомъ ускакалъ въ Парижъ, остатокъ арміи своей со всевозможною поспѣшностію вывелъ въ Германію, а Варшавское княжество оставилъ на произволъ судьбы, какъ жестокосердые господа осщавляютъ слугъ, истощившихъ силы свои для ихъ выгодъ.

— Послѣ увѣдомленій о непрерывныхъ успѣхахъ Французской арміи, обѣ одерживаемыхъ ею побѣдахъ и о заслуженномъ ею правѣ отдохнуть на выгодныхъ зимнихъ квартирахъ, наконецъ въ утѣшительномъ 29 бюллетенѣ возвѣщается Французамъ, что конница лишилась лошадей, и что побѣдоносная армія утратила свою артиллерию. Епомъ достопамятной бюллетень есть не что иное какъ предисловіе къ посланію Наполеону въ сенатъ о новомъ наборѣ войска, и походитъ на пдачевное извѣщеніе Мольерова Скапина, рассказывающаго спарику Героншу, какимъ образомъ сынъ его увезенъ на Турецкой галерѣ. Французамъ ощаетъ теперь восклицать подобно Героншу, у котораго Скапинъ требуетъ денегъ на выкупъ его сына: *да за чѣмъ его чортъ носилъ на галеру?* (Que diable alloit-il faire dans cette galere?) Въ самомъ дѣлѣ, выслушавши поздравленія и привѣтствія отъ Сенаторовъ и государственныхъ

совѣтниковъ, Наполеонъ препроводилъ отъ себя въ Сенатъ посланіе, въ которомъ „изъявляетъ необходимость принять дѣятелишшія мѣры къ тому, чтобы Франція опять имѣла видъ грозный.“ Ето значитъ, что Франція послѣ одержанныхъ ея армією знаменитыхъ побѣдъ въ Россіи, сдѣлалась нѣсколько *по-смирнѣе*, и что для возстановленія *грознаго* ея вида надобны люди, пушки, деньги. Но que diable alloit-il faire dans cette galere? И за чѣмъ Франція опять должна всѣхъ пугать грознымъ своимъ видомъ? Лишь только Наполеонъ ограничитъ свое властолюбіе; то Франція можетъ быть увѣрена, что ни одна держава ненарушитъ ея спокойствія: ибо всѣмъ теперь нуженъ отдыхъ послѣ бѣдствій, нанесенныхъ ея чудовищною революціею.

— Вотъ предоротое замѣчаніе, которое можетъ занимать непослѣднее мѣсто между извѣстіями о Россіи въ сочиняемыхъ Французами учебныхъ книжкахъ. Въ Journal de l'Empire напечатано было Октября мѣсяца письмо изъ Смоленска, въ которомъ одинъ Французской офицеръ увѣдомляетъ, что въ ономъ городѣ есть много медвѣдей, приученныхъ къ верховой ѣздѣ и къ запряжкѣ. Очень странно, что Французы, растерявши множество лошадей на обратномъ походѣ, невздумали комплектовать медвѣдями конницу, по крайней мѣрѣ гвардейскую. А какъ по опеческому Наполеонову распоряженію тогда еще не всѣ Польскія войска отправлены на другой свѣтъ; то непрудно было бы составить и особенную музыку, соопѣвствующую таковой знаменитой конницѣ.

— По извѣстіямъ изъ Америки, г. Маддисонъ, виновникъ нынѣшней войны противъ Англіи, лишенъ президентскаго званія, а на мѣсто его избранъ въ оное г. Клиншонъ, отверженный къ Англійской партіи.

— Нынѣшній Паша Виддинскій явно возсталъ противу Порты. Онъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ 20,000 человекъ войска.

— Чревобасникъ Чарлесъ въ Копенгагенѣ преподаетъ лекціи о теоріи своего искусства. Цѣна за 6 лекцій 100 шалеровъ.

— Кардиналь Мори въ изданномъ прошлаго Октября пастырскомъ посланіи очень спокойно увѣряетъ, что „въ дѣянїяхъ Наполеона есть нѣчто *выше* *человѣческаго*, и что онъ есть очевидное *орудіе* *выше* *естественной* силы, которая имъ управляетъ.“ Достопочтенный господинъ Кардиналь ничего не упоминаетъ о той выше естественной силѣ, которая изволитъ забавляться разрушеніемъ Божїихъ храмовъ, поруганіемъ святыни, опустошеніемъ городовъ и областей, безчеловѣчнымъ кровопролитіемъ и звѣрскими жестокостями; но духовныя овцы его, читая посланіе, мысленно, какъ думать надобно, дополнили сей пропускъ.

29 Января, 1813.

КОНЕЦЪ LXV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

ПРОЗА.

Слово на день восшествія на Престолю ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. -	3
Фридрихъ II, Король Прусской.	81
Доброе сердце. - - -	83
Портретъ Егѳиста. - -	89
Велледа, или Христіаничъ и язычница въ 3 столбшн. -	161

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Военная пѣснь. - - -	15
Къ Московскимъ Стихотворцамъ.	93
Карточный домикъ. - -	94
Ода на истребленіе враговъ и изгнаніе ихъ изъ предѣловъ любезнаго Опечества. - -	195
Пѣснь Опечеству. - -	200
Къ портрету сеспры, П. В.	203

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Римскомъ правѣ. - -	17
О Римскихъ кашакомбахъ. -	25
О полахъ растѣній. - -	96
О шаланшахъ стихотворца.	204

III. К Р И Т И К А.

Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи. - - - -	30
Похвальное Слово Императору Петру Великому, Отцу Отечества, мудрому Преобразителю Россіи. - - - -	113
Петриада, Поема Епическая, сочиненія Александра Грузинцова: С. Пешербургъ, въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи 1812 г. На 229 стран. въ 4 д. л. -	246

IV. С М Ъ С Б.

Историческія лица нынѣшней Франціи: - - - -	57
Замѣчанія Англичанина о Русскихъ. - - - -	135
Примѣры честности и усердія слугъ Русскихъ. - - -	272
Московскія записки. - - -	63

V. П О Л И Т И К А.

О Политическихъ обманахъ Франціи. - - - -	68
Положеніе Европы. - - -	142 и 290
Политическіе отрывки для добрыхъ Нѣмцовъ. - - -	306
Извѣстія и замѣчанія. 79, 159 и 311	

О Ш И Б К И.

Въ № 17 *Вѣстника Европы* 1812 года
напечат. чиллай:

Стран. Стр.

130	5	шы - - - -	„шы
134	12	но <i>Филосовъ</i> -	не <i>Филосовъ</i>
151	20	власти - - -	изъ власти
153	12	омерзенія - -	омерзѣнія
158	22	; и <i>Ерцгерцогъ</i>	, и что <i>Ерцгерцогъ</i> .
